

МАХБУБЭ МЕРАДЖИПУР

**ЗЛАТОРУКИЙ
АББАС**

**Воспоминания
Аббас-Али Багери**

Ростов-на-Дону

2020

УДК 82-311.3

ББК 84

М52

Махбубэ Мераджипур

М52 Златорукий Аббас. Воспоминания Аббас-Али Багери -
Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2020. - 156 с.

Книга посвящена простым рабочим иранского тыла во времена ирано-иракской войны, выполнившим в сложных военных условиях титанический труд по поддержке фронта. Главный герой книги Аббас-Али Багери - простой автомеханик, проработавший в тылу все восемь тяжёлых лет войны, описывает события и проблемы, с которыми ему и его товарищам приходилось сталкиваться.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044725-3-8

УДК 82-311.3

ББК 84

© Помни Хусейна

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	30
Глава седьмая	38
Глава восьмая	49
Глава девятая	53
Глава десятая	61
Глава одиннадцатая	63
Глава двенадцатая	70
Глава тринадцатая	83
Глава четырнадцатая	88
Глава пятнадцатая	99
Глава шестнадцатая	106
Глава семнадцатая	110
Глава восемнадцатая	117
Глава девятнадцатая	133
Глава двадцатая	144

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вот уже несколько дней, как я пребываю в смятении. Всё началось после того, как мы на собрании обсудили вопрос о том, что на фронте не хватает людей и наша помощь точно будет не лишней. Я хожу из стороны в сторону в своём гараже, рассуждая вслух. Громкий лязг, производимый моими подмастерьями, иногда прерывает мои думы – когда они делают что-то не так, то я просто устрашающе смотрю на них раскрытыми до предела и готовыми выйти из своих орбит глазами, и они тут же понимают, что конкретно от них требуется и где они сделали что-то не так. Как правило, этого им было достаточно, чтобы исправиться. Они буквально набрасываются на все эти сломанные машины с весьма похвальным намерением починить их. С самого детства я был таким – я всегда работал очень усердно, как говорится, до седьмого пота. Благодаря своему усердию и трудолюбию, я заработал за жизнь много денег, и теперь мне было тяжело видеть, как кто-то ленится, приходит на работу поздно или пытается сбежать с неё раньше положенного. В конце концов это ведь приводит к тому, что люди не могут забрать свои автомобили, и в таком случае все их дела вынужденно откладываются, да и вся жизнь становится сложнее, даже если это только несколько дней. Так поступать с ними мне не позволяла совесть.

Я смотрю в небо – светит солнце. Как бы солнце нынче ни старалось, оно уже не может греть так же, как это было летом, когда мне приходилось укрываться от его палящих лучей в тени. Теперь же я спокойно могу принимать солнечные ванны.

Идя по дороге, я всё ещё думаю и рассуждаю сам с собой.

«Господи! Моя жена и четверо моих детей! На кого я должен оставить Резу, которому только недавно исполнилось шестнадцать? Что будет с десятилетним Хусейном? Никто из них не достиг зрелого возраста, чтобы быть способным взять на себя хозяйство. Монир только исполняется 9... А Наргис? Ей всего несколько дней от роду! Неужели я должен оставить четверых детей с их матерью и уйти?» – рассуждал я.

Календарь всей моей жизни будто весит у меня прямо перед глазами, и лёгкий осенний ветерок переворачивает его страницы, предавая меня воспоминаниям о былом. Помню, как мать, когда мне было всего пять лет, хотела отправить меня в библиотеку.

– Захра! – с негодованием обратился к ней отец. – Я хочу, чтобы мой

единственный сын, который должен унаследовать моё имя и имущество, был трудолюбивым человеком, а не книжным червём!

После этих слов он повернулся в мою сторону.

– Сын мой! На тебе лежит обязанность стать в будущем отрадой и

– Сын мой! На тебе лежит обязанность стать в будущем отрадой и честью для меня и вершить великие дела!

Для меня остаётся загадкой, почему отец не обращал никакого внимания на четырех моих сестер, одна из которых была старше, а все остальные младше меня, и только я один должен был вершить великие деяния.

«Великие деяния... Великие! О, Боже! Нежели это и есть тот момент, когда я должен делать что-то великое? Мне уже почти тридцать пять лет. Чем я могу пригодиться на фронте? Война – это место для тех, кто моложе телом и духом, для тех, кому и вспомнить особо нечего, и кто ни к чему ещё не успел привязаться. Куда я пойду, оставив дом, имущество, жену и детей? Ведь я не справлюсь!».

Отец всегда просил у Бога, чтобы Он определил для меня великое будущее, чтобы я совершил в своей жизни что-то важное и значительное. Разве может быть что-то значительнее того, что я к двадцати годам уже имел своё дело, машину и обзавёлся семьёй?

В 74-м я уже совершил обязательный хадж, и то не один ведь – со мной были жена и мои родители, поездки которых обеспечил также я. Моё дело расширилось, я купил дом на одной из центральных улиц города. Разве может быть что-то, что было бы значительнее всего этого? Нет, я не тот человек, который может отправиться на фронт. Ну, даже если я и пошёл бы туда, то что я буду делать среди всей этой молодёжи? Слава Богу, у меня есть всё. Нет, я не пойду туда. Пусть другие идут. У меня есть славная, верующая жена, хорошие дети. Что мне ещё хотеть у Бога? Я и сам никогда не проявлял халатности, в том числе и в первую очередь в своей работе – ни один винт с тех машин, что были доверены мне их хозяевами, не был украден мною, и ни разу я не обманывал своих клиентов. Каждый год я исправно выплачиваю хумс¹ со своих скопившихся за год денег. Боже, рассуди по справедливости! Кто ещё в наше время исполняет все эти обязанности и сторонится того, что Ты запретил? Отец всегда повторял: «Греховное умерщвляет сердце и уничтожает род человека». Я в точности следовал его наставлениям и никогда не нарушал их. И молитву я совершил всегда вовремя, а не...

¹ Хумс (араб. букв. «пятая часть») — обязательный налог у мусульман, составляющий одну пятую от годового дохода.

Аббас, себя ты, быть может, и обманешь, но ведь не Господа Бога же. Иногда ты временил с молитвой, так, что её время проходило. Ну да, помнится, это было тогда, когда срочно надо было отремонтировать одну машину, и я совершил молитву на час позже. О, Господи! Даже тогда я ведь лишь хотел услужить службу одному из Твоих рабов!

В памяти оживают картины из далекого прошлого, времён моего детства, проведённое мною здесь же, на улице Мовлави, рядом с садами Фирдаус в Тегеране. Да упокоит Господь душу моего строгого отца, который тогда и не дал мне отучиться.

– Чем тебе поможет эта учёба, сынок? – всё время спрашивал он меня. – Учись мудрости жизни! Мудрости жизни, сын мой!

Он был прав, и я обрёл эту мудрость жизни, и спасибо отцу за это.

Чтобы немного позагорать, я достал из своего гаража небольшую, уже давно позабытую деревянную скамейку, и положил её посреди дворика своей мастерской. Сев на неё, я вновь предался воспоминаниям из своего прошлого. Опять всплыли образы из детства, когда мне было пять лет. До семи лет я был помощником в цеху по обработке камня и шил носки. Работал я с самого утра и до ночи. Да упокоится душа нашего работодателя, который также был автомехаником. Он научил меня практически всему в этом ремесле, и именно с него я брал пример в своём усердии. Сколько же лет прошло с тех пор, и сколько тяжёлых дней я провёл, трудясь в поте лица... Молодость, где же ты? Куда ушла от меня?

Нет же, я и сегодня молод и полон сил. Это был девиз моего отца, которому он научил и меня: «Если ты хочешь, то обязательно сможешь, а раз так, то всегда проси у Бога нечто очень ценное, и после этого трудись во имя его достижения, и тогда глаза твои узрят, как в один прекрасный день ты станешь обладателем того, о чём просил Бога!».

Хадж Дауд Баккаль подошёл ко мне и положил на моё плечо руку.

– Ну, видать настало время переломать ноги нашим врагам, – сказал он мне. – Ты с нами? Вперёд!

– Ты же знаешь, – тихо ответил я, – что я никогда не занимался ничем подобным. Я даже не знаю, что мне там делать.

После этих слов он повернулся в мою сторону.

– Сын мой! На тебе лежит обязанность стать в будущем отрадой и – Надо же! – воскликнул он. – Ты ведь никогда не слыл трусом, так почему сейчас отнекиваешься и не идёшь на фронт? С самого начала никто ведь ничего не умеет. Всё нарабатывается со временем и с опытом.

– Тут дело вовсе не в страхе, – последовал мой ответ. – Я был единственным сыном своего отца, и потому рано женился, чтобы родители не переживали, что их род может прерваться. Обзаведясь детьми, я теперь привязан к семье.

– Хадж Аббас Али! – тяжело вздохнув, сказал Хадж Дауд. – Твоё имя уже числится в списке призывников. Хочешь ты того, или нет, но поехать тебе придётся.

– Я ничего не умею! – грубо ответил я. – На этом всё! Мне больше нечего сказать!

– То, чем ты занимаешься здесь, – даже не думал сдаваться Хадж Дауд, – ты можешь делать и там, да я тебе помог бы в этом. Ты ведь даже самые безнадёжные автомобили ставишь на ноги, так ведь? Неужели ты думаешь, что твои навыки не пригодятся на фронте? Как ты вообще можешь говорить, что от тебя там не будет пользы? О чём ты? Вон, мы набрали целый автобус добровольцев, которые ничем в жизни не занимались, кроме как тем, что были чернорабочими. Тот же Хадж Хасан Гулами, муж твоей сестры, Хадж Мустафа Иштихарди, или Халиль Каземи, чточинит радиаторы – что ты, думаешь, они понимают в военном деле? Однако же, все они идут, чтобы помочь там, нашим, всем, чем только они смогут.

– Я сам сказал об этом Хадж Хасану, сам сподвиг его на это, – задумавшись, сказал я, – и как же быстро он отправился в путь!

Он застал меня врасплох. Я метался между разумом и чувствами. Хадж Хасан, Хадж Мустафа, Халиль, мастер по радиаторам, скажите мне вы все: если мы отправимся и погибнем там, то что в таком случае станет с нашими жёнами и детьми? О, Боже! Что мне делать? Часть меня велит мне отправиться туда и разузнать, что к чему, а другая часть говорит, чтобы я остался, повременил до более удобного случая. А что будет, если нас забросят в горячую точку? Нас ведь не могут отправить на передовую, потому как мы ведь вообще ничего не знаем в военном деле... Разве могут? Нет, ни в коем случае. Они непременно определят нас для какой-нибудь работы в тылу, к примеру, пасти гусей, или... или... Не знаю! Я ведь никогда там и не был, чтобы рассуждать о том, куда нас могут отправить. Я в принципе не знаю, как выглядит эта передовая линия. Всю жизнь я работал здесь, у себя в городе, и никогда не выезжал куда-нибудь далеко. Если я буду чинить машины, то разве я не должен быть на передовой? Разве будут они доставлять разбитую технику на расстояние в десятки или сотни километров? Разве не было бы более практичным, если обору-

довать ремонтную мастерскую в непосредственной близи от передовой? Кажется, так было бы намного разумнее. С другой стороны, как можно работать под обстрелом и бомбёжками? Думаю, посоветоваться с матерью моих детей будет не лишним. Ладно, и что же будет в том случае, если она воспротивится тому, чтобы я поехал туда? Да, она набожная и хорошая женщина, но, в конце концов, она ведь женщина, и не может так быть, чтобы она тревожилась о наших детях меньше, чем я. Наши дети ведь ещё совсем малы, и они сильно привязаны к нам. Однако до самого этого дня она ни разу ни в чём не перечила мне и была покорной во всём, каждому моему решению... Решено – если она даст своё согласие, то я отправляюсь в путь!

В этот же момент в сердце своём я почувствовал, что она уже давно была согласна и ни в коем случае не станет отговаривать меня от задуманного.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я сижу в доме и смотрю на свою любимую жену. Она как раз читает священный Коран. С момента рождения ребёнка прошло совсем немного времени. О, Боже! Как мне начать этот разговор? Очень сложно, ведь тема совсем не шуточная. В результате получается так, что на ней остаётся четыре ребёнка, кто совсем маленький, а кто уже юный, и со всеми справляться должна будет она одна, в том числе и в материальном плане. Да, это совсем не лёгкий вопрос.

Я всё ещё смотрю на неё. Через какое-то время она замечает мой взгляд, после чего, поцеловав Коран, закрывает его и кладёт в сторону. Я встал и пошёл на кухню. Жена идёт вслед за мной. Она села на стул и начала следить за тем, что я делаю. Теперь настал её черёд смотреть на меня пристальным взглядом. Вообще, я не домашний человек, и потому совершенно ничего не понимаю в домашних делах. Однако сегодня особый случай, и потому я обязательно должен сделать что-нибудь, чтобы смягчить её сердце, после чего поднять вопрос о моём призывае на фронт будет немного проще. Я взял пылесос и начал убираться по дому. Нельзя сказать, что в результате моей работы в доме стало очень чисто, однако факт остаётся фактом – я пылесошу. Прошло уже несколько минут с начала моей самодеятельности, но жена всё ещё смотрит на меня с неподдельным изумлением. Как бы я ни старался, я не мог проговорить ни слова. Поняв, что в таком состоянии мне не выгодно начинать разговор, я решил обождать, пока она сама не заговорит. Однако, жена у меня всегда отличалась сообразительностью. Я согрел для неё стакан молока и дал ей. Как и всегда, она смотрит на меня с нежностью и любовью.

– Спасибо тебе большое, – только и сказала она.

Я всё ещё хожу из стороны в сторону и пытаюсь найти что-нибудь полезное, что бы я мог сделать в этом доме. Было похоже на то, что она уже всё поняла. Я опять пытаюсь как-нибудь заговорить. Так было всегда – у себя на работе я с лёгкостью и незатейливо могу говорить о чём угодно, но эти пронзительные, полные нежности глаза не позволяли мне говорить всё, что мне придёт в голову, и потому мне всегда приходилось выбирать слова перед ней, своей столь любимой женой. Внутри я спрашиваю её: ну как ты можешь не понимать значения всего того, что я тут делаю? Разве когда-нибудь такое было, чтобы я что-либо делал по дому?

Она всё продолжала смотреть на меня с удивлением.

– Не надо столько всего делать, милый, – сказала она, – а то устанешь. Скажи уже наконец то, что ты хочешь сказать.

О, Боже! Как же это сложно!

– Неделю назад я записался в добровольцы на фронт, – наконец, начал я говорить. – Я не стал говорить тебе, боялся, что ты будешь возражать.

Жена тут же начинает рыдать. Меня всегда сильно тяготили её слёзы, а сейчас, понимая, насколько ей тяжело это слышать, тем более. Надо попытаться успокоить её.

– Дорогая, ну что ты? Я ведь отправляюсь не на передовую линию. Наша работа будет проходить в тылу, в населённых городах. Мы будем ремонтировать военную технику и машины наших солдат, ведь я даже в армии не служил, а потому не имею никакого представления обо всех тамошних делах. Не переживай. Там, где буду я, звуков выстрелов даже слышно не будет. Мы идём туда вовсе не для того, чтобы воевать...

В конце концов, она начала вытираять свои слёзы, что было явным признаком того, что она немного успокоилась.

– Ты смейся, а не плачь, – пытался я закрепить свой успех и окончательно успокоить её, – я ведь вот он, здесь, перед тобой, и полон сил.

– Дорогой, что ты такое говоришь? – мягко возмутилась она. – Дай Бог тебе прожить ещё тысячу лет.

Всё, теперь она точно спокойна, какой всегда и была. Спокойствие жены успокаивало моё сердце и душу, а если она улыбается, то у меня такое чувство, будто мне подарили весь этот мир. Вдруг мы обнаружили, что наш второй сын, Хусейн, тоже находится на кухне. Оказывается, он слышал наш разговор, и теперь умоляет меня забрать его с собой на фронт.

– В доме обязательно должен быть мужчина, сынок. Понимаешь? Должен быть мужчина, – пытался я вразумить его.

Я встал.

– Сынок, позволь сначала пойдёт твой отец, – гладя по голове, сказал я ему, – обучится всему и поймёт что там, да к чему, а потом уже и твоя очередь наступит. Нынче Саддам хочет войны, ведь он думает, что он на коне. Черёд каждого из нас непременно настанет, раньше или позже. Ну ладно, иди, а я пока попробую испросить у мамы разрешения, а после уже вместе подумаем о твоей ситуации. Опустив голову, Хусейн вышел из кухни и, судя по всему, ушёл по каким-то своим, неведомым для нас делам. Жена же просит меня сесть рядом с ней.

– Знаешь, – начала она, – если ты уедешь, то это будет первый раз, когда

мы покинули друг друга. Наргис сегодня исполнилось всего сорок дней.

– Но ведь у нас есть взрослый сын, – отвечал я ей, – которому вот уже исполнилось тринадцать лет. Он будет за место меня в доме.

– Реза? Реза ведь совсем ещё ребёнок! – возразила она. – Не смотри на возраст, да и проблема, на самом-то деле, совсем не в этом. Единственным мужчиной в доме для меня всегда будешь ты, и только ты!.. Так уж и быть, езжай, если считаешь это правильным, но с одним условием – что ты вернёшься, причём целым и невредимым.

– Обязательно, дорогая, – радуясь её достойной реакции, но не без горечи в сердце, сказал я ей. – У наших солдат ведь тоже далеко не всегда хватает рук, тем более таких, как у меня. Такой автомеханик, как я, позарез нужен им. Вот, как раз меня и нашего отряда мастеров там и не хватает. Правду тебе говорю – как только мы прибудем туда, то все их проблемы будут решены, а оттуда и до окончания войны рукой подать. Мы быстренько побьём Саддама, и сразу же вернёмся.

– Да убережёт тебя Всевышний, Аббас, – сказала она мне, – но ни в коем случае, ни за что не уводи туда Хусейна и Резу!

– Хорошо, так тому и быть, – последовал мой ответ. – Даю тебе слово, что я не заберу их туда... Ну а мне пора уже идти.

– Может, ты попрощаешься с семьёй? – спросила она.

– Да, конечно, – опомнился я.

Всех родственников, что были недалеко от нас, я навестил, а остальным позвонил или отправил сообщение. Конечно, пока я прощался с родственниками, не обошлось также без того, что меня пытались отговорить от своего решения.

– Хаджи, останься! – сказал мне двоюродный брат жены, когда узнал о моём намерении.

– Аббас, останься же! – начала отговаривать меня одна из родственниц, сын которой погиб на войне. – Моего сына, когда он был на фронте, ранили, и до него так долго не могли пробраться, что он весь истёк кровью, от чего и умер. Никто там не услышит твой крик о помощи. Не надо идти туда! Останься здесь и живи себе! «Нет, я поеду, но буду жить», – сказал я себе тогда. Собрав всё необходимое, я закрыл свою сумку. Жена принесла поднос, на котором были маленькое зеркало на ножках, китайская пиала, украшенная рисунком разных цветов на ней, вода и Коран. Я взял Коран и поцеловал его. Посмотрев в зеркало, я взял слово с того Аббаса, которого видел в нём, что ровно через две недели он будет рядом со своей семьёй в Тегеране, здоровый и невредимый.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автобус нёс нас по трассе Керманшаха. Я открываю свой дневник и делаю в нём первую запись:

«Первая поездка на фронт – 20 ноября 1980-го года».

Вдруг, нам послышался тяжёлый рёв, что доносился с небес. От него будто и автобус качнуло в сторону. Тетрадь и ручка выпали из моих рук. Меня начало трясти. Около сорока дней назад иракские войска уже подвергли бомбардировке Тегеран, и для меня быть под бомбёжкой было не впервой, но страх так объял меня, как будто я никогда не испытывал ничего подобного. Было чувство, что автобус сейчас разорвёт на части, и я, вместе со своими товарищами, полетим куда-нибудь в сторону гор, что располагались справа от нас. В моём сознании тут же возникли образы того, как моих друзей разрывало на части от разрывающихся снарядов, а их плоть и кровь брызгает мне на голову и лицо. Смерть стоит прямо передо мной и зовёт меня:

– Аббас! О, Аббас! Вот и настал твой черёд!..

Я пытаюсь произнести шахаду,² но мой язык заплетается – он произносит что-то невнятное, но это не шахада. До сих пор меня бьёт дрожь. Я взял голову двумя руками и был готов уже кричать от ужаса, как вдруг услышал чей-то голос:

– Не бойтесь, это всего лишь гром с грозой.

Это был водитель. Я смотрю в окно и вижу сполохи света на небе. Наконец, мне удалось взять себя в руки. Я приложил голову к окну и сквозь загрязнённое стекло начал искать чёрные тучи. Они плыли мягко и тихо, закрывая собою небосвод. Или, быть может, это мы едем, а они стоят на месте? Мы едем и едем, туда, где никто даже не смеет поднять свою голову и взглянуть на небо, чтобы узнать – облачное ли на нём, или же нет. О, Боже! Неужели там, на фронте, всё обстоит именно так?

Облака сдвигаются и встречаются друг с другом, разрывая своими молниями небо так, будто они хотят оглушить всю вселенную раскатистым громом. Их бешеный грохот можно было бы сравнить с тысячей бомб, взорванных одновременно. Завывающий ветер, раскаты грома на небе и автобус, что подбрасывал нас на каждой кочке, которую он ловил на этой старой и изрытой дороге – всё это изрядно нагнетало во мне чувство страха. Слава Богу, что хоть этот небесный рёв был всего лишь громом, а не взрывающимися бомбами.

²Шахада (араб. — букв. свидетельство; произн. (инф.)) — свидетельство о вере в Единого Бога (Аллаха) и посланническую миссию пророка Мухаммеда (с).

Дауд Баккаль, который был здесь же, поднял с пола мою тетрадь и ручку и протянул их мне.

– Дауд, все эти мучения из-за тебя. Неужели это и вправду был лишь шум грозы?

Дауд сидел неподвижно, словно каменное изваяние, и лишь рот его двигался:

– А как ты думаешь, Эйнштейн?! Быть может, я произвёл эти звуки? Конечно это был шум грозы! Где твои твои сумка и вещи?

Я глазами указал на маленькую ручную сумку, что лежала у меня под сиденьем.

– Это что такое? – с удивлением спросил он. – Мы должны провести там две недели, а ты взял так мало вещей?

– Ну да, – ответил я. – Один комплект верхней одежды и один комплект нижней. Зачем нагружать себя сверх меры? Я хочу быть налегке, чтобы, если иракцы погонятся за мной, я смог с лёгкостью унести свои ноги, да и имущества своего им не оставить в качестве трофея!

Дауд разразился громким смехом. Моя шутливая самокритичность ему явно пришла по душе.

Мы прибыли к месту назначения. Автобус остановился на кругу в Керманшахе. Город был погружен во тьму и полную тишину. Водитель вытянул ручной тормоз до предела, который, судя по тому, как легко он это сделал, вовсе и не держал тормоза.

– Товарищи братья, на выход! – незамысловато напутствовал он нас.

Один молодой человек, что был родом из Кума и одет в военную форму, попросил всех нас, чтобы никто из нас даже не зажигал сигарету, потому как ситуация совсем не обыденная, и нас в любой момент могут разбомбить иракские самолёты, что периодически курсируют в небе. После этого он сам отвёл нас на другую сторону дороги.

– Братья! – обратился он к нам. – Сегодня ночью мы остановимся здесь же, в школе.

Фары автобуса зажглись. Как только наш, ставший уже своего рода лидером, товарищ увидел это, то тут же крикнул:

– Выключи! Быстро выключи фары!

Мой взгляд падает на молодых ребят, которые выглядели весьма устало и были все перепачканы в грязи и пыли. Они располагались позади какой-то стены недалеко от круга.

– Это и есть передовая линия? – спросил я, обратившись к одному из тех,

кто ехал с нами. – А если оно так и есть, то почему здесь не слышен шум танков и разрывающихся снарядов?

Он лишь покачал головой, давая понять, что у него нет сил объяснять всё то, что я, судя по всему, недопонимаю.

Мы встали прямо перед школой. Когда водитель выключил фары автобуса, здесь вновь стало темно, как в густом лесу в безлунную ночь. Боже! На каком расстоянии я буду находиться от этих ребят, что сражаются и умирают прямо здесь? Такое чувство, будто от загробной жизни меня отделяет всего несколько шагов. О, горе мне! Неужели меня просто обманули и привели сюда, где меня ожидает неминуемая смерть? Но ведь я хочу жить! О, Боже мой! Какую ещё подлость не совершил этот Дауд Баккаль? Это ведь всё его происки!

Все мы вошли в школу. Все классы были оборудованы под ночлег для солдат и путников. Я пытаюсь не упустить из виду Хадж Хасана Гулами, моего зятя, за которого вышла замуж сестра, Хадж Мустафу Ештехарди, Халиля, что радиаторов мастер, и лидера нашего скромного отряда – Хадж Дауда Баккаля. Выбора у нас не было – ночь надо было проводить здесь. Надо было подождать до утра, и тогда уже я смогу разузнать, что мы будем делать здесь, на фронте. Выдадут ли мне военную форму и отправят ли на передовую? Или же оставят чинить транспорт и военную технику? Это весьма странное место, и, возможно, нам не будут поручать всё, что угодно, но есть вероятность того, что заставят нас заниматься далеко не тем, чем нам хотелось бы. Здесь мы должны лишь подчиняться руководству, что бы оно нам ни приказало.

Помещение освещала тусклая керосиновая лампа. Каждому из нас выдали подушку и два одеяла. Одно одеяло я постелил на пол, а другим накрыл тело вместе с головой. Вдруг я почувствовал, что в сердце поселилась тяжёлая тревога. Я чувствую сильную усталость, но ни в одном глазу сна нет. «Раз уж мы здесь, то должны показать себя с лучшей стороны», – размышляю я сам с собой.

Издалека до нас доносится шум автоматных очередей, который напомнил мне шум пальбы зениток в Тегеране, которые охотились на саддамовские самолёты. Через какое-то время раздался гул оглушающего взрыва. О, Абу аль-Фазль! – раздался чей-то голос в темноте. – Эта бомба ведь взорвалась совсем рядом. Куда же она попала?

Стены школы затряслись от этой волны. Я вытащил голову из-под одеяла и со злостью обратился к Дауду Баккалю:

– Ну что? Где твоя безопасная зона, в которой мы будем работать? Это ведь не божьи бомбы на нас падают?

– Спи уже, Аббас! – простонал он. – Нет, это бомбы Саддама. Не переживай, в раю много места, хватит на всех, в случае чего.

Что мне делать? Проявить стойкость, или, быть может, бежать отсюда подальше сразу с наступлением зари? Да и откуда я знаю, что доживу до завтра?

Постепенно меня одолевает сон, и все мысли быстро отступают, давая возможность душе уйти в забытье. Сон ли пришёл за мной, или это я пришёл ко сну? Не знаю... Уже ничего не понимаю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Если даже и не сразу, то спустя очень короткое время нас всех разбудили. Мы совершили утреннюю молитву, после чего, позавтракав на скорую руку, опять сели в свой автобус, что был полностью покрыт слоем грязи. Началось просто какое-то безумие – все сутились и устроили настоящий хаос. На мои расспросы о том, что вообще происходит, и куда мы направляемся, сквозь эту армаду копошащихся людей я рассыпал чей-то голос:

– Мы направляемся в один из гарнизонов, что находится вне черты города!

Мы быстро добрались до него. Он располагался на горном плато. Теперь я уже точно знал, что там, в городе, была не передовая линия. Сегодня мне уже самому смешно вспоминать то, как я испугался вчера. Радость охватила всё моё существо, так, что я не знал куда податься и как её выплеснуть. Я поднял руки к небу и от всего сердца начал благодарить Бога за то, что я провёл вчерашнюю ночь не на передовой линии, где меня с большой вероятностью могли убить:

– Господи! Благодарю тебя! Прости меня за мою слабость!

Мы все стояли на площади перед гарнизоном.

– Пришёл командующий батальоном, – раздался голос одного из знакомых. – Его зовут майор Расех.

Тут же подоспел и сам майор Расех. Подойдя к нам, он начал разделять нас на маленькие группы по три человека. В конце нас осталось четыре человека: я, Хадж Хасан Гулами, Хадж Мустафа Ештехарди и Халиль радиаторщик.

– Хорошо, вы, четверо, отправляйтесь тоже в Исламабад, – сказал один из офицеров. – Обстановка там относительно спокойная.

Хадж Дауда и его отряд направили в город Бисотун, несколько отрядов были определены в город Сарпол-е Захаб.

– Все, кого направили в Бисотун, попадёт в Тегеран! – неожиданно для меня, сказал командующий.

– В Тегеран? – удивился я.

– Нет, я не это имел в виду, – ответил он, заметив моё удивление. – Это аллегория к тому, что в Бисотуне, в отличие от всех остальных гарнизонов, очень безопасно, прямо как в самом Тегеране. Те, кто остаётся здесь, направляется в Керманшах. В принципе, в Исламабаде тоже относительно спокойно, поэтому можете не переживать.

Я пребывал в состоянии лёгкого замешательства. Да, я не понимал всех деталей и тонкостей такой специфической классификации гарнизонов по степени опасности, но какое-то представление об этом у меня уже сложилось.

– На фронт отправляются лишь те, кто идёт в Сарпол-е Захаб. Мы, можно сказать, уже на пути домой.

С территории гарнизона вышел отряд молодых ребят при полном вооружении, которые затем расселились по прибывшим за ними автобусам. Половина всех автобусов принадлежала армии, а другая половина состояла из наёмных рабочих. Их кличи и выкрикивания «Аллаху акбар!» заполнили собою всё вокруг, и чем дальше они отдалялись, темтише до нас доносились неустанно повторяемые ими выкрики. «Да, нельзя сказать, что я стремлюсь вернуться, – начал я рассуждать сам с собой, – но и не сказать, что был бы против этого. Однако, я ведь до сих пор толком и не видел войну. Поживём, увидим. Ещё не известно, какую судьбу для нас уготовил Господь. Раз уж мы проделали такой длинный путь и прибыли сюда, то обязательно должны сделать что-то полезное, чтобы, когда мы вернёмся в Тегеран, мы могли бы рассказать всем, каково это быть на передовой линии».

Наш изначальный отряд расформировался. Мы так и остались в этой группе из четырёх человек. Люди всё прибывали, и командующий подходил ко всем и также делил их на группы по своему усмотрению. В конце концов нас тоже посадили в автобус. Я спросил одного механика, который уже не в первый раз отправлялся на фронт и, можно сказать, был уже ветераном:

– Нам сказали, что нас везут в гарнизон Исламабада. Долго ли нам туда ехать?

– Примерно час, – ответил он. – Предупреждаю вас: будьте поосторожнее с тамошним командующим!

– Почему? – удивлённо, спросил я.

– Потому как он очень требователен к своим подчинённым, и если вы ему чем-нибудь не понравитесь, то он не станет терпеть ваше присутствие там, – ответил он. Такое обстоятельство пришлось мне не по душе.

– Почему это? Он ведь должен быть нам благодарен хотя бы за то, что мы едем им помогать, причём на добровольной основе! – не мог я успокоиться.

– Ну, как бы там ни было, он человек очень требовательный, – ответил он.

– Постарайтесь понравиться ему, вот вам мой совет.
Автобус прибыл до места назначения. Все мои мысли были о том требовательном командующем, с которым нам придётся иметь дело. Как мне сообщили, звали его Шахбази.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы заехали в Гарнizon Исламабада. Вдруг, я увидел там одного своего старого знакомого. Это был Садек Джасиб, сын моего хорошего друга – Хадж Асгара Джасиба. Я подошёл к нему и горячо поздоровался с ним. Он мне рассказал, как работает здесь чуть ли не в три смены на дню. Когда я его попросил рассказать о его фронтовой жизни и работе, вдруг кто-то окликнул его. Он ходил туда-сюда, как заведённый.

– Дай мне слово, что если тебе понадобится что-либо, то ты сообщишь мне об этом! – вынужденно уходя от меня, сказал он мне.

– Даю слово мужчины, что беспокоить и доставать я буду в первую очередь тебя! – ответил я ему.

Я начинаю осматривать тех, кто меня окружает. Мой взгляд привлёк один высокорослый молодой боец с плотным телосложением. В одной его походке прекрасно виднелось благородство и богатырская стать. Он сразу мне понравился. Я решил заговорить с ним.

– Салам алейкум, – сказал я. – Можно ли узнать Ваше имя? Откуда вы родом?

– Ва алейкум салам, – ответил он. – Я доброволец, родом из Тегерана.

– Наш Тегеран таких размеров, что вполне мог бы сойти за целую страну, – сказал я. – Из какой конкретно части Тегерана? Из Хорасана, Казвина, Низамабада, Мовлави, Джавадийи... Откуда?

– Из Тирдогуля, – пристально смотря мне в глаза, ответил он.

– Надо же! Так, мы, получается, почти соседи с тобой! – сказал я. – Весь район Тирдогуля полон моими друзьями.

Мне удалось найти с ним общий язык, и мы пообщались довольно-таки тепло. Я расспросил его обо всём, с чем нам предстояло столкнуться здесь, в гарнизоне. В конце концов он, будто главный герой какого-нибудь индийского боевика, выдаёт мне следующее:

– Если передо мной поставить пятьдесят человек, то я смог одолеть их всех.

Смотря на его могучее тело, я понимаю, что эти слова не так уж и преувеличены. Когда я спросил о том, чем он конкретно занимается, то сказал мне, то он автомеханик. Узнав в нём своего коллегу, мы ещё больше сдружились с ним.

– Я так понимаю, Вы не проходили службу в армии, – сказал мне мой собеседник, имени которого я так и не услышал. – Если ночной комендант

приедет сюда и узнает о том, что вы ничего не мыслите ни в военном деле, ни в построениях, ни в чём-то другом, что было бы связано с армией, то он тут же прогонит вас отсюда. Не так давно к нам присоединился один отрядов работников из автопромышленной фирмы, которые, к тому же, только закончили военные курсы, поэтому не думаю, что в вас может быть хоть какая-то потребность.

«Знаешь, куда бы тебе стоило пойти со своим мнением?» – разгневавшись в один момент, со злостью подумал я. Моё негодование было прекрасно видно на лице.

– Однако ты не учёл один простой факт, что работники автопромышленности, если и умеют что-то, так это что-нибудь установить или заменить, но они совсем не умеют ничего ремонтировать. Они привыкли работать на конвейерах, и большинство из них не сможет даже отличить зад машины от её переда!

– Ну, Вам лучше знать, – смущившись, сказал он.

– Так, что же нам надо такого сделать, чтобы наверняка остаться здесь на следующие две недели? – немножко взяв себя в руки, спросил я его.

– Останетесь ли вы здесь, или же вас всех отправят обратно в Тегеран, зависит только от вас, – ответил он.

Мой собеседник указал мне на каких-то людей, которые, как оказалось, и были работниками автозавода. Зазвучал призыв к молитве. Азан читал один из солдат, что находился в гарнизоне. Наш скромный отряд в четыре человека дружно принял подготавливаться к молитве и делать омовение. Все собрались, чтобы совершить молитву коллективно.

После окончания молитвы начали раздавать еду, обойдя разве что наш маленький отряд стороной. Еду дали абсолютно всем, кроме нас четырех! Как будто нас и вовсе здесь не было.

Вкусный запах насыщенной подливы ещё больше возбудил мой аппетит. И что мне теперь делать? Да, мой желудок взял верх надо мной. Очень сложно терпеть голод, тем более мне, бывалому едоку.

– Халиль! – обратился я к своему товарищу. – Мы ведь тоже пришли сюда не без приглашения, так? Но почему на нас не обращают никакого внимания?.. Слушай, человек! Мы ведь тоже голодные! – выразил я своё возмущение разносчику еды.

Халиль лишь развел плечами. По нему нельзя было сказать, что он испытывает меньший голод, чем я. С голодным видом, чуть ли не высунув язык, я начал смотреть на своих товарищей, что так аппетитно поглощали еду.

«Эх, вы, недомусульмане! – возмущался я в душе. – Как назло, тут ведь даже буфета нет. Быть может, устроить здесь драку? Перевернуть всю их посуду верх дном, чтобы неповадно было? Нет, лучше я сяду прямо напротив них, чтобы их одолел стыд за то, как они себя повели!».

Затем в душе моей будто ангел начал мне внушать: «Нет, Аббас Али! Прояви терпение! Ты ведь пришёл сюда не для того, чтобы думать о своём желудке. Ты пришёл, чтобы сделать свой вклад в войне против врага. Раз уж ты пришёл, то будь готов к лишениям и невзгодам, ведь их не может здесь не быть. Тот, кто отдал свою жизнь тяжёлому труду с самого детства, должен быть подобен несокрушимой горе!».

Да, я словно твёрдая скала! Я ведь не мотылек, чтобы меня хоть как-то поколебали эти лёгкие дуновения ветра! Я приехал сюда не иначе как за тем, чтобы помочь этим самим ребятам, что сражаются за всех нас, и внести свой посильный вклад в общее дело...

– Ничего страшного, – обратившись к своему зятю, Хадж Хасану, сказал я.
– Немного побудем голодными, с нас не убудет.

После обеда я направился к прибывшим в гарнизон работникам автомобильного завода. Они уже приступили к работе. С каждым мигом шум от их работы становился всё громче. Я подошёл к одному из них. По моим прикидкам, ему должно было быть лет тридцать, и выглядел он более словоохотливым, чем остальные. Наклонившись к его уху, первым делом я спросил о местном суровом и требовательном командующем: каким он был по своему характеру? Есть ли у нас шанс остаться здесь и принести какую-нибудь пользу? Когда я увидел удивление в его глазах, то сказал:

– Я это спрашиваю к тому, чтобы оказать на него должное впечатление, когда он прибудет сюда. Мы не хотим, чтобы нас отсылали обратно. Мы прибыли сюда, чтобы помочь солдатам. Не просто же так мы проделали всю эту дорогу, не для того ведь, чтобы сразу тронуться в обратный путь, даже не расстегнув молнию на своих дорожных сумках.

Парень рассказал мне о том, что нрав у командующего очень суров, однако это человек с добрым сердцем, и суровость его исходит не от злобы, а из соображений целесообразности и холодного расчёта.

Если дело обстоит так, как он говорит, то тогда этот орёл должен по достоинству ценить время и хорошие руки. Этого будет вполне достаточно, чтобы не опозориться перед ним. Я взглянул на свои часы – было уже полтретьего. Парень показал в какую-то сторону и сказал:

– Вон он. Как раз идёт сюда.

Попрощавшись с этим парнем, я вернулся к своим товарищам по отряду. Осеннее солнце над головой отчаянно светит, чтобы хоть как-нибудь согреть нас. Хоть оно не лучшим образом справляется с этой задачей, однако уж лучше так, чем без него. Мы в полном составе четырёх человек решили подойти к командующему. Он стоял прямо перед нами, немного поодаль от нас. Не знаю, что будет дальше, но вид у него пока ещё довольно сносный. У него были густые и опоясывающие глаза полукругом брови, маленький нос, выступающие щёки и густая, чёрная борода. Рост у него был средний. Встретил он нас весьма сухо, о чём меня и предупреждал некоторыми минутами ранее тот парень. Поймав взгляд моего новоявленного коллеги, я подмигнул ему, давая понять – у нас всё отлично. Приблизившись к командующему, я поприветствовал его.

– Салам алайкум, – ответил он. – Кто вас прислал сюда? – тут же последовал вопрос.

– Мы прибыли из Тегерана, по направлению от ассоциации автомехаников, – ответил я. – Председателя ассоциации зовут Ник Айин. Из Керманшаха нас доставили прямиком сюда.

Он стоял уже прямо передо мной.

– Чем вы собираетесь здесь заниматься? – спросил он.

– Мы приехали сюда, чтобы работать, – поглаживая бороду, ответил я. – Если вам не нужны мотористы и автомеханики, то мы можем поработать хотя бы дворниками и уборщиками!

Он осмотрел меня с ног до головы тяжёлым и сухим взглядом.

– Нам не нужны уборщики,уважаемый! – начал он. – Это место для солдат, прошедших обучение и способных воевать!...

– Как бы там ни было, мы уже прибыли к вам, – прервал я его, – чтобы послужить как раз этим солдатам, о которых Вы говорите. В конце концов, мы ведь не животные, а люди, а, значит, работа для нас должна найтись. Война не различает ни старого, ни молодого, ни женщину, ни ребёнка – ока касается всех, а, значит, все должны также и противостоять ей и вместе сражаться с врагом. Что я наверняка знаю, так это то, что на фронте не бывает лишних рук, а то, что говорите Вы, мы слышим впервые. Уважаемый Шахбази, разве туалеты, салоны, двор гарнизона – всё это не нуждается в уходе? Неужели всё само собой будет держаться в подобающем виде?

– В смысле? – вдруг разозлился он. – Что за разговоры вы себе позволяете?

– В том, чтобы работать, какой бы ни была эта работа, нет ничего предосудительного, – без тени сомнений, возразил я ему. – Мы ведь не требуем у вас зарплаты за свой труд! Работать мы будем совершенно бесплатно. Неужели на свете есть такое место, где могут отказаться от бесплатной рабочей силы?

Он начал чесать бороду, видимо для того, чтобы потянуть время, чтобы принять относительно нас какое-нибудь решение.

Наконец, он просит, чтобы мы последовали за ним. В этот момент молили Бога всеми известными нам молитвами, чтобы всё прошло так, как мы того хотели.

Он привёл нас в большую мастерскую, где было множество самой разной техники, пришедшей в негодное состояние. Думаю, здесь можем во всей красе продемонстрировать всё своё мастерство, ведь он именно это хотел проверить, приведя нас сюда. Так ведь? Работники машиностроительного завода тоже копошились и чинили в этих машинах. Каждый работал за своим станком. Пройдя их всех, мы дошли до самого мастерской. Здесь стоял искорёженный джип, покрытый сантиметровой грязью и пылью.

– Это подарок жителей Мешхеда, – указывая на лежащий перед нами металлом, сказал командующий. – Конечно, когда они его присылали, то он был совершенно новым. К сожалению, по дороге, когда его везли сюда, случилась весьма неприятная авария, из-за чего он превратился в то, что вы видите – кусок безобразного железа. Если вы способны привести его приемлемое состояние, то полный вперёд. Если же у вас не получится, то нам придётся распрощаться, и вы благополучно отправитесь обратно в свой Тегеран. Как вы могли заметить, мастера в этом деле у нас имеются, причём отменные и в достаточном количестве. Что ж, продемонстрируйте, что вы ничуть не хуже остальных. В таком случае, быть может, и для вас найдётся работа. В противном случае можете сразу собирать свои вещи.

Мы внимательно начали осматривать машину, так, будто собирались торговаться о её цене перед тем, как купить её. Да я ведь и сам могу её за два дня без особого труда привести в человеческий вид! Это отличная возможность показать себя с наилучшей стороны.

«Ты не думай, командир, что мы лыком шиты, – подумал я. – Если ты главный среди солдат, то мы – главные среди машин!».

– Командир, вот что я Вам скажу, – начал я, – вся наша жизнь прошла за

работой в гараже на улице Хаверан в Тегеране. Дым и копоть пропитались в наши тела. Если даже мы не сможем починить что-либо, то лучше сразу отправить это на свалку, потому как никто этого не сможет. На самом деле, Ваше поручение никак нельзя назвать сложным, но раз уж вы велели нам заняться именно этим, то мы сделаем по-вашему, чтобы вдруг не пришла такая мысль, будто мы пытаемся увильнуть от этой работы. Пришлите послезавтра кого-нибудь, чтобы принять автомобиль. Знаете, как меня называют? Златорукий Аббас, мастер на все руки!

Всё это время он пристально смотрел на меня.

– Уважаемый, о чём ты говоришь? – удивлённо спросил он. – Ребята с завода не смогли ничего с ней поделать, а ты говоришь, что справишься за два дня? Я даю вам десять дней, и если вы справитесь, то мы убедимся, что твои слова не пустой звук. Если вы сможете починить её, то можете оставаться здесь и работать столько, сколько душа пожелает.

Он всё ещё стоял, указывая на работников автомобильного завода, которые всё это время были погружены в свою работу и даже не слышали всего того, что говорил командующий. Мой зять, молча и с неподдельным удивлением, граничащим с упрёком, смотрел на меня. Его глаза будто говорили: «Ты что? Эта работа нам не по силам! Зачем бросать столь дерзкий вызов этому человеку? Зачем позорить нас всех?».

Тут я вспомнил своё тяжёлое мужское слово, что дал Садеку Джасибу. Как только командующий покинул нас, я сразу взялся за поиски сына своего близкого друга. Спросив пару человек о нём, я вскоре нашёл его. Он стоял и слушал, как кто-то давал ему инструкции к работе.

– Завтра утром у меня есть к тебе особое дело! – крикнул я ему, когда он уже освободился.

– Понял! – ответил он. – А что за дело такое?

– У тебя ведь есть подъёмник, так?

– Да.

– Вот как раз он мне и нужен, причём с раннего утра. Надо будет поднять перед одной машины.

Парень заверил меня, что непременно поможет.

Пока что всё идёт как нельзя лучше. В таких случаях человек забывает о том, что он голоден.

Когда Садек ушел, я вдруг резко вспомнил о матери своих детей, о своей любимой жене. Интересно, есть ли здесь телефон, с которого можно было бы позвонить семье? Сообщить ей о том, что мы благополучно добрались,

думаю, будет не лишним.

Да, телефон здесь был. «У тебя всё хорошо?... Да, я тоже в порядке... Какие новости?», – ну и всё в этом духе.

После ужина мы отправились в казармы на ночлег. Это был большой холл с высоким потолком, полностью заставленный двух и трёхэтажными койками, расположенных очень близко друг от друга. Внутри было жарко. Я с головой укрылся разноцветным пледом, выставив наружу только нос. От пледа веяло смрадом! Такое чувство, будто бы его сняли с не самого свежего трупа. Я тут же скинул его с головы, и меня уже бросило в кашель.

– Что с тобой, Аббас? – спросил мой зять. – Ты что, простыл?

Я помахал головой, мол, всё нормально, не переживай. Сон как рукой сняло. Как я заметил, Хадж Хасан и Халиль столкнулись с той же бедой, что и я. Все мы сели на своих койках. Было девять часов ночи, и вдруг свет полностью выключили.

– Время отбоя, – сказал чей-то голос в темноте. – Всем благих сновидений. Была полная и кромешная тьма.

– Здесь ведь вообще ничего не видно! – с горестью воскликнул я. – Зачем вы выключаете свет полностью? Ну, ради Бога, поставьте вы хотя бы самый маленький светильник, что хоть в самую малость рассеял бы эту тьму!

Моя жалобный стон тонет в нескольких голосах, исходящих из разных концов холла:

– Уже отбой! Спал бы ты лучше!

– У нас тысяча дел завтра. Дай поспать спокойно!

– Это что, твоя первая ночь? Ничего, скоро привыкнешь.

Мы вчетвером встали с коек и на ощупь начали пробираться к выходу. Ловко сориентировавшись, мы быстро смогли выбраться наружу. Найдя для себя скромный уголок, мы присели. Через какое-то время к нам пришёл какой-то солдат из командного штаба. Он сказал, что, при желании, нас могут устроить отдельно от остальных солдат. Мы были нескованно рады такому повороту, и, естественно, приняли столь щедрое предложение. Мы решили ещё часок оставаться во дворе и подышать воздухом. Солдат покинул нас. Я смотрел на луну, окружённую ночными облаками. Указав на неё, я сказал своим товарищам:

– Когда мы были маленькими, мы смотрели на ночное небо и выбирали для себя звезду. Для себя я всегда выбирал самую яркую и крупную звезду. Сегодня на небе не видно ни одной. Для нас, работяг, девять

вечера – это только начало ночи, когда мы работаем. А тут что? Как к такому привыкнуть?

Облака окончательно окружили луну и заключили её в свои объятия. Почему-то меня охватила сильная тоска. Хадж Хасан всегда был большим любителем почитать. Когда ни глянь, у него с собой всегда была какая-нибудь книжечка. Вот сейчас он достал из кармана книжечку и открыл её. Мы видим лишь то, как белые рукава его рубашки совершают во тьме какие-то пасы.

– Давайте я почитаю вам книгу, – вдруг заявляет он.

– Ну да, в этой тьме нашу боль успокоить может разве что книга! – иронизирую я. – Да и как ты собрался её читать в такую темень?

Хадж Мустафа разразился хохотом. Халиль начал рассказывать нам о своём прошлом. Все вдруг настроились на воспоминания о былом. Я напомнил им, что уже не раз, когда мы вот так же ночами присаживались, чтобы отдохнуть на работе, я им немало рассказал о своём прошлом, что их, впрочем, не убедило в том, чтобы перестать просить меня рассказать им что-нибудь. Я смотрю на них – передо мной три чёрных головы, силуэты которых я могу различить не без труда.

– Ну, нельзя же заставлять человека против его воли! – все уклонялся я.

– Да рассказывай уже! – не сдавались они.

Несмотря на то, что и сами они любители и мастера рассказывать, но всё равно почему-то просят меня. Они спрашивали меня о том, откуда я, где и как вырос, и всё в этом духе. Как они сами говорят, они считают меня своим учителем, и поэтому хотят знать больше о человеке, у которого учатся полезному делу. Я соглашаюсь со столь почётным статусом, которым меня наградили друзья. Из груди моей выходит протяжный вздох – сердца наши обняты печалью, как и луна эта обнята облаками.

Звук стрекочущих кузнечиков для нас стал музыкой, единственной, которую можно услышать на территории этого гарнизона. Мне вспоминается мой магазин с гаражом, в котором я был буквально два дня назад. Там всегда стоял какой-нибудь шум, будь то мотора, ударов молотком, закручиваемых гаек, словоохотливых работников или ещё от чего. Я не привык к такой мёртвой тишине, какая стоит тут, в месте, что так далеко от суетливой городской жизни.

Я сижу, опёршись о стену и обняв руками колени, словно двух маленьких детей. По стене у меня за спиной что-то, шурша, начало идти. Я же не обратил на это что-то никакого внимания, и оно, так же шурша, благополучно куда-то ушло.

В памяти тут же возникли воспоминания о том, когда в детстве я был охотником на всякую живность. Когда я был совсем маленьким, как же я мучил насекомых, в частности муравьёв и тараканов! В столь же юном возрасте я устроился подмастерьем к одному точильщику камня. Это была моя самая первая работа, на которую меня устроил отец, чтобы я привыкал к труду. После этого, когда люди уже знали меня как хорошего работника, я устроился на работу к текстильщику Ага-Резе. И в скольких ещё разных местах и у разных людей я работал после этого! Всё это стало воспоминанием, проходящим в сознании так быстро, словно молния, будто всё это вмещается в минуту жизни или менее того.

Вернувшись из своих грёз и воспоминаний обратно на землю, я взглянул на своего зятя и своих друзей, что словно призраки, сидели в этой непроглядной ночной тьме и скороговоркой рассказывали об историях и случаях из своей жизни. Когда очередной рассказ закончился, я перехватил инициативу разговора и начала рассказывать сам.

«Когда мы были маленькими, мы попали на работу к одному текстильщику, которого мы звали Ага-Реза. Он был холостым. Нет, дело не в том, что у него был какой-нибудь дефект в теле, или он был каким-то слабаком. Просто пока ещё на тот момент не нашлась для него та, с которой он хотел бы навсегда связать свою жизнь. Мне тогда было всего семь лет, но уже тогда я многое понимал. Однажды он поручил мне доставить две пары носков по какому-то адресу. Когда я пришёл к ним домой, то дверь открыла молодая и симпатичная девушка, которая и приняла у меня посылку. Когда я вернулся в магазин, то спросил Ага-Резу:

– Ага Реза! Ты не хочешь жениться?

– Тебе-то что, малыш? – резко спросил он.

– Просто интересно, – ответила я.

Ага-Реза немножко смягчился.

– Я прошу у Бога для себя хорошую жену, но пока я не нашёл её, – с лёгкой грустью, сказал он.

Тут же я ему выложил всё про увиденную мною по адресу заказчика красивую девушку.

– Правда? – с живейшим интересом переспрашивал он меня. – Как бы мне встретиться с ней?

– Ты просто отнеси завтра к ним их заказ вместо меня. Как тебе такой вариант? – предложила я.

Попросив у Бога помощи для себя, он решил так и поступить.

На следующий день, положив носки за пазуху, Ага-Реза отправился на встречу своей судьбе. Как говорится, «Пришёл, увидел, победил». С первого взгляда эта девушка ему понравилась, и через какое-то время он в действительности на ней женился. Вот так просто!

Но, Боже упаси от этой женщины! После женитьбы Ага-Реза оставил своё дело, и мы остались без своего кусочка хлеба. В конце концов он устроил меня на работу к дяде своей жены, который был токарем. Его звали Хасан. Около двух лет я проработал у него и обучался его ремеслу. Я исполнял у него разную работу. К примеру, штопал разное железо клёпальником. Однажды Хасан подошёл ко мне и сказал:

– Аббас! Сынок! Иди лучше учись, познавай науки! Если ты будешь учиться, то, обещаю тебе, все твои расходы до двенадцатого класса я беру на себя. Я тут же с радостью пошёл к отцу, чтобы сообщить ему эту радостную новость.

– Нет, – сказал он, – учёбе нет никакого толка. Куда как лучше заниматься ремеслом. В будущем ты должен сделать нечто великое, а ничего великого посредством учёбы, сын мой, не сделаешь!».

Меня самого одолевала навязчивая зевота. Мы общались, чтобы как-то отвлечь себя и выйти из состояния стресса, но печаль и тревога не хотели меня покидать. Сегодня у меня не было никакого желания рассказывать страшилки и всякие легенды, которые так развлекали меня всегда. Чуждость всему, что здесь было, и, что не мало важно, недостаток инструмента для работы навевали в моей душе эту печаль.

– Не дай, Бог нас завтра отправят в Тегеран, как это сделали с Даудом Баккалем, – сказал я своим друзьям. – Да, я помню, что это означало, что их отправят в Бисотун, где всё гладко и спокойно. Думаю, было бы неплохо нам немного побывать здесь, в относительной опасности... Нам нельзя проспать завтра рабочий день, потому как это сразу поставит крест на нас и нашей работе здесь.

Хадж Хасан, который также не служил в армии, как и я, взял слово:

– Да, это было бы просто ужасно. От этого позора мы бы уже не отмылись. Халиль и Хадж Мустафа, видя серьёзный настрой Хадж Хасана и нашу с ним полную некомпетентность в этих вопросах, лишь смеялись.

– Пойдём спать, – сказал Халиль. – Если бы вы двое служили в армии, то знали бы, что после объявления подъёма никто уже спать не может, а подъём бывает очень рано. Так что можете об этом не переживать.

Мы все зашли обратно в казарму.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ровно в шесть часов утра нас всех разбудили. Мы сразу же направились на своё рабочее место. Шахбози, власть которого распространялась на каждый сделанный в гарнизоне вздох, возник из ниоткуда.

– Отправляйтесь на утреннее построение! – остановил он нас.

«Нельзя делать так, чтобы всегда происходило так, как хотят эти люди! Мы же не растения, в конце-то концов!», – подумал я.

– Мы не пойдём на построение, – твёрдо ответил я. – Мы хотим работать.

– Послушай, уважаемый, наше построение длится не более пяти минут. Это ведь армия, и с этим, как бы вам ни хотелось, надо считаться. Вы что же, думаете, что можете ходить на территории гарнизона куда хотите и когда захотите? Нет, здесь такое ни у кого не пройдёт!

К нашему сожалению, над нами всегда тенью нависала вероятность того, что нас могут просто выдворить оттуда, и потому приходилось быть более уступчивым, чем того хотелось бы. Да, я пришёл сюда весь перепуганный, как котёнок, но я не хочу в таком же состоянии возвращаться назад. Жаль, конечно. В другой бы ситуации я бы им показал почём фунт лиха. Ладно, Аббас, успокойся. Не стоит лезть с ними в конфликт. Пусть будет так, как они того хотят.

Более не пререкаясь с Шахбози, я со своей группой вышел из помещения, но идти на построение мы всё равно не стали. Да, мне почему-то казалось, что здесь будет также, как и у нас в городе, что я буду работать тогда, когда захочу, и отдыхать ровно тогда, когда пожелаю того. Эти начальники заявляют, что всё здесь должно быть строго по расписанию и что построение одинаково обязательно для всех, будь то добровольный рабочий, или же солдат. О, как же мне были чужды все эти построения и зарядки с их повторяющимися «Раз, два три!». Мы вчетвером просто сели на землю и наблюдали за происходящим, а все остальные, тем временем, прыгали, приседали и делали прочие упражнения. Когда утренняя зарядка закончилась, все выстроились в несколько рядов, и один из них читал нараспев Коран. Когда построение закончилось, мы влились в движущийся в сторону столовой поток. Салон столовой был довольно-таки большим, что не могло не радовать, однако в нём не было ни столов, ни стульев. Все встали в одну линию к человеку, который раздавал хлеб, на который был намазан тонкий слой сыра, и наливал стакан чая из большого, жёлтого чайника. Мы нашли укромное место, где вместе сели и разделялись

нашим скромным завтраком. Когда мы вышли из столовой, то я тут же увидел Садыка Джасиба, который вместе со своим подъёмником двигался в сторону мастерской. Я начал махать ему рукой в знак приветствия и признательного одобрения. В этот же момент кто-то начал звать его для какой-то своей работы, но, увидев мой хмурый взгляд, он тут же понял, что Джасиб останется со мной до тех пор, пока моё дело не будет закончено. Не обращая внимания на остальных, Джасиб идёт дальше со мной. Мы зашли в мастерскую. Джасиб подвёл подъёмник к тому, что некогда называлось джипом, и поднял его перед. Мы с ребятами принялись за привычную для нас работу. Тут же выяснилось, что у нас нет гаечного ключа и отвёртки, которые мы, естественным образом, сразу же попросили у наших коллег с завода. Тут же выяснилось, что мы очень наивные люди – никто не хотел давать своего инструмента. Я начал осматривать водительскую дверь джипа, которая была полностью смята. «Нет, так не пойдёт, – подумал я. – Работа гаечным ключом ещё не началась, а пот с меня уже льёт в три ручья. Что это за место такое? Ни вентиляции, ни даже инструментов! Нет, надо идти к командующему!».

Не успев даже подойти к нему, я начал возмущаться уже издалека:

– Прослушайте, в конце-то концов, мы ведь не можем отвинчивать гайки руками! Нам нужны инструменты! Неужели у нашей славной и сильной армии в таком большом гарнизоне не найдётся гаечный ключ и отвёртка? Я ведь не для себя прошу, ей-богу!

– Амбар находится вон там, – указывая на другой конец гарнизона, сказал Шахбози. – В нём есть все инструменты, но мы ими не пользуемся. У нас нет таких полномочий.

– Так, зачем вы тогда купили их и теперь храните? – удивлённо спросил я.

– Просите разрешения пользование им в официальном порядке, – отчеканил он. – Мы рассмотрим ваше прошение.

Такое чувство, что, неся этот вздор, он сам не понимает всего этого абсурда. Взглянув на это худощавое и высокое тело, я сказал ему:

– Благодаря вашей бюрократии этот запрос может висеть целый месяц без рассмотрения. У меня столько времени. Просто предоставьте мне машину, чтобы я прямо сейчас отправился в город и на собственные деньги купил всё, что мне нужно, а свои деньги вы оставьте себе. Глядишь, и пригодятся вам ещё.

Недолго думая, Шахбози тут же дал в наше распоряжение транспорт с водителем. В город со мной поехал Хадж Хасан. Мы ехали в Исламабад.

По радио играло что-то заунывное. Над головами то и дело пролетали вражеские самолёты, оставляя за собою длинный шлейф. Вдруг откуда-то донёсся сверхмощный звук, который я сначала принял за взрыв. Только заслушав его, я неволей прижал голову.

– Ух! Вы слышали? – спросил водитель, который в этих делах явно понимал больше нашего. – Это преодоление звукового барьера! – с умным видом добавил он.

– Звуковой барьер? – переспросил я. – Это ещё что?

– Да я и сам особо не разбираюсь, просто знаю, что такое бывает, когда скорость самолёта преодолевает скорость звука. Волна звука, которая долго копилась, пока самолёт летел, достигает слушателя разом, и поэтому создаётся такое ощущение, будто это взрыв.

Я тогда не понял, очём он говорит.

Самолёты обстреливали что-то в разных частях города. Это можно было понять по доносившимся звукам взрывов с той стороны. Порою создавалось ощущение, что наступил судный день. В местах взрыва тут же вставали чёрные столбы дыма и пыли. Хотя мне и было очень страшно, всё же инструменты на тот момент были важнее. Надо же, я с этой войной почти уже на короткой ноге... В конце концов, я ведь дал слово, что поставлю эту машину на ноги за два дня, а значит надо исполнить своё слово, во что бы то ни стало. Одна нога там, другая здесь. Это ведь златорукий Аббас, человек-фабрика, который всегда держит своё слово! Не было ни разу ещё такого, чтобы какой-нибудь клиент ушёл недовольным из моей мастерской...

Неожиданно водитель резко нажал что есть силы на тормоз.

– Ты что делаешь?! – начал я кричать на него. – Ты встал, чтобы сделать нас удобной мишенью для самолётов? Езжай! У нас нет времени!

Этот бедолага был напуган даже больше меня. Он был весь потерянный.

– Если боишься, то пересядь сюда! Я сам поведу! – продолжал я кричать на него.

– Да нет, нет, не стоит, – еле выговаривал он. – Я сам поведу дальше.

Мы опять поехали.

Откуда этому полевому водителю знать, что закон таков – если я что-то хочу сделать, то это непременно надо делать? И уже не имеет никакого значения, откуда и как нас будут бомбить – это ничего не изменит.

У самого въезда в город в стороне от дороги мы заметили нечто, похожее на неразорвавшийся снаряд, и это нечто торчало из земли. Мне эта вещь

показалась очень странной. Она вся была в каких-то проводах.

– Ты знаешь, что это? – спросил я у водителя.

Водитель, который к тому моменту уже изрядно устал от моего бормотания, ворчания и бесконечных вопросов, тяжело вздохнув, сказал:

– Это называется ракета.

После этого мы оба замолчали, и никто не произносил ни слова, пока мы не заехали в город. Там я с удивлением отметил то, что город живёт полной жизнью, как будто войны вовсе и не было, или хотя бы того обстрела, который был несколько минут тому назад. Я был просто поражён их терпеливости и стойкости.

Если бы я был на их месте, то, скорее всего, сразу же покинул бы этот город и переселился бы в какое-нибудь более безопасное место.

– У нас на самом деле очень достойные люди! – обращаясь к Хадж Хасану, сказал я. – За таких людей не жалко отдать и жизнь!

Хадж Хасана благосклонно кивал головой с поднятыми до середины лба бровями.

Не прошло и часа, как мы нашли магазин инструментов. Как и было обговорено, я купил всё необходимое на собственные деньги. Через какое-то время мы уже снова были в гарнизоне, что был к нам так неприветлив. До самой ночи мы в поте лица работали над машиной. Вчерашняя история вновь повторилась – после ужина мы опять вышли на улицу и опять меня заставили рассказывать истории своей жизни.

– Мне было одиннадцать или двенадцать лет, когда я устроился на работу подсобником к Хадж Аббасу Каши. У него был один подмастерье по имени Рамазан, который мне совсем не нравился. Он был очень сквернословным. Практически не было такого предложения, в котором не было хотя бы одного скверного слова. Ну и, естественно, он обильно сдабривал свою речь сквернословиями, когда поправлял меня или пытался чему-то учить.

Как-то раз я подошёл к отцу и сказал ему, что Рамазан такой-то человек, и что рядом с таким человеком очень сложно чему бы то ни было учиться. Отец пошёл мне на встречу и разрешил мне уйти оттуда и устроиться к другому мастеру. Вскоре я такого нашёл. Его звали Асгар. Поначалу я занимался лишь тем, что убирался в его магазине. Когда Хадж Аббас Каши узнал, что я устроился на новую работу, то попросил моего нового работодателя прислать меня обратно к себе, а в случае отказа просто уволить меня. Асгар подошёл ко мне и рассказал всё как есть.

- Так, что ты будешь делать? – спросил он меня.
- К Хадж Аббасу я точно не пойду. Если я Вам здесь не нужен, то можете меня уволить, но только не просите меня вернуться туда.
- Да смилиостивится Господь над учителем Асгаром! Он был очень благородным человеком, и потому оставил меня работать у себя. Примерно через неделю после начала работы у него, когда я утром в субботу пришёл к магазину, я увидел толпу людей перед ним, которые в гневе кричали:
- Хомейни арестовали! Люди, Хомейни арестовали! Его забрали в тюрьму!
- Как только владельцы магазинов слышали это, то тут же приходили в сильнейшее негодование.
- Или Хомейни, или смерть! – в гневе кричали они.
- Не прошло и полчаса, как люди, образовав большую толпу, устроили на улицах шествие в знак протеста.
- Закрывайте свои лавки! Выходите на улицу! – кричали они везде, куда только доходили.
- До этих пор Асгар ещё не приходил на работу. Что мне ещё было делать? Я тоже закрыл магазин и слился с этой толпой...".
- Почему вы не спите? – вдруг раздался голос командующего Шахбози.
- Нам не спится, – ответил я за всех.
- Командующий подошёл ближе.
- Распорядок – это закон! – сказал он. – Закон для всех!.. Несмотря на то, что вы не совсем понимаете, что значит дисциплина, – тяжело вздохнув, добавил он. – Да, вы ремонтники и автомеханики. Но вы ведь помните, что завтра ваш второй рабочий день и последний шанс показать, чего вы стоите. Слово не воробей.
- Немного погодя, он спросил уже совсем мягко:
- То есть, есть такая вероятность, что эта машина опять будет на ходу? – И тут же, даже не дав возможности кому-либо из нас ответить, он добавлял:
- Постарайтесь лечь раньше. Завтра день вашего испытания!
- Мы даём понять командующему, что все поняли, и он благополучно покидает нас. Но кому охота подчиняться ему?
- После этого я продолжил рассказ о своей жизни:
- «После того, как я ушёл от Асгара, около одного года я проработал подсобником у Насыра Гольяни. После этого я работал за четвертак в час в мастерской Акбари, которая находится в начале улицы Амира Сулеймани.

Сколько бы я ни зарабатывал, к концу недели всегда оставался в долгах. В конце концов я понял, что так продолжаться не может, и потому решил исправить это недоразумение – я сделал из кувшина для себя копилку, в которую я клал зарабатываемые в течение недели деньги. Так, контролируя свои расходы, я хотел сократить их. После этого я не только не уходил в долги, но также немного помогал отцу деньгами. Уже в детстве я взял на себя расходы по дому, чтобы, как говорил мой отец, понять, что это такое, почувствовать это на себе. Поэтому, когда я женился, мне уже не составляло особого труда обеспечивать свою семью. На тот момент, когда отец пошёл сватать меня, мне было всего семнадцать лет. Когда я узнал об этом, то начал сильно возмущаться.

– Почему ты не сказал мне об этом? – спрашивал я. – Пока у меня не будет своего магазина с машиной в придачу, мне никак нельзя жениться!

То сватовство прервалось. Хадж Назери мне сказал тогда:

– Иди работать к Сейиду Мустафе. Ты ведь уже толковый мастер.

У Сейида Мустафы на тот момент была большая мастерская, часть которой он собирался продать.

– Если он продаст мне половину своей мастерской, то так тому и быть – я буду работать у него, – сказал я.

Там я проработал три месяца. За это время я успел полностью разобрать и собрать несколько машин, на чем заработал хорошие деньги, на которые потом купил половину от всей площади той мастерской. Через какое-то время после этого я обзавёлся и автомобилем. Тогда я сказал отцу, что чувствую себя куда как увереннее в финансовом плане, и что теперь он наверняка может засватать меня. У дедушки была на примете одна кандидатура. Мы попробовали, но ничего не вышло. А знаете почему? Её отец при встрече сказал мне:

– В брачном договоре ты должен написать, что право дать развод останется за моей дочерью.

Я ответил ему, что девушка, которая с самого начала думает о разводе, никогда не станет хозяйкой в моём доме. После этого мы сразу ушли оттуда. С этими людьми я уже не хотел иметь ничего общего.

Когда мне было уже девятнадцать, отец как-то раз сказал мне:

– Аббас Али! Я нашёл для тебя очень хорошую девушку. Она несколько раз приходила к нам в магазин и покупала что-то для себя.

Затем, когда я остался наедине с матерью, я сказал ей:

– Приведите вы, наконец, какую-нибудь девушку, чтобы она помогала

тебе и двум моим сёстрам, которые ещё не вышли замуж.

Мать договорилась с Масумэ, одной нашей соседкой, о дне и времени визита к родителям девушки. Девушке тогда было шестнадцать лет. Мать с соседкой вернулись оттуда очень довольными. И она, и её родители им очень понравились. До самой помолвки я не видел своей избранницы. О, как я молил Бога о том, чтобы она оказалась красивой! Когда мулла читал формулу бракосочетания, я едва смог разглядеть её лицо.

– Боже! Благодарю тебя! – громко сказал я.

Супруга удивилась вдруг выскочившим эмоциям, из-за чего поинтересовалась, в чём была причина.

– Ты всегда закрывала своё лицо. Ни разу, когда я хотел хорошенько разглядеть его, у меня ничего не получилось. Я всегда говорил себе: «Вот, сейчас её лицо немного приоткроется, и я хотя бы немножко смогу увидеть её!», но ни разу ты не открыла его. Теперь же, когда я, наконец, увидел его, то благодарю Бога за то, что ты оказалась точно такой, какую я и просил у Него.

В качестве брачного подарка мы выплатили четырнадцать тысяч туман. Отец сказал мне:

– Я так понимаю, что теперь ты на всю жизнь в долгах, пока у тебя на голове ещё останутся волосы!

– В таком случае, я даю слово, что выбрею голову под корень, – парировал я.

После этих слов я провожу рукою по голове, на которой уже, действительно, волос-то почти и не осталось. Слуха достигает небесный грохот, создаваемый самолётами баасистов. Опять они атакуют, и опять слышны звуки взрывов. Опять мне страшно и бросает в дрожь. Такое чувство, будто этот страх поселился прямо в сердце, и его нельзя вытащить оттуда. Мы легли на землю. Хадж Мустафа просит нас всех вернуться на свои койки, но я оставался лежать на земле. Я уверен, что если лежать на земле, то осколки не причинят никакого вреда. Я считал количество запускаемых ими ракет – их было всего десять, и пока истребитель не расстреляет весь свой запас, я трясясь, как осиновый лист. Уже все мои друзья решили идти обратно, но я останавливаю их под предлогом того, чтобы рассказать последнюю историю из своей жизни, которую я до сих пор не рассказывал им. Они вновь сели в ночной тиши и начали слушать меня.

«У нас был сосед по имени Рамазан Див, и он каждый месяц получал от энергетической компании определённое жалование. Однажды я спросил его:

– Рамазан, ты ведь ничего не понимаешь в электрике. Как так получилось, что они ежемесячно исправно платят тебе деньги?

– Когда я был молод, – начал Рамазан Див, – я работал на одном заводе, принадлежащем англичанам. Однажды они повели нас на залежи магнетита. Там они полностью протёрли меня какой-то жидкостью. Также они дали мне выпить какую-то специальную воду, происхождение которой мне также было неизвестно. После этого они поднесли к моему телу электрический провод. Как ни странно, но электричество никак не повлияло на меня! Я его совершенно не чувствовал и был невосприимчив к нему. Спустя какое-то время после этого, когда я прогуливался по Тегерану, а именно по площади Шаха, я вдруг увидел, что из фонарного столба, вывалившись, на земле лежит оголённый электрический провод. Его конец упал в сточный канал рядом с дорогой, и в нём лежало несколько мёртвых тел. Кто бы ни пытался его вытащить оттуда, его тут же было током и отбрасывало назад. Я залез в канал достал этот провод и положил его рядом с линией передачи электроэнергии. Приехали какие-то люди, связанные с энергетической деятельностью, и, увидев происходящее, попросили меня самого присоединить провод к линии электропередачи. Я ответил им, что ничего в этом деле не понимаю. Тогда они решили показать мне, что и как надо делать на другом проводе, чтобы я повторил за ними и завершил это дело. Мы так и сделали и решили эту проблему. После этого случая они и определили для меня ежемесячное жалование. Связанно это было с тем фактом, что меня ток совершенно не берёт, и всякий раз, когда у них возникает подобный экстренный случай, они вызывают на дело меня. Мое тело всегда заряжено на триста вольт!

Честно, я не знаю, чего конкретно он добивался этим рассказом – то ли хотел привлечь к себе внимание, то ли хвастался, а может и вовсе просто банально лгал, однако один раз я сам видел, как он держал провод, находившийся под напряжением, и с ним ничего не случилось».

Наступила тишина. Я не знал, стоит ли продолжать что-нибудь рассказывать, чтобы оттянуть момент, когда надо будет заходить в казармы, или же сразу зайти. В конце концов совесть взяла верх.

– Ладно, пойдёмте спать. Уже поздно, – сказал я.

Все мы зашли в новое помещение, которое нам предоставили для ночлега, и улеглись на свои койки. Были слышны звуки бомбёжек и авиаударов. В душе была тревога и страх. В комнате стоял запах грязных носков, пота и заплесневелой одежды.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На улицу я вышел с другими обитателями этого гарнизона. Через какое-то время мы двинулись в сторону павильона, в котором и находилась наша мастерская. Он располагался немного поодаль от самого гарнизона.

– Хадж Аббас! Это вы Хадж Аббас Багери? – Что есть силы кричал какой-то молодой парень за территорией гарнизона, когда мы только заходили в свою мастерскую.

Я повернулся в его сторону. Он жестами и мимикой просил меня подойти к нему. Сказав своим спутникам, что скоро вернусь, я вышел к нему. Идя в его сторону, я взглянул на располагавшийся всё там же – в конце территории гарнизона – амбар. «Я не Аббас-Али Багери, если сегодня же я не сделаю так, чтобы они открыли этот амбар!», – подумал я.

Через минуту или две я был уже рядом с этим незнакомым мне юношей. Он тяжело дышал, как будто только что выполнил спринтерский забег в два километра. Он был худощавым и низким. Немного отдохнувшись, он сказал:

– Меня зовут Реза. Я водитель буксировочного транспорта. Здесь я по поручению нашего начальства из соседнего гарнизона. Надо починить вот эту машину скорой помощи, – указывал он на пригнанную им карету. Я оглядел её.

– Приказы вашего начальства – они для вас, – начал я, – и я бы без проблем услужил вам, но по факту на мне сейчас другая работа. Мы должны в срочном порядке починить...

– Я сегодня же должен ехать на передовую линию! – раскидывая руки перед собой, перебивает он меня. – У нас там много раненых!

Поглаживая бороду, я думаю, что надо бы взглянуть на его машину. Как бы там ни было, от этого я ничего не потеряю.

Подойдя к разбитой машине скорой помощи, я понял, что если меня не предупредили бы об этом, то за этим комком грязи, внутри которого в некоторых местах можно разглядеть железо, я не смог бы различить автомобиль. При виде подобной картины любой человек придёт в ужас – она вся была прочёсана и изрыта осколками, а в некоторых местах просто разорвана. Может ли человек выжить после такой бомбёжки? Выглядело это так, будто бы враг атаковал сразу с двух противоположных сторон. Заглянув под низ машины, я толком ничего не увидел, разве что ту же грязь.

– Вы ведь совсем перепачкались в грязи, – заметил молодой человек.

– Ты что хотел? Чтобы я поручил глянуть под её низ тебе? – спросил я его. – Или, быть может, ты думаешь, что я чиню машины прямо так, пока они стоят? Наша работа всегда сопряжена с грязью, маслом и копотью, малец! Выбив высохшую грязь, я хорошенько оглядел её.

– Эй, малец! – кричал я из-под неё. – Этот тормозной шланг канул в лету.

– Вам лучше знать, – ответил он. – Покрутите её колёса. Взгляните, всё ли с ними в порядке.

– Покрутить колёса? – с долей снисхождения переспросил я. – Для каждой работы нужен свой инструмент, юнец. Как я это сейчас, по-твоему, сделаю?

«Разве ты пришёл не на фронт? – начал я рассуждать. – Ну, что ж, это тоже своего рода работа, а делать работу не для тебя не может быть зазорным».

– Дяденька, ну Вы покрутите её колёса! – не унимался молодой парень.

Выйдя из-под машины и встав, я подошёл к нему вплотную. Он, тем временем, начал зачем-то обтираять руки об свою рубашку.

– Ладно, малый, быть по-твоему! – сдался я. – Так уж и быть – покручу. Чтоб мне стать жертвой за твоё маленькое тело!

Я вернулся в мастерскую. Шахбози как раз занимался тем, что показывал какую-то машину одному из работников автомобильного завода.

– Было бы очень хорошо, – прощебетал я, наклонившись прямо к его уху,

– если бы вы открыли амбар, чтобы мы хотя бы могли взглянуть, что там есть, чтобы мы поняли, может ли нам хоть что-то пригодиться из заскладированных вами инструментов.

Он был весьма удивлён такой настойчивости, но всё же взгляд его был куда как мягче прежнего. Возможно, причиной тому был тот факт, что этим же утром я починил его собственную машину. Да, мне удалось покорить его сердце! Какой же ты молодец, Аббас Али!

Вытащив инструмент из мастерской, купленный мною давеча, я опять направился к молодому парню-буксировщику, и, дойдя до туда, опять забрался под низ разбитой машины скорой помощи. Пока я откручивал тормозной шланг, совсем недалеко раздалась автоматная очередь. Первое, что мне пришло в голову, так это то, что иракцам удалось проникнуть в этот участок. Мне стало очень страшно, но я не вышел наружу, а напротив – задвинулся ещё глубже под машину. Вдруг я вижу, как пули со свистом попадают на землю рядом с машиной. Пули попадали всё ближе,

делая машину ещё больше похожей на решето. Каждый издаваемый пулями звук врезался мне прямо в сердце. Реза, перепугавшись, непонятно зачем метался из стороны в стороны.

– Малец! – закричал я. – Неужели иракцы захватили гарнизон?

Про себя в этот момент я думал, как я мог с таким духом думать о том, чтобы идти на фронт? Я ведь постоянно думаю лишь о том, как бы сбежать с малейшей передряги. Реза в один момент нагнулся к низу машины так, что я увидел его.

– Нет, в нас стреляют из гарнизона! – сказал он в панике. – Это наши по нам стреляют!

Кровь взяла уже приличный разгон в теле и уже неслась по сосудам с бешеною скоростью.

– Наши? – в недоумении переспросил я. – Они с ума что ли посходили? В нас-то зачем стрелять? Им не хватает иракцев?

– Мы свои! – кричал Реза в сторону гарнизона. – Не стреляйте, олухи!

– Что это за люди такие? – стонал я. – Они решили использовать нас в качестве мишени для стрельбы? Или как это вообще понимать? Да что они себе позволяют! Я же их на куски разделаю, так, что их родная мать не узнает!

Я уже хотел выйти, но Реза помешал мне. Он всё пытался донести до стрелявших, что они совершают большую ошибку. Наконец, поняв, что они делают что-то не то, караульный в сопровождении двух других вооружённых солдат двинулся в нашу сторону.

– Вы кто такие? – возмущённо спросил он. – Почему вы работаете вне павильона? Почему вы не предупредили о том, что выходите?

– Братцы! Да это же мы! – кричал я. – Вам до сих пор не объяснили разницу между своими и чужими?

– Так же нельзя! – кричал один из них. – Вы что, думаете, что любой может ходить туда-сюда из гарнизона и обратно как у себя во дворе?

Я внимательно посмотрел на него. Нет, он слишком взвинчен, чтобы я мог успокоить его своими криками и возмущением. Да и разве за тем я сюда пришёл, чтобы драться со своими же? Мы пришли сюда, чтобы работать и служить ради общей цели. Надо быть более терпеливым и сдержанным. Пришедшие начинают о чём-то активно спорить с Резой. Пока он их убеждал, я опять залез под машину и продолжил заниматься своим делом – менять тормозной шланг. Выйдя вскоре из-под неё, я вручил Резе безнадёжно испорченный шланг, снятый с машины.

– Прими машину. – сказал я ему. – Теперь она будет не только скакать, как

ретивый конь, но и по мере надобности тормозить.

Реза не обращает на меня никакого внимания и продолжает увлечённо спорить с нерадивыми солдатами, что несколько минут назад чуть не отправили нас на тот свет.

– Малец! – громко обратился я к нему. – Ты собираешься увозить машину, или нет? Если ты не забыл мотив, который ты мне озвучил. Давай, быстрее трогайся в путь!

На звук выстрелов и шум, поднятый моим юным другом и солдатами, наконец, подоспел и сам Шахбози. Только завидев его, солдаты тут же замолчали. Да, они чуть не решили все наши вопросы одним разом, чуть не пролили нашу кровь.

– Брат Шахбози! – говорю я ему. – Что у вас здесь творится? Только что твои солдаты чуть не пристрелили нас!

Шахбози спокойно смотрел на меня, но ничего не говорил. Он не произнёс даже самых незначительных слов извинений или выражения сожаления. Немного выждав, он что-то тихо сказал солдатам, чего я даже не понял, и на этом всё!

Делать там было больше нечего, поэтому мы вернулись в павильон. Вспомнив о своих проблемах с нехваткой инструментов, я опять начал возмущаться. Шахбози уже начал внимательно приглядывать за мной. Моя настойчивость дала плоды – он сдался и открыл, наконец, дверь амбара.

– Послушай, то, что я открыл для тебя амбар, вовсе не значит, что мы с тобой стали близкими друзьями, – предупредил он меня. – И учти – об этом знаешь только ты и эти инструменты. Никто не должен знать, что у тебя доступ к амбару! Если завтра вдруг обнаружится, что какой-нибудь инструмент пропал, то отвечать за это будешь ты.

Промелькнула мысль: быть может оставить это всё? Зачем брать на себя такую ответственность? Но когда я увидел весь местный инструментальный арсенал, то последние слова Шахбози я тут же выкинул из головы. Площадь в десять квадратных метров была заполнена всяческим инструментом – болгарка, шины, струбцины, гаечные ключи и сколько же ещё всего! Какую отличную коллекцию они собрали здесь! Всё стояло, покрывшись десятью слоями пыли.

Я тут же взял болгарку. Поднятая пыль тут же по самые лёгкие зашла в рот, как будто я проглотил добрую ложку. Мы с Шахбози начали дружно кашлять. Я чуть не задохнулся! Ясное дело, что уже долгие годы они здесь так и валялись без дела.

– Этим инструментам, должно быть, не меньше тридцати лет, – заметил я.
– Почему никто им не пользуется? В чём смысл их просто держать здесь?
Или вы ждёте, пока они созреют для того, чтобы можно было отдать их в музей?

– Хадж Аббас, что я могу сказать? У нас просто не было потребности в них,
– начал он оправдываться. – Ты тоже возьми ровно то, что тебе может пригодиться в работе. Лишнего не трогай.

Взяв свою болгарку и струбцины в придачу, я направился к двери. Всё остальное было уже не актуальным. Эти люди не только сами не пользуются ими, но и другим не разрешают. Очень странно. Пока мы были там, к мастерской успели подвезти ещё три единицы техники. Я сообщил об этом остальным, и мы все вышли, чтобы починить их. Ребята суетливо начали свою работу. У них не хватало терпения, чтобы делать работу аккуратно – им обязательно надо было завершить всё быстро. Сколько раз я им говорил, что главное в этом деле сделать по-божески, качественно, и что они выбрали совсем не те приоритеты.

Надо же, какие странные звуки издаёт порою это железо. Стук молотка о железо слышится мне как блеяние овцы. Постойте, или, быть может, это и вправду овца?

– Вроде как овца блеет. Вам не кажется? – обратился я к друзьям.
Все дружно посмотрели на меня, как на идиота, после чего продолжили работу молотками.

Нет, должно быть это усталость так на меня влияет, что сознание уносит в деревню, на природу. Разобрав эту ситуацию, я продолжаю стучать по капоту машины. Но я опять слышу тот же звук блеяния, и теперь уже не овцы, а, должно быть, целого стада. Шахбози в этот момент стоял рядом со мной. Это уже не было моим воображением, и, решив разузнать, в чём здесь дело, я начал обходить кругом стены территории гарнизона. На одном конце вдали я, наконец, увидел то, что искал – это был пастух, гнавший впереди себя стадо овец.

– Ну-ка, идите сюда! – начал я кричать своим друзьям. – Значит, я всё правильно расслышал, да? Видите? Я же говорил! – всё не мог я унятьсь. Завидев меня, пастух решил сменить свой курс и уйти в другую сторону. Я вернулся к своим, а Шахбози тем временем вместе с несколькими солдатами окружили пастуха вместе с его стадом. Они тут же повели его в сторону гарнизона, прямо туда, где находились мы. В один момент мы оказались окружёнными разного размера и возраста баранами, которые всё тёрлись боками об машины. Козлы, что тоже были в этом стаде,

пытались залезть внутрь сломанных разбитых машин, ну или на них. Один баран, с трудом пролезший под сиденье одного джипа, застряв и периодически дёргаясь, так и лежал под ним. Я вытащил его. В ногах у него что-то запуталось, и я, освободив его от оков, отправил к его друзьям-баранам. Одного ягнёнка я взял на руки, других просто гладил по голове. Ноги некоторых баранов были перевязаны так, что это ограничивало их движение. Такая экзекуция применялась к бунтарным особям, вечно норовящим уйти куда-нибудь очень далеко от стада. Ягната были помечены особой краской, чтобы их нельзя было спутать с чужими. Вокруг теперь было слышно только их блеяние. Испытывавшая жажду часть скотины отправилась к реке, что находилось недалеко от нашего местоположения. Двое солдат с Шахбози о чём-то говорили с пастухом. Несколько солдат с важным видом ходят среди всех этих баранов и всматриваются в них, как будто пытаясь найти что-то. На мой взгляд, они явно перегибают палку, но я не говорю ни слова. Всё же, это не моя работа и им лучше знать, наверное.

- Судя по всему, он опытный и бывалый пастух, – выразил я своё мнение.
- Если интересно, почему я так решил, то потому, что ноги некоторых из них перевязаны так, чтобы ограничить движение самым ретивым из них. Абы кто так не делает. Только опытные пастухи.
- Покажи, у каких баранов перевязаны ноги. – недовольно, но с любопытством, потребовал Шахбози.

Я показал ему.

- Это ещё ничего – взгляните на этих ягнят, – указал я на них. – Видите краску на них? Она для того, чтобы они не потерялись. Этот пастух знает своё дело. Лично меня это всё порадовало.

Шахбози будто воспламенился. Он резко снял повязку с ног одного барана и подошёл ко мне.

- Этот человек вовсе не пастух! – тряся повязку перед моим лицом, выпалил он. – Это шпион! Лицемер! Краска, о которой ты говоришь, нужна лишь для того, чтобы отмечать проделанный путь. Это способ записи информации! О каких баранах и пастухах ты говоришь? Кроме того, взгляни на...

Шахбози начал перечислять такие детали разведывательного искусства, что я неволей поменял своё мнение. Теперь я смотрел на этого пастуха и его стадо с неподдельным ужасом. Пастуха отвели в гарнизон. Шахбози выразил мне благодарность за такую бдительность, которая помогла им

поймать шпиона. Я же, в свою очередь, восхищаюсь тем, как быстро они смогли его раскусить.

Когда всё утряслось, и мы смогли и мыслями, и телом вернуться к своим делам, я попросил Шахбози разрешение вывести машину из мастерской за территорию гарнизона, чтобы заняться её починкой там. Он дал своё согласие. Садек пришёл со своим подъёмником, и мы вместе вывезли её, после чего принялись за свою работу. Неожиданно в небе возникли вражеские самолёты. Все разбежались по укрытиям. Я залёг в русло реки. Огляdevшись, я увидел, что рядом стоит цистерна. Немного подняв голову, я читаю сделанную на ней гипсом надпись: «Бензин».

В принципе, я мог умереть просто от того, что начало делать моё сердце, когда я прочитал эту надпись – оно будто пыталось разорвать мою грудь на части! На этот раз я смог-таки прочитать шахаду без запинок и мычаний. Я, как только, мог низко прижался ко дну, и, ползком, продвигался дальше по руслу, чтобы быть в безопасности от этой потенциальной бомбы, что в живых меня точно не оставит. Вдруг по ногам проходит режущая боль. Кусок стекла, незамеченный мной, разорвал под водой не только брюки, но и кожу. Вода тут же окрасилась в алый цвет. Тем временем эти проклятые делают своё дело – сбрасывают свои бомбы, после чего уносятся прочь. Каждая взрывающаяся бомба будто оставляла свой рубец на сердце земли. Когда всё прекратилось, я вышел из воды. С ног до головы я покрыт грязью, собранной со дна, и ещё вдобавок кровь весело струится по ноге. Ничего не скажешь – хороший результат. Когда меня увидел Хадж Хасан, который всё это время был невдалеке от меня, то сразу подумал, что в меня угодил осколок, из-за чего он сильно перепугался. Я быстро успокоил его. О, как мы с ним смеялись!

– Мы с тобой были вблизи от цистерны с бензином! – указывая на неё и продолжая смеяться, сказал я ему. – Ты только подумай! Если бы хоть один осколок попал бы в неё, во что бы мы с тобой превратились?! В два обугленных куска мяса!

Когда он услышал эти слова, то смех тут же остановился, и его лицо стало очень даже серьёзным. Он начал пятиться, будто опасность его вовсе не миновала.

– О, Боже! – начал я молиться, подняв руки к небу. – Благодарю тебя за то, что ты спас нас от этой большой опасности!

К тому моменту уже наступило время дневной молитвы, после которой мы опять отправились ставить свой джип на ноги. Когда солнце уже близилось к закату, я позвал командующего Шахбози. Пока он шёл, я сел

за руль и завёл машину. Майор Шахбози бросая на меня восторженные взгляды, крутился вокруг машины, разглядывая её. Для него это было поразительным и невероятным.

– Пока я не увидел своими глазами, я не поверил в то, что мне передали, когда звали сюда! – всё не мог он успокоиться. – Господи! Да у вас просто талант!

Весть о том, что списанный, как безнадёжно испорченный, джип вновь заработал, подобно шуму выстрела из дробовика тут же облетела весь гарнизон. Работники автомобильного завода так и окружили нас четырех и починенную нами машину. Они, разглядывая её, так и остались с открытыми ртами и широко раскрытыми глазами.

– Наша с вами работа отличаются, как земля и небо! – набравшись смелости, сказал один из них. – Неужели эта машина и вправду та же, которую мы видели? Весь её капот ведь был снесён! Как вы смогли это сделать? Она ведь была совсем негодной!

Сделав один круг на ней, я встал прямо перед командующим.

– Машина нуждается разве что в покраске, – сказал я ему. – Примите, пожалуйста, работу.

Шахбози начал просить меня о том, чтобы я составил список выполненных нами работ, чтобы он передал это выше, чтобы они подтвердили его прошение и направили ещё выше, чтобы, в конечном счёте, мне выдали причитающуюся сумму. Говорил он так, будто собирается двигать своё прошение всё вверх и вверх, пока оно не дойдёт до самого Господа.

– При вашей бюрократии это прошение будет ходить в разные стороны не меньше месяца, – заметил я в шутку, – и если последний ваш главный вдруг откажется подписать под этим, то наверняка выяснится, что деньги как раз полагается взять с меня. Ладно Вам, забудьте – и про оплату труда, и про деньги, что я потратил на покупку инструмента.

Мы присели, чтобы немного передохнуть. Не прошло и часа, как к нам пригнали целых шесть автобусов, один хуже другого.

– Да уж, – с иронией заметил я, – быстро же разошлась слава о нас по здешним закоулкам.

– Они ведь обращаются к тебе одному! – заметил один из друзей. – Это твоя слава, Аббас!

– Я бы не сказал, что я в восторге от такой славы, – усмехнулся я.

То ли я услышал, то ли как-то понял, но каждый, кто подходил к нам, тут же начинал через знакомых искать меня. «Мастер Аббас! Мастер Аббас!»

– говорил я себе. «Мастер Аббас!». Да, парень, ты стал самым обсуждаемым и востребованным здесь. О, как же приятна добрая молва, да ещё и на чужбине!

Ночь вступила в свои права и покрыла землю нежной тенью. Опять Хадж Хасан что-то пытается читать из своей книги. После этот негодяй, как и вчера, опять просит меня рассказать что-нибудь из своей жизни.

– Как же так? – начал возмущаться я. – Ты понимаешь, насколько я устал? Извини, но я не в том состоянии. Всё, что мне сейчас действительно хочется, так это лечь на свою койку и уйти в мир сновидений.

Естественно, они не отстали. Понимая, что их упорство куда как сильнее моего, я уступил.

– Ну что с вами поделаешь-то? – примирительно сказал я. – Ладно, быть по-вашему. Всё же расстраивать вас тоже не хочется. Но только один случай.

«Когда мне было семь лет, я устроился на работу к одному владельцу, и от нашего дома добираться до него надо было целых пять часов. Я попросил у отца разрешения на то, чтобы оставаться у него ночевать, и он согласился. Рано утром я шёл в пекарню и покупал горячий хлеб для завтрака, пока однажды не заметил, что характер наших отношений стал меняться.

– Уберись ещё вон там... Помой здесь... С этой стороны... С той стороны... Подмети во дворе... Принеси мне воду.

То есть, одно поручение вслед за другим! А ведь мы договаривались только о том, что я буду работать в его магазине, а он начал относиться ко мне так, словно я мальчик на побегушках. В моём маленьком детском сердце наступила большая печаль от этого осознания. Сверх того, что я должен делать, было лишь то, что я покупал хлеб, и то ведь я это делал по собственной инициативе. Просто начал обращаться со мной, как с рабом. Я сел на автобус до дома и уехал от него, даже не попрощавшись. Как только отец завидел меня, даже ещё не выслушав, то тут же начал вопрошать, как я мог так поступить и самовольно уехать от человека, с которым был договор.

– Ему в какой-то момент показалось, что я пришёл к ним в добровольное рабство, – ответил я ему. Отец, ты же сам не раз говорил, что подсобник и слуга – это не одно и то же.

Когда я рассказал ему о том, как он вёл себя со мной, то отец стушевался и не сказал больше ни слова».

– Ну, я уже просто умираю, как спать хочу! – сказал я своим друзьям. –

– Давайте пойдём уже. Завтра у нас работы будет не меньше, чем в два эти дня. Ещё неизвестно из каких краёв, в насколько негодном состоянии и сколько машин нам привезут для ремонта, после чего, будьте уверены, без зазрения совести скажут: «Ну-ка, ребята, давайте-ка, чините это всё голыми руками, зубами и могучей силой рук своих, и обязательно закончите не позже, чем через два дня, потому как нам позарез они нужны, и мы без них никак!».

Зевая во весь рот и растягиваясь, я встал со своего места. Зайдя в нашу комнату, я повалился на первую свободную койку, до которой дошёл.

Через несколько часов я проснулся от шума воды, что, скопиввшись внутри крана, разом вытекла из него. Раз уж я проснулся, то решил совершить малое омовение. Три краника стояли в другой части помещения. Открыв один из них, я удивился тому, насколько сильным было давление – вода так брызгалась, что чуть ли не смочила меня всего. С трудом взяв омовение, я встал на желательную молитву. Через какое-то время зазвучал азан. Его кто-то так красиво исполнял, что слушать было одно наслаждение. Солдаты один за другим вставали и тоже брали омовение, после чего спускались, чтобы совершить молитву.

– Вчера сюда привезли много машин, чтобы доктор Аббас Али Багери и его ребята поколдовали над ними, – сказал один из моих друзей, когда мы с ним встретились. – Мы должны всё починить за те пятнадцать дней, что будем находиться здесь.

Да, теперь у меня ещё одно прозвище – Доктор!

После построения и всех утренних мероприятий, мы отправились в столовую за своим заслуженным завтраком, и теперь этот факт оспаривать не посмеет никто, в том числе и Шахбози. Все солдаты и работники подоспевают один за другим, и чуть ли не каждый посчитал своим долгом лично подойти ко мне и пожать руку.

– К нам пришёл отменный мастер! – слышу я их разговоры. – Если есть машина с какой-нибудь поломкой, то просто отнесите к нему – он сделает её такой, какой она была в тот день, когда вышла с конвейера!

Пять солдат пригнали к нам ещё по одной машине. Времени на каждую из них уходит по-разному, в зависимости от характера и степени поломки. После того, как мы закончили с ними, мы отправились посмотреть на пригнанные ещё вчера автобусы. Они были просто никакими. Но, как ни странно, чем больше я работал, тем больше удовольствия получал. За положенные пятнадцать дней мы успели починить их все.

В последний день, когда мы уже собирались уехать обратно к себе, в Тегеран, ребята устроили для нас чаепитие, на которое принесли несколько коробок сладостей.

– За эти пятнадцать дней вы выполнили годовой объём работы! – хвалил и благодарил нас Шахбози. – Может, вы оставите мне свои номера, чтобы я мог связаться с вами в случае острой необходимости?

Естественно, отказывать мы не стали. После этого мы рас прощались с ним и сели в автобус, который должен был отвезти нас домой.

Пока мы ехали в Тегеран, я думал о том, что было бы неплохо мне самому как-нибудь ещё раз поехать на фронт, но уже собрав и возглавив команду лично, и не такую, которая ехала бы всего на несколько дней, после которых сразу бы вернулась обратно. Тут же сам себе напоминаю, что не мне это под силу, да и военный устав для меня также чужд и неизвестен, как и прежде. В конце концов, работа на фронте в тылу имеет свои подводные камни и сложности, о которых я ничего толком не знаю.

«Аббас Али, будет тебе, – начал я себя подбадривать и убеждать в обратном, – разве это не долг мусульманина? Для наших ребят ведь один джип на вес Боинга. Знаешь ли ты вообще, что будет с нашими ребятами без всей их техники, которую ты можешь починить? Противники вконец обнаглеют. В наших тяжёлых условиях, когда мы находимся под всевозможными санкциями, у нас ведь нет ничего другого, чем можно было бы заменить вышедший из строя транспорт и технику. Ты же сам видел, как они не могут даже сесть в него из-за какого-нибудь дефекта. Это работа лежит на тебе, Аббас, и никуда она не исчезнет, пока ты сам её не завершишь. Лучшее из того, что здесь можно сделать, так это самому собрать рабочий отряд».

Да, конечно, я сам приведу рабочую подмогу на фронт. Посмотрим, что можно будет сделать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прошло уже полтора месяца после того, как я начал искать людей для формирования своего рабочего отряда. Пытаясь найти для этого семь человек, которых мне было вполне достаточно, я ходил к знакомым с самыми разными профилями работы – к водителям большого и тяжёлого транспорта, к фрезеровщикам, резальщикам стекла, монтажникам и т.д. Никто не хотел отвечать на мой призыв, исходивший из чистейших помыслов.

– Похоже на то, что тебе немало перепадает с этого, раз ты столько трудишься, чтобы собрать свой отряд, – говорили они.

О, как же мне хотелось высказать всё, что было в душе в такие моменты! Но я всегда останавливал себя и не портил отношений с ними. Как бы там ни было, у нас ведь с ними дружеские отношения, которые нельзя вот так просто разрывать. Они будто состязались в том, чтобы довести ещё до большего абсурда вопрос о том, имели ли я от этого личную выгоду.

– Приезжайте и вы. Быть может, и вам что-нибудь перепадёт! – говорил я, понимая, что доказывать и объяснять им что-то не имеет никакого смысла.

Несмотря на такие затруднения и непонимание людей, я не сдавался и не оставлял попытки свершить задуманное. Нашёлся один человек, которого мне представили в штабе. Это был доктор Мустафа Чамран.

– Вы учтите, что мы профессионалы, а не абы кто – сказал я, как только зашёл туда. – Я хочу со своей командой отправиться на фронт. Кто мне может сказать, где именно от нас была бы большая польза?

– Вы определитесь, кто конкретно едет, а мы позже сообщим вам о том, куда вам всем лучше поехать, – сказал ответственный по этим вопросам чиновник.

Моей основной деятельностью и лозунгом стал призыв всех своих друзей, знакомых, родственников и даже незнакомых мне людей на фронт для помощи нашим войскам.

– Кто из вас готов помочь Хусейну нашего времени? – заходя к каждому из них, спрашивал я. – Знайте, что если на фронте у какой-нибудь машины случится поломка, то только мастер в этом деле сможет решить этот вопрос. Мотористы, стекольщики, кузнецы, фрезеровщики, механики, электрики – нам пригодятся все! Я еду на фронт. Окажете ли нам помощь? Вот так я обходил все магазины, цеха и улицы, призывая людей. После

сорока дней беготни в активе у меня числились двадцать пять добровольцев, согласившихся ехать. Среди них были и совсем бездарные люди, но и это лучше, чем ничего. В конце концов можно поручить какую-нибудь совсем лёгкую работу, не требующую никакого опыта и квалификации. Наступило время, когда мы все отправились в штаб. Было это уже тогда, когда зима полностью вошла в свои права. Часы показывали одиннадцать по полудню. Мой отряд, переминаясь с ноги на ногу, ждал решения руководства, сев где-то в углу. Большинство из них и не знают, что они будут делать, куда и на какую работу попадут, а точнее – что из того, на что они способны, может пригодиться, да и может ли.

Стоя перед столом штабного чиновника, я открываю для него свою тетрадь:

– Вы как-то сказали, чтобы я записал имена всех добровольцев, которые готовы идти. Вот список из двадцати пяти человек. Все высококлассные кадры, профессионалы своего дела, готовые к труду и обороне! Теперь уж скажите, где мы можем пригодиться больше всего? Именно туда мы все и поедем.

Склонив голову над тетрадью, он тепло и спокойно ответил:

– Как скажете,уважаемый, и спасибо Вам за Вашу работу. Однако я должен согласовать этот вопрос выше. Подождите немного, пожалуйста. Взяв трубку телефона, он начал звонить куда-то. Я, конечно, не знал, кому конкретно он звонит, но было ясно, что кому-то с фронта. Его звонки и переговоры длились не меньше двух часов. Вопреки моему первому впечатлению, он очень мешкал. Все ребята были изморены ожиданием, ведь это были не те люди, которые сидят за столами часами. Это были рабочие, привыкшие всегда двигаться, каждый из которых был сам себе начальником.

– Что поделаешь, таковы административные вопросы, – обратившись к ним, сказал я. – Пойдёмте в молельню. Скоро уж и время молитвы наступит. Ну а после переждём там же.

Совершив молитву, я направился к чиновнику, чтобы уже в жёсткой форме потребовать с него ответа по вопросу о нашем направлении. Он до сих пор с кем-то переговаривался. Положив трубку, он уходил в раздумья, после чего опять брал её и набирал очередной номер. Глазами, мимикой и жестами он говорил мне, чтобы я проявил терпение и не нервничал.

Было уже четыре после полудня. Ребята уже просто изнемогали. Несколько человек, склонив голову, тихо ушли оттуда, обратно к своей привычной жизни.

– Если здесь всё так запущено, то каково же приходится тем, кто на фронте? – возмущённо кричал один из наших добровольцев. – А с нами ведут себя так, будто мы и не существуем вовсе.

После этих слов он бросает окурок от сигареты прямо на пол, засовывает руки в карманы и уходит прочь.

– Хадж Аббас! – вслед за этим говорит другой. – Что здесь творится? Почему они ведут себя с нами так, будто мы тут сеном в разнос торгуем? Может, просто наши услуги никому не нужны на фронте? Да и где транспорт, на котором мы смогли бы все уехать? Ведь его нет здесь.

Я подошёл к этому телефонисту.

– Всё это похоже на то, – проворчал я ему, – что, по милости божьей, на всех концах фронта полно людей, и в нас просто нет никакой нужды.

– Нет, дело обстоит совсем иначе, – крутя пальцами ручку, сказал он. – Поверьте. Я ведь сам был на фронте. Честно, я не знаю, почему они так медлят с ответом.

– Послушайте, вы имеете хотя бы малейшее представление о том, как сложно было сагитировать и собрать всех этих людей? Знаете ли вы, сколько я себе крови на этом испортил? Откуда же Вам это знать? Где Вы были всё это время, чтобы могли знать об этом? Я в крайней степени возмущён тем, что вы тут делаете!

На секунду я дал волю эмоциям.

– Я слышал, что всякие лицемеры прокрадываются внутрь системы, чтобы уничтожить наше революционное движение, но только сегодня я увидел их собственными глазами!

– Что это Вы себе позволяете?! – тут же вспыхнул чиновник. – Что за обвинения? Или, по-Вашему, я должен послать вас непонятно куда и как? Я ведь должен получить информацию о нужде в рабочих руках, так? Также должен думать о вашей безопасности, о том, смогут ли вас принять, накормить, дать ночлег. Разве нет? И таких вопросов ещё большое множество! Идите по своим домам. Когда придёт время, я сообщу Вам об этом.

Холодно и без какой-либо надежды я сказал: «Дай Бог», после чего вышел. Среди собранных мною людей были действительно талантливые люди, мастера своего дела. Поведение чиновника они воспринимали как оскорбление для себя и бессмысленной тратой своего времени. Из собранных мною двадцати пяти человек осталось лишь девять. Я опять вернулся к тому чиновнику, и со всей силы ударил по столу кулаками.

– Я не вернусь сюда, ясно Вам! – начал я кричать на него. – Я с огромнейшим трудом смог скоординировать большой отряд высококлассных специалистов, которые, по вашей вине, разошлись! Осталось только девять человек! Мы останемся здесь до завтрашнего утра, но мы не будем уезжать, чтобы потом вернуться! Мы вообще не будем уезжать! Давайте уже, определяйте нас скорее куда-нибудь. Из-за своей медлительности вы потеряли больше дюжины добровольцев, просто от того, что не знали, куда их лучше направить. Разве это не глупо? Полтора месяца назад я сам был на фронте, и прекрасно знаю, что в таких, как мы, у них самая острая необходимость. Быстрее, определяйте нас куда-нибудь, пока мы не начали кушать здесь всё!

Моя тирада дала свои плоды – не успел я ещё толком успокоиться, как к нам уже прибыл микроавтобус, на котором мы должны были поехать. После этого к нам подошёл один из местных работников.

– Мы обо всём договорились со стороной, которая должна вас принять. Бог вам в помощь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вот те люди, которые были во время второй поездки на фронт:

- 1) Аббас Али Багери
- 2) Хасан Гулами
- 3) Махмуд Амани
- 4) Реза Афсахи
- 5) Хусейн Ник Айин
- 6) Муджтаба Басаири
- 7) Абуль-Фазль Садеки Нежад
- 8) Сейид Казым Хусейни
- 9) Муртаза Хакбазан

Мы все сели в транспорт. В записной книге я сделал новую запись:

«Вторая поездка на фронт – 10 января 1981-го года».

Машину так трясло, что ничего другого записать я не смог. У меня сердце кровью обливалось, когда я вспоминал о том, с каким трудом я собирая свою команду в двадцать пять человек и то, с какой лёгкостью эти недотёпы сделали так, чтобы они все убежали из штаба. Они потеряли людей, каждый из которых заменял собою двадцать работников, ведь они были мастерами высшего класса. Некоторые имели опыт в двадцать, а то и в тридцать лет, в течение которых они в поте лица совершенствовали свои навыки и зарабатывали себе этим на хлеб насущный. Все были славными малыми, пользующимися в своём кругу уважением и почётом... Хотя сожаления теперь ничего не исправят и не прибавят. Посмотрим, чего же от нас хочет Господь. Наверняка в том, что сегодня случилось, должна быть польза для нас и для общего дела, потому как иначе и быть не может. Так по дороге я часами прокручивал в голове тысячу мыслей и воспоминаний. Наконец, когда солнце уже скрылось за закатом, мы приехали в город Керманшах. Наш микроавтобус остановился прямо напротив таблички, надпись на которой можно было различить и в этих потёмках: «Здание штаба тылового обеспечения».

Водитель начал сигнализировать. Кто-то вышел и не торопясь приоткрыл ворота. Внимательно разглядев машину, что было не самым лёгким делом при таком свете, он открыл ворота полностью, после чего мы благополучно заехали на территорию штаба. Поприветствовав коменданта, водитель спросил его о том, где размещаются новоприбывшие силы. Ничего от него толком не добившись, водителю пришлось вылезти из машины и идти к

одному человеку, с кем надо было согласовывать такие вопросы. Уже через несколько минут он вернулся, и был явно недоволен результатом.

– Никто не позаботился о том, чтобы здесь определили место для нас! Никто им не сообщил, что мы едем, по крайней мере, они говорят так. Где-то здесь по улице, рядом с большой парковкой, есть кинотеатр. Они сказали, чтобы мы ночевали в нём!

Честно, я даже не знал, что сказать. Делать было нечего, и мы поехали искать свой необычный ночлег. Доехав до парковки, машина вновь остановилась. Тянувшие свои корявые ветки к небу высокие деревья в этом мраке внушали страх. Сквозь нашу лёгкую одежду продувал колющий ветер, заставляя всё тело трястись от холода. Мы продрогли до самых костей. Жители города, тем временем, уже спали в своих уютных домах, пока на улице царствовал этот леденящий ветер.

Мы пошли в сторону кинотеатра. Отворив дверь салона, я включил свет – перед экраном рядами друг за другом стояли разноцветные и потрёпанные стулья. В правой части салона немного протекала вода. Вместе со всеми, я присел прямо на пол. Все мы были уставшими и очень голодными. Водителя и след простыл. Вдруг на улицу начинается пальба из автомата. Хадж Хусейн Ник Айин побежал в сторону выхода, чтобы посмотреть, что там творится.

– Это должно быть лицемеры.³ Вернись! Вернись назад! – кричал я ему.

– Не переживай, – ответил он, даже не поворачивая головы. – Думаю, что всё не так страшно, какты это описываешь.

– Ну что же ты будешь делать?! Куда ты мчишься? А ну вернись сюда! – еле кричал я уставшим голосом.

Хадж Хусейн всё же вернулся. Я не знаю, почему, но сразу после того, как он вернулся, я сам направился бегом в сторону входной двери кинотеатра. В воображении рисуется, что посреди ночи враги, прокрадываясь через деревья, решили атаковать нас... Атаковать нас? Так, они же, на самом деле, стреляют по нам! О, Боже! Надо уносить отсюда ноги!

Оттащив назад тут же подоспевшего за мной и тут же обогнавшего меня Хадж Хусейна, я изнутри закрыл дверь. Кто-то начал стучаться в дверь.

– Это я, водитель! Откройте дверь! – кричал он.

Мы быстро отворили для него дверь. Вместе с ним зашёл и леденящий ветер, напоминая нам о том, как мы тут, на самом деле, нежимся. После того, как он ретиво заскочил внутрь, я опять закрыл железную дверь.

³ Лицемерами в Иране называют всех внутренних врагов, деятельность которых направлена на развал иранской государственности. Особую активность эта категория проявляла во времена ирано-иракской войны.

Неужели никто не придёт к нам на помощь? – истошно вопрошал я. – Они же поубивают всех нас здесь!

– Йа у-уже б-был там, – стонущим и прерывистым голосом, сказал водитель. – Йа в-в-видел их. Они с-сейчас п-п-принесут н-нам йед-ду.

– Да чтобы они подавились этой едой! – возмущался я. – Что насчёт того, чтобы защитить нас? Как они вообще собираются в этой перестрелке доставить нам еду?

– Силы нашей армии уж-же вступили с ними в бой, – немного успокоившись, сказал он. – Пов-верьте, они сами разберутся, и с-скоро в город вновь вернётся п-покой.

Мы улеглись посреди салона. С улицы доносился свист летящих снарядов. «Не дай Бог нам попасть в плен к членам организации лицемеров иранского народа⁴ – думал я, – ведь под этим предлогом, что они несут для нас ужин, они могут ворваться сюда и всех нас убить! Фронт... Война... Растерзанные машины... О, Боже! Услышь нашу мольбу!».

Прошёл где-то час, как ещё кто-то начал стучаться в дверь. Я встал прямо рядом с ней и начал ждать признаков того, наши это, или враги. Немного погодя стучали уже не руками, а ногами. Удары наносились по двери без перерыва. Вдруг, я почувствовал запах традиционного соуса.

– Вы от кого будете? – тихо и осторожно спросил я.

– Из штаба тылового обеспечения, – донёсся из-за двери ответ. – Откройте!

С того самого момента, как я открыл дверь, и до того момента, как я наелся, в моей памяти ничего не сохранилось.

Когда мы кушали, они попросили у меня список моих товарищей. Я достал лист.

– Я не могу его показать вам, – сказал я, размахивая листом в руках. – Там обозначен адрес каждого из нас. Откуда нам знать, что...

Солдат сам достал из-за пазухи какой-то лист бумаги, после чего начал по очереди называть имена. Всё было правильно. Они объяснили нам, что по телефону им всё сообщили о них. Также они объяснились за некоторые недоразумения с тем, как их приняли, указав на тот факт, что добровольцев очень много, и иногда подобные авралы, к сожалению, возникают. Кроме того, вылазки лицемеров тоже не способствуют улучшению административного вопроса.

Через несколько часов я проснулся от шума хлеставшего по крыше

⁴Отсылка к организации моджахедов иранского народа или Моджахедин-э Халк — иранской леворадикальной организации, ведущей борьбу против Исламской Республики Иран. Признана террористической организацией Ираком и Ираном.

кинотеатра дождя и заунывного свиста ветра, который с размаху бил створки окон об их рамы. Только проснувшись я понял, что весь продрог. Мы долго не ложились спать, потому как чувство опасности не покидало нас. Мои друзья тоже проснулись, и все так же дрожали от холода. Было полшестого утра. Эта ночь была для нас очень беспокойной. Время молитвы уже наступило, и мы вместе совершили её. Мы думали уже отправиться в сторону Сарпол-е Захаба, но боялись, что лицемеры могли сидеть в засаде где-нибудь возле парковки, где неподалёку располагается лесистая зона. Мы всё никак не могли решиться. Наконец, я тихо и осторожно открыл дверь. Усевшись в свой синий микроавтобус, мы отправились в Сарпол-е Захаб. По дороге мы повернули не в ту сторону, из-за чего добрались до гарнизона лишь к полудню. Гарнизон располагался у подножия продолговатых гор. Нас отвели в какое-то многоэтажное здание. По территории расхаживали солдаты и ополченцы. Через какое-то время к нам подошёл один военный.

– Салам алайкум, – поприветствовал он нас. – Меня зовут Садатфар Асид. Я представляю армию. Кто из вас Багери?

Из уважения к нему мы все встали со своих мест. Я протянул ему руку.

– Ва алайкум салам, – ответил я ему. – Я к вашим услугам.

– Будьте добры, дайте я взгляну на приказ о вашем назначении к нам.

Я достал из сумки бумагу и дал её ему.

Он говорит нам, чтобы мы отдохнули, и распоряжается о том, чтобы нас накормили. После того, как мы пообедали, он вернулся за нами и отвёл нас в мастерскую, располагавшуюся на краю территории гарнизона. В ней уже находились несколько разбитых машин, которые надо было починить. Было около трёх часов дня. Я сразу же хотел приступить к работе со своей бригадой, но Садатфар попросил нас подождать до завтрашнего утра. В наше распоряжение предоставили комнату с площадью в десять квадратных метров. Мы отдыхали. Ночью к нам пришёл Садатфар.

– Наш водитель, Сага, молодой парень из Хамадана, оборудовал в одной комнате маленький спортзал, где вечерами тренирует наших ребят. Не изволите ли посетить нашу скромную зорхану?⁵

После всех потрясений последней ночи, мы были только рады немного развеяться, и поэтому с огромным удовольствием приняли его приглашение. Сага повесил в своём спортзале небольшой колокольчик, и когда мы только заходили внутрь, он начинал звонить в него. Он сел на пол и

⁵ Отсылка к организации моджахедов иранского народа или Моджахедин-э Халк — иранской леворадикальной организации, ведущей борьбу против Исламской Республики Иран. Признана террористической организацией Ираком и Ираном.

положил перед собой томбак.⁶ Никогда ещё я не видел такого средства в инструментарии утренера!

Крепкие молодые ребята встают и, резво бегая по кругу, начинают разминаться. Садатфар, заняв своё место где-то с краю, тоже начал разминаться. Молодой водитель тоже присоединился к кругу, и начал подстёгивать остальных своими выкриками.

Чем больше разогревались эти ребята, тем более прытко двигались. Сага опять дёргает за верёвку, и колокольчик о чём-то оповещает их. После этого Сага опять начинает бить в томбак. Солдаты, возраст которых был от четырнадцати до шестидесяти лет, в этой двадцатиметровой комнате встали в два круга, один в другом, и опять начинают двигаться по кругу. Из всей толпы я приметил одного старого человека, который вот уже пробежал несколько кругов. Они присаживались и вскакивали с возгласами: «Иа Али!». Не будучи способными более сдерживать себя, из нашей группы к ним присоединился Хадж Реза Афсахи и Абуль-Фазль Садеки Нежад, которые были хорошими стекольщиками. Мне вспомнилось то, как мы с моим дядей, Абуль-Фазлем Рашиди, ходили в зорхану на улице Мовлави и смотрели, как там занимаются спортом.

На следующее утро мы, наконец, начали делать то, за чем и приехали сюда – работать. Только прия в мастерскую, мы тут же принялись приводить сломанные машины в чувство. Работа была очень утомительной, но мы не теряли время на отдыхи и перекуры. Инструменты в целом были неплохими. Пять дней подряд мы с утра до полуночи занимались ремонтом машин. Ранним утром к нам явился Садатфар с неприятной новостью

– Сага не справился с управлением, и его машина полетела вниз по ущелью, – сказал он.

– Как так получилось? – перепугался я. – Как себя чувствует Сага? Что с его водителем?

– Он вёз воду на фронт. Не рассчитал на поворотах скорость с грузом, – лишь ответил он.

– А с ним самим что? Как он? – пытался я всё выяснить состояние Саги. – С ним ничего не случилось?

– Слава Богу, ничего страшного, – ответил Садатфар. – Он успел выскочить из неё прежде, чем она полетела вниз.

– А водитель? – спросил я, почёсывая бороду и недоумевая, почему он

⁶ Томбак, также известный как зарб и домбак — персидский барабан в форме кубка.

сразу не говорит всё, как есть.

– Он тоже успел выпрыгнуть из неё, – ответил он. – Однако мне сообщили, что состояние водителя тяжёлое. Его увезли в госпиталь при гарнизоне. У него острая нехватка крови.

Мы всей командой отправились в этот госпиталь и сдали кровь.

– Можно ли вытащить эту машину и что-нибудь сделать с ней? – спросил нас Садатфар ещё в госпитале.

– Конечно, командир! – ответил я. – Завтра я и моя группа отправимся вместе с вами, чтобы разведать ситуацию на территории и поднять машину из ущелья. Как Вы на это смотрите?

– Нет, – неожиданно ответил он, – просто скажите, как её можно поскорее оттуда вытащить.

– Для этого вам понадобится подъёмник с лебёдкой, – ответил я.

Кивнув головой, Садатфар покинул нас.

Ночью, когда я совершил молитву, Садатфар сел рядом со мной.

– Ну, смогли вы поднять машину? – закончив молиться, спросил я его.

Он взглянул на меня. На вид он был очень уставшим.

– Это была не лёгкая задача, – последовал ответ. – Я отправился туда с несколькими солдатами. Мне довелось увидеть дно ущелья своими глазами. Скажу тебе, это дно самого ада. Двое из нас пошли вперёд и зацепили крюк на машине. Я и ещё несколько человек наблюдали, как лебёдка постепенно вытягивает машину наверх. Когда она прошла где-то половину пути, вдруг трос оборвался.

– Трос! Трос порвался! – кричал один парень из Мешхеда.

Грузовик ушел в крен и опять полетел вниз. «Теперь одному Богу известно, что от него останется», – глядя на несущийся вниз грузовик, подумал я.

– Не смотря ни на что, эти ребята молодцы. Они опять спустились вниз и зацепили крюк на машине. Надеюсь, надежда наша по её восстановлению не была напрасной.

Я поднял руки к небу и сказал:

– Дай Бог! Дай Бог!

Про себя же я подумал, что этой машине пришёл необратимый конец. Наверняка на ней живого места не осталось. В конечном счёте на её починку нам ведь надо будет потратить всё то время, что мы собирались здесь находиться!

– Во второй раз, – продолжил он свой рассказ, – ребята использовали трос потолще. Подъёмник опять начал потихоньку поднимать её наверх.

Никогда бы не подумал, что в моей жизни однажды наступит день, когда я буду стоять над ущельем и заклинать подъёмник всеми клятвами, чтобы он таки-вытащил эту несчастную машину оттуда без очередных экспессов... Но что бы Вы подумали? Опять несчастье! Пока её тащили наверх, цистерна оторвалась от грузовика и сорвалась вниз.

– О, Боже! – негодовал я и бил ладонью об другую. – Что за напасть? Так, от неё ведь ничего не осталось в живых! Что, по-Вашему, мы из всего этого сможет восстановить?

– Дай Бог, сможете, – не терял он надежду. – Так вот, прошло шесть часов, прежде чем мы смогли полностью вытащить грузовик с его цистерной. Теперь дело уже за вами. Сделайте всё, что возможно.

На следующее утро мы с Асидом Садатфаром и моими ребятами вместе отправились в ремонтную мастерскую. Только лишь взглянув на этот грузовик, я тут же сказал своим:

– Кабина уже никуда не годится. Шасси искривилось. Ни одного живого стекла не осталось, что вполне естественно. Цистерна также не уцелела... Ну и так далее.

Садатфар, который всё это время с маленькой надеждой смотрел на разбитую машину, но пока я давал оценку состоянию транспорта уже успел опустить голову и потерять всякую надежду. Не видя смысла и дальше слушать выносимый мною приговор, он уже было начал уходить, как вдруг остановился и подался назад.

– Только время своё даром потратили! – громко и с неподдельным сожалением сказал он.

Я быстро подошёл к нему.

– Командир! Садат! Асид! Да ты что? Не унывай! – начал я его успокаивать.

– Я починю твою машину, будь уверен! Я не Златорукий Аббас, если не сдам Вам эту машину такой же, какой она была в тот день, когда увидела свет!

– Если ты это сделаешь, то я буду называть тебя Аббас Волшебник, а не Златорукий! – ответил он.

До самого полудня мы с ребятами проработали на одном дыхании. К этому моменту мы осознали, что здорово проголодались. Вернувшись в свою комнату, мы пообедали. После трапезы моя усталость будто утролилась, и во мне воцарилась лень. Было видно, что остальных постигла та же участь, что и меня. Я понял, что надо срочно что-нибудь придумать, чтобы сменить свой настрой. Я посмотрел в окно. Вдруг я вспомнил, что прихва-

тил с собою мяч, который всё это время лежал у меня в сумке. Быстроенько надув его, я позвал свою команду поиграть на улице, и, выставив ворота из камней, мы принялись пинать мяч. О, с каким азартом мы приступили к игре! К нам тут же присоединились и другие солдаты, и тут же сформировались две команды по восемь человек. Остальные стояли и весело смотрели на нас, среди которых также был и Садатфар. Лень и усталость как рукой сняло. Мы были на тот момент самыми энергичными и бодрыми людьми на свете!

Когда мы закончили играть и отдыхали, обсуждая игру, ко мне подошёл Асид.

– Неужели та разбитая машина может быть починена? Если хочешь по правде, когда только увидел ваши вещи и инструменты, то тут же подумал, что вы пришли сюда дурака валять, а не работать. Надеюсь, вы не будете тут каждый день устраивать такие игры, собирая всех солдат. Это ведь не дворовая площадка, а гарнизон.

– Асид! Клянусь Богом, что я выполню своё слово! – сказал я ему. – Если тоже хочешь по-честному, то у вас ведь здесь толком и условий нет. Распорядись прямо сейчас о том, чтобы мне предоставили транспорт до Тегерана, чтобы я привёз оттуда кабину. У меня в гараже как раз завалась одна. Её я купил месяцев шесть тому назад. Если её покупать сегодня, то они сильно подорожали в цене. Разрешите мне поехать и привезти эту кабину, и, если есть такая возможность, предоставьте мне денег, чтобы я купил необходимые инструменты.

Через час после этого в руках у меня был приказ Садатфара. Также мне выделили небольшую сумму. Я сразу же вместе с Муртазой Хакбазом, который был местным водителем, и Хусейном Ник Айином сел в грузовик, и мы отправились в Тегеран.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мы достали из моего гаража кабину грузовика и погрузили её на свой транспорт. Когда Хадж Абуль-Фазль понял, что я гружу кабину для нужд фронта, он сразу пошёл в свой магазин, в котором он торговал различными запчастями. Вернувшись, он принёс с собою три лобовых стекла, три задних и шесть стёкол для дверей, и погрузил всё это в наш грузовик. Хадж Казым, работавший торговцем в бакалейной лавке, подарил на нужды фронта автополот. Также и всем остальным знакомым я сказал, чтобы каждый из них пожертвовал всем, чем может, на пути джихада. Друзья и знакомые с лихвой оправдали мои ожидания. Мы погрузили всё на машину. Я смотрю в сделанные в тетради записи. Есть ещё некоторые вещи, которые следует приобрести. На поиск и ожидание прибытия этих товаров у меня ушло два дня. В это время я наведался к себе домой. Увидев меня, жена была вне себя от счастья, но была и удивлена такой неожиданной встрече.

– Неужели все фронтовые дела закончились? – радостно смеясь, спросила она. – Слава Богу!

– Как говорят наши братья фронтовики и лично Асид: «Дай Бог, скоро закончится», – ответил я ей, умиляясь в душе такой наивной радости. – Я приехал в Тегеран за некоторыми вещами.

Дома я провёл не больше часа. Собрав всё необходимое, я попрощался с женой.

– Нужно ли тебе чего, жена? Тогда прощай. Мне пора ехать.

– Ты едешь на фронт? – спросила она.

– Нет, я еду за тем, что мне понадобится на фронте, – ответил я.

Когда я вечером вновь приехал домой, маленький Хусейн сел рядом со мной и поцеловал мне руку.

– Папа, можно мне поехать с тобой? – с надеждой в глазах спросил он.

– Сынок, война – это ведь не детская игра! – ответил я. – Куда ты собираешься ехать? Чтоты там будешь делать?

– Позволь, я поеду с тобой! – не унимался он. – Я не буду отходить от тебя далеко. Ты же говорил, что работаешь в тылу. Так ведь? В таком случае для меня там не будет никакой угрозы. Можно?

– Сынок, ну что же ты не унимаешься? А знаешь что? Ты лучше иди и спроси это у своей матери, – решил я избавиться от ответственности за его печаль по поводу отказа.

Хусейн прекрасно понимал, что никогда в жизни не получит от матери согласия, и поэтому стоял, топал ногами и недовольно смотрел на меня. Как мне было сложно отказывать ему и ранить его маленькое сердце. Он всё же пошёл испрашивать у матери разрешения. Она не сказала ему: «Нет! Никогда в жизни!», а лишь промолчала. Ребёнок начал сильно плакать и убежал к себе.

– Ты уж помягче с ним, ладно? Скажи ему вот что – когда я приеду в следующий раз, и у него будут каникулы, и при том условии, что он получит хорошие оценки в школе, я возьму его с собой.

Жена одобрила такой подход и согласилась. На следующее утро я захватил с собой свои деньги, чтобы в том случае, если на фронте мне опять что-нибудь понадобится, я не бегал в поисках денег.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прошло несколько минут с тех пор, как мы заехали в гарнизон Сарпол-е Захаба. Я показываю грузовик со всем добром на нём Садатфару. Его глаза стали круглыми от удивления.

– Куда ты ездил? Я ведь дал тебе совсем немного денег. Как ты всё это купил на них? – удивлялся он.

– Нет же, Асид! – хлопал я его по плечу. – Большая часть этих вещей – подарок от нашего народа. Я привёз с собою ещё денег, чтобы мы не стопорились о них при каждом сюрпризе, требующем затрат.

– Что вы привезли? – спросил он так, как будто совсем не слушал меня.

– Здесь мои инструменты и вещи, плюс помощь от близких и знакомых. Ты просто недооцениваешь нас, Асид!

Ранним утром мы с ребятами пошли разбираться с нашим несчастным грузовиком. Хадж Хасан Гулами и Муджтаба Басаири к тому времени уже выпрямили изогнутое шасси. Вместе мы приступили к подготовке замены кабины. Пока мы работали, к нам пригнали ещё двадцать единиц техники, искорёженной осколками. Среди этих машин был также и микроавтобус, у которого напрочь отсутствовала кабина. Мы соорудили для него кабину из подручных средств, которую следом и приделали. Молитву мы совершили в своей мастерской, после чего там же покушали. Один солдат, которому весь этот процесс был очень интересен, как-то сам по себе стал моим хорошим подручным, и быстро приносил всё то, что мне было необходимо в работе. В этот же день мы завершили работу со скатившимся в ущелье грузовиком и сдали его в работоспособном состоянии лично Садатфару.

– Златорукий Аббас! – с восхищением воскликнул он. – Отлично! Просто отлично! Никогда бы не подумал, что его можно починить! Даже если бы работать над ним три месяца. Слава Богу! Спасибо тебе, брат!

Наступил вечер, и по причине недостатка освещения нам пришлось остановить работу. Мы отправились в свою комнату. Через какое-то время нам прямо туда принесли ужин. В гости на ужин к нам также зашёл Асид.

– Аббас, я и представить себе не мог, что ты сможешь работать пятнадцать часов в сутки без перерыва! – вновь выражал он своё удивление. – Ты не устаёшь от работы в таком режиме?

– Работа лишь придаёт мне сил! – тут же отвечал я. – Когда в мои руки

попадает гаечный ключ и молоток, силы мои увеличиваются стократ! Вообще, я с самого детства привык к тяжёлому труду. Нет, работа меня не утомляет, а наоборот – воодушевляет и придаёт мне ещё больше сил. Когда я работаю, то чувствую себя победителем, а здесь вдобавок чувствую себя воином, как и эти солдаты.

На следующий день привезли ещё несколько машин. Видя, как я работаю не покладая рук, ребята тоже старались и работали ещё усерднее, чем обычно. Те, кто по несколько раз проходил рядом с нашей мастерской и видел, как мы неустанно и без перерыва работаем, умолял нас немного отдохнуть.

– Отдыхать я буду тогда, – отрицательно качая ладонью, отвечал я, – когда на территории этого гарнизона не будет ни одной машины, которая нуждалась бы в ремонте.

– Да поможет тебе Всевышний! – лишь отвечали они.

Спустя непродолжительное время во всём гарнизоне уже все знали меня по прозвищу Златорукий Аббас. Такая слава была для меня очень приятна.

В этот вечер, как и вчера, поужинав, я тут же свалился от усталости на первую попавшуюся койку и заснул мёртвым сном. Несмотря на тяжёлый режим работы и непомерную усталость, на следующий день я встал так же рано утром. Выйдя на улицу, я заметил ещё несколько новых машин, которые стояли у мастерской. За ними я заметил и Асида Садатфара.

– Вы можете из этого микроавтобуса сделать пикап? – спросил он, указывая на очередной микроавтобус, которому снесло кабину.

Я взглянул на него. Кабина отсутствовала, из всех сидений сохранилось лишь несколько.

– В принципе, – немного подумав, ответил я ему, – я могу оставить два сиденья – водительское и пассажирское, и потом соорудить соответствующий кузов... Да, это можно сделать. Разве может такое быть, чтобы Асид попросил нас о чём-то, и мы это не сделали? – шутливо спрашивал я.

С Муджтабой Басаири мы начали работать над микроавтобусом, которому на роду было написано стать пикапом. Утром мы приступили к работе, и так, работая под палящим солнцем, мы продолжали работать в поте лица до самого вечера. На следующее утром мы сразу же приделали кузов, после чего вызвали Садатфара, чтобы он принял работу. О, как же он был доволен и счастлив!

– Ребята, я удивляюсь не только вашему таланту, но и трудолюбию! – восхищался он нами. – В первый день, когда я смотрел на то, как вы здесь

играете в футбол, я не мог поверить в то, что вы вообще что-то умеете делать. Но как же я ошибался! Вы не только мастера своего дела, но ищё и работаете в три смены, и творите что-то невероятное! Молодцы! Выражают вам всем своё искреннее восхищение и признательность!

– Мы лишь рабы Всевышнего, – вытирая тыльной стороной кисти пот со лба, сказал я. – Рады служить, Асид!

Он с искренней радостью и восхищением ходит вокруг новой машины и оглядывает её.

– Да, вы настоящие, верующие и трудолюбивые рабы Господа! Да вознаградит Он вас всяким благом! Браво!

Ещё с минуту походив и повосхищавшись, он вдруг сказал:

– Один из наших складов боеприпасов взорвался. Могу ли я повести вас туда, чтобы вы взглянули?

– Да, конечно, – ответил я. – Мы все пойдём.

Неожиданно раздался страшный взрыв, сотрясший, казалось, не только пространство, но и время. Вдруг я представил, что усовершенствованный нами микроавтобус и тот грузовик взлетели на воздух, одним махом сведя все наши усилия на нет.

– Ничего страшного, – сказал Асид. – Это всего лишь бомбардировка.

Примерно через час с несколькими солдатами мы отправились к амбару. Стены были разрушены, и с четырёх его концов в небо поднимался серый дым. Так и хотел спросить кого-нибудь, действительно ли это результат взрыва бомбы или ракеты, или же это случилось просто по чьей-то халатности. Ребята сказали, что в амбаре было множество маленьких и больших помещений, в каждом из которых они клали соответствующие припасы. Лично я там не увидел никаких комнат. Всё было вперемешку. На земле валялось множество разорванных снарядов гранатомёта. Мы осторожно подошли ближе к амбару и зашли в него.

– Зачем вы пришли сюда? – кричал какой-то местный солдат, с ног до головы покрытый грязью и копотью. – Тут могут быть неразорвавшиеся снаряды, которые как раз могут взорваться! Выходите отсюда!

– Мы специалисты, – ответил я за всех.

– Кто бы вы ни были, быстро выходите отсюда! – не унимался он.

Там можно было услышать много звуков, но из всех я услышал и тот, что звал меня:

– Хадж Аббас Багери!

Я пошёл в сторону, откуда доносился этот голос. Из-за того, что все что-то

говорили и шумели, я не мог найти глазами того, кому этот голос принадлежит.

– Да, я здесь! – громко говорил я в ответ.

– Иди сюда, к двери! – подсказал мне этот голос.

– Я здесь не вижу никакой двери! – заметил я. – Здесь всё перевёрнуто верх дном. Откуда мне знать, где тут была дверь?

Внимательно оглядевшись, я обнаружил в стене проём, в котором, судя по всему, и должна была некогда быть дверь. Подойдя к этому проёму, я нашёл звавшего меня.

– У нас неполадки с пушкой, – неожиданно заявил он мне. – Не могли бы Вы её починить?

Ну надо же! Сколько же надежд и чаяний они возлагают на обычного мастера по ремонту машин! Я ведь не оружием занимаюсь, человек! Как можно сравнивать какую-нибудь замену кабины грузовика с ремонтом оружия?

Но расстраивать человека не хотелось, поэтому я пошёл с ним, чтобы хотя бы взглянуть, что за неполадки у них с пушкой. Кто знает, быть может я, действительно, смогу что-нибудь сделать?

Когда мы дошли до неё, я быстренько оглядел её.

– Перестал работать крутящий механизм, – посмотрев на меня, сказал мой провожатый. – Как Вы думаете, его можно починить?

– Нет, нельзя, – тут же, без промедления, отвечаю я.

– Что ж, тогда нетратьте своё время зря, – сказал он.

«Как же быстро он сдался!», – подумал я.

– Брат! Хаджи! Уважаемый! – начал я его звать, но из-за сильного шума вокруг он меня не услышал.

Я побежал вслед за ним.

– Брат, вернись! – звал я его. – Подожди, дай я немного протестирую её. Быть может, что-нибудь да получится с ней сделать.

До сих пор в своей жизни я ещё не видел артиллерийскую пушку. Возможность воочию увидеть все её детали у меня появилась впервые. Надо сказать, это был весьма интересный аппарат. Я начал осматривать её поворотный механизм. «А ведь говорят, что фронт – это высшее учебное заведение», – про себя думал я. Да, говорят, и истину глаголют. Всё время здесь надо познавать что-то новое. Это только к лучшему. Свежий навык и новое знание ещё никому не мешали. Я начал тщательно изучать этот механизм, чтобы понять, как он устроен, а этого мне вполне достаточно для того, чтобы засучить рукава и приступить к работе. В том же случае,

если я засучил-таки рукава, то я не отстранен от неё до тех пор, пока не починю.

Уже через час я предоставил этому солдату его пушку с обновлённым поворотным механизмом. Он был просто без ума от счастья.

– Тут есть ещё одна пушка, – вспомнил он на радостях. – Вы сможете починить и её? У неё такая же проблема, как и у той, что вы сделали.

– Дай Бог, – сказал я, уже входя в азарт.

С этой пушкой я тоже вскоре закончил.

– Думали ли Вы когда-нибудь в своей жизни о том, что будете ремонтировать пушки? – смеясь, спросил он меня, когда пришёл.

Я тоже начал смеяться, и усталость с меня как рукой сняло.

– Дай Бог, к добру это всё, – сказал я.

Он начал куда-то идти, и я пошёл за ним. Он без остановки говорил о фронте, пушках, танках, пулемётах, самолётах и обо всём, что знал, и даже о том, чего не знал. К тому же надо отметить, что говорил он очень быстро, так, будто ему за это ещё и платили. Я не могу сказать наверняка, опытный ли он боец, или просто был наслышан понемногу обо всём, но я склонялся к тому, что он ни разу не участвовал в бою. Мы с ним шли через грязь и гравий.

– Хочешь увидеть передовую линию? – спросил он.

Я ответил, что непротив. По правде говоря, так оно и было. Во мне был уже скорее интерес к этому, чем страх.

Он хотел показать мне артиллерию. Мы с ним сели в машину и поехали.

По дороге я задал своему спутнику несколько вопросов о принципе работы артиллерии, и ни на один из них он не дал правильный ответ. В общем, тут я понял, что ждать полезной информации от него не стоит. Он свернулся на повороте после горы. Я молчал. Гора эта была какой-то страшной, так, что казалось, будто она была сделана бульдозерами. Мне казалось, что это и есть передовая линия.

– Брат, когда мы уже доберёмся до артиллерию? – спросил я.

– До артиллерию ещё далеко, – мотая головой, ответил он. – Вам стоит выйти прямо здесь.

Мы с ним быстро вышли из машины и, пройдя немного вперёд, легли на землю, чтобы не схватить шальной пулю или осколок. Вдали был слышен громкий гул. Наконец, я нашёл глазами артиллерийскую установку, и она сразу же начала палить куда-то. Я раньше слышал, что при сильных, оглушающих звуках надо держать рот открытым, чтобы ушные перепонки

не повредились. Я так и сделал, и он тут же наполнился пылью. Тут же меня охватил кашель, и я начал пытаться выхаркать всё, что осталось в дыхательных путях.

– Это и есть передовая? – спросил я своего спутника. – Когда говорят фронт, то имеют в виду именно это?

Он ничего не отвечал, и видно было, что он над чем-то задумался.

На самом деле, мы были на приличном расстоянии от передовой линии, и слышали лишь во всей красе её звуки. Да, сейчас я боялся куда как меньше того раза, когда впервые сам столкнулся с войной, но всё равно полностью избавиться от страха мне ещё не удалось, страха, источником которого является незнание и отсутствие опыта. Я попросил моего озорного друга, чтобы мы уже вернулись назад. Он сразу же согласился, и мы, быстро вернувшись в машину, уехали оттуда обратно в гарнизон. Я искренне воздавал Господу хвалу за то, что опять стою на этой твёрдой и безопасной земле. Слава Богу – и на этот раз со мной не случилось ничего плохого. Я вновь вспомнил о своей работе и решил, что стоит ещё больше времени проводить за ней, пусть даже и отняв время от сна. Думаю, что только таким образом я смогу хоть как-то оправдаться за то, что за нас, за наш народ там калечатся и умирают молодые ребята.

Работа шла очень легко и продуктивно. Всё своё время мы посвящали ей, и даже не заметили, как наш срок пребывания там подошёл к концу. Мы передали все предоставленные нам в пользование вещи, чтобы получить обратно свои направления с соответствующими подписями. Приехал наш микроавтобус, на котором мы доехали до Керманшаха, однако они решили не отпускать нас так легко, и захотели организовать для нас туристическую поездку в Бисотун. Было уже четыре часа после полудня. Я впервые познакомился с этими клинописными надписями и историческими памятниками. Двое студентов проехали мимо меня на велосипедах, на багажниках которых были привязаны их книги. Не обращая никакого внимания на туристов, эти двое сели и взяли в руки книги и начали заниматься. Проходя мимо них, я не смог удержаться от того, чтобы похвалить их.

– Молодцы! Вот это настоящее усердие и понимание важности приобретения знаний! Читайте, ведь и во время войны учёба имеет весьма большое значение.

– Разве наука может поощрять войну? – начал возражать один из них. – Если бы никто не шёл воевать, то и войны бы не было.

– Если бы никто не шёл воевать, – тут же разозлившись, отвечал я, – то и

ни одного иранца не осталось бы. Эти люди, которые воюют против нас, они ведь от религии камня на камне не оставят. Они могут зарезать жену перед её мужем, и даже глазом не моргнуть при этом!

Парень лишь усмехнулся. Я приметил его выступающий живот, который так не свойственен нашим солдатам. Сразу вспоминается то, с какой любовью и идеями они воюют там, на передовой, и гнев мой становится ещё сильнее.

– Да, конечно, если всю свою жизнь кушать и спать, то этого должно быть достаточно! Так? Конечно же нет! Сегодня мы все должны действовать. Я вновь стал отцом два месяца тому назад, и несмотря на это оставил жену, детей и всё, к чему я привык, чтобы только помочь нашим ребятам на войне тем, чем я могу. Разве это касается не всех? Разве не общими усилиями должна добиваться победа для всего народа? Мы все должны внести свою лепту.

Поняв, что тягаться со мной в этом вопросе он не сможет, парень замолчал и просто опустил голову. Я лишь удивлялся тому, какие люди у нас ходят в студентах. Это же с ног до головы предатели родины! В таких тяжёлых думах я купил билет до Тегерана и отправился в путь, обратно домой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я делаю в своём дневнике очередную запись:
«Третья поездка на фронт – ноябрь 1981-го года».

В этой поездке со мной было двадцать человек.

- Вы должны разделиться, – сказал нам кто-то, когда мы приехали в штаб.
- Мы вместе приехали, вместе отсюда и уедем, – сказал я, и протянул ему лист с именами всех, кто был со мной. – Эти люди только прибыли сюда, и все они в моей группе. Мы должны быть вместе.
- Мы уже разбили вас на отряды по четыре человека, чтобы отправит каждую в какую-то конкретную точку, – не унимался чиновник.
- Моя группа должна быть со мной, – даже не думал я сдаваться. – Именно с таким условием я привёл их на фронт. За эту группу в двадцать человек отвечаю лично я. Здоровыми я их привёл, такими же должен вернуть обратно. Если хоть с одним из них что-нибудь случится, то со мной уже никто и никогда не поедет.

Он несколько раз куда-то уходил и приходил обратно, и каждый раз настаивал на том, что мы должны разделиться. Я, естественно, не соглашался. Несколько раз он переспрашивал о причине моего несогласия, как будто не понял её в предыдущие разы.

- Я боюсь того, что если кто-либо из них получит ранение или случится ещё что-нибудь, то их направят на лечение в разные города. Это отряд ударников труда и профессионалов своего дела. Других таких вы у себя не найдёте.

Ближе к полудню пришёл их главный в штабе.

- Там, куда мы вас хотим направить, нет мест для ночлега двадцати человек, – сказал он.
- Если проблема только в этом, то это не проблема, ответил я. – Если надо будет, мы без проблем будем спать и на улице. Главное, чтобы вы не разделяли наш отряд.

- Если для вас это не проблема, – немножко подумав, сказал он, – то несколько человек могут спать в молельне.
- Командир, если бы мы хотели комфорта, то мы бы остались в своих тёплых и обустроенных домах, – ответил я. – Каждый из тех, кого вы здесь видите, является настоящим профессионалом своего дела. Все они обеспеченные люди, которые всю жизнь трудились. Они в принципе не

приемлют такую вещь, как поиск лёгких путей. В конце-то концов, мы прибыли на фронт. Разве может так быть, чтобы кто-то из них не понимал того, что это означает?

Выслушав мою речь, командир тут же согласился со мной и определил всех в один гарнизон.

Спустя какое-то время мы прибыли в гарнизон. Я сильно хотел пить.

– Абдехандэ⁷ пришёл, – сказал кто-то, когда мы оформляли бумаги внутри соответствующего здания.

Я встал и начал глазами искать этого молодца с кувшином, что так кстати, как я думал, принёс нам воду.

Отреагировавшие на это объявление солдаты ходили в разные стороны, но, как ни странно, в руках у них не было стаканов, из которых они могли бы пить воду. Краем уха я услышал о том, что они говорили о командире, который, судя по всему, был здесь новым и только что прибыл. Я остановил одного из них и сказал ему, что тоже хочу воду. Он указал мне на цистерну с водой, которая стояла поодаль от нас.

– Вода там, – сказал он. – Хотя нет, постой, дай-ка я сначала поздороваюсь с нашим новым командиром, а после этого я сам принесу тебе воды.

Я решил, что лучше будет самому пойти и взять её, для чего вышел из здания и направился к цистерне. Пока я шёл, то заметил одного человека с молодыми и чёрными глазами и бровями. Он был среднего роста, а на голове была чёрный шляпа. Вокруг него стояли солдаты, некоторый из которых пожимали ему руку. Его лицо мне было знакомо. Это был тот же человек, которого я видел в штабе, из которого нас направили сюда. Так, значит это и есть Абдехандэ? Я подошёл к нему и представился:

– Я и моя команда из двадцати человеку – мы все мастера разных профилей. Среди нас есть мотористы, механики, стекольщики, сварщики и прочие. Мы с Вами виделись в штабе в Керманшахе.

Он тепло поприветствовал меня и протянул мне руку. Про себя я думал о том, каким хорошим командиром является этот человек. Абдехандэ повёл меня туда, где стояли нуждающиеся в нашем вмешательстве машины. Там был джип, машина скорой помощи и ещё несколько машин.

– Да, я читал ваше дело, – начал говорить Абдехандэ, и в речи его были явно слышны нотки хузестанского диалекта. – Вы в числе весьма продуктивных для фронта людей. Ваше прозвище Златорукий Аббас. Я бы хотел спросить у Вас: сколько времени займёт ремонт этих машин?

⁷ Буквальное значение слова «абдехандэ» – дающий воду. В данном случае присутствует игра слов – слова объявившего об этом могли быть поняты, как «приехал тот, кто привозит воду», или «приехал человек по имени Абдахандэ» (примечание переводчика).

– Мы сделаем их в кратчайшие сроки, – внимательно взглянув на них, ответил я. – Думаю, что за два дня справимся.

По нему было видно, что он мне не поверил. «Ты ещё поверишь в нас, житель Ахваза!», – подумал я.

Вдруг, сзади какая-то рука протянула мне красный стакан, в котором была вода. Я повернулся, и увидел, что это был тот же молодой солдат, которого я спрашивал о воде.

– Спасибо тебе большое, брат! – сказал я. – Ты очень сильно выручил. Спасибо!

Выпив воду, я позвал своих товарищёй. В положенное время, начав с машины скорой помощи, мы приступили к работе. Всего было пять машин, получивших осколочные повреждения. До девяти ночи мы во всю работали, пока нас не позвали на ужин. Только когда мы приступили к еде, мы поняли, что мы настолько сильно пропотели, что от нас уже исходил неприятный запах. Запах моих носков был самым страшным в этой симфонии запахов. Я выбросил их из комнаты от греха подальше. Ночью для нас определили комнату для ночлега и отдыха. На следующее утро мы начали работать в шесть утра. В восемь был завтрак. Потихоньку начала нагнетаться тема о том, кому сегодня быть «мэром» гарнизона. Да, на тот момент я ещё не понимал, что на военном жаргоне означает быть мэром. Вообще, с тех пор, как я оказался среди военных, я понял одну вещь – эти люди придумали для себя много каких-то особых выражений, смысл которых ясен только им, и если оказаться среди них и не знать их жаргона, то очень скоро человек вообще перестаёт понимать, о чём они говорят. Они записывали имена всех на листе, где было указано кто и когда становится мэром гарнизона.

– Так, что у нас, Хадж Аббас? – спросил один из солдат. – Наш мэр должен быть хорошим. Подметать он должен прилежно, посуду мыть отменно, туалеты... Ну, понятное дело.

Только теперь я понял, что это означало – быть мэром гарнизона. Я улыбнулся.

– Ты ребёнка что ли пугаешь, а? Я и дома у себя делаю разную работу. Давай мне мои регалии, – согласился я на его предложение.

Но тут вмешался Абдехандэ.

– Вычеркните Хадж Аббаса из этого списка, – приказал он. – Его работа намного важнее всего этого. Он относится к моим силам быстрого реагирования. У нас нет таких людей, которые смогли бы просто стоять с ним рядом, не говоря уже о том, чтобы сравниться с ним. Нельзя использовать

так бездарно время, которое он буквально подарил нам.

Через два дня я вручил Абдехандэ машину скорой помощи, которая выглядела так, будто только что сошла с конвейера автозавода. Он сильно обрадовался этому и поблагодарил нас. Вообще, мы с Абдехандэ стали хорошими друзьями. Он имел авторитет очень строгого и требовательного в работе человека. Все вели себя с ним предельно осторожно, но нам с ним было очень легко в отношении друг друга. Когда я работал над машинами, он иногда приходил ко мне и начинал смотреть, что и как я делаю.

– Никогда не мог себе представить, – однажды сказал он, – что на свете может быть человек с таким мастерством и талантом, да и отверженным трудолюбием в придачу, который, работая с утра до ночи, смог бы за два дня привести изрешечённую машину в идеальное состояние!

Мне этот человек очень нравился. По нему было видно, что этот парень хорошо соображает. С точки зрения обеспечения нас всем необходимым для работы ему просто не было равных. Достаточно было сообщить ему о том, что нам что-то нужно, как уже через час это что-то оказывалось у нас в мастерской.

Было пять часов после полудня, но мы пообедали только сейчас. Пока я кашал, то заметил, как Абдехандэ несёт длинный красный шланг, чтобы подсоединить его к крану. Мне стало интересно, что он собрался делать с ним. Подсоединив шланг к воде, он направился в сторону уборных. Как только я понял, что он собирается их мыть, то тут же позвал двух своих товарищёй.

– Командир собирается чистить общественные туалеты, – обратил я их внимание на него. – Идите, отберите у него шланг и сами выполните эту работу. Некрасиво ведь, чтобы такой командир занимался подобной работой.

Ребята сразу же подбежали к нему и забрали у него шланг.

В это же время один из наших убирал остатки нашей трапезы. Мы сидели в комнате, когда к нам вошёл Али, которого мы прозвали Луковым.

– Луковый Али, – воспользовавшись случаем, решил я представить его Абдехандэ, – это мастер высшего уровня. Единственным его большим недостатком является то, что он не любит столь полезный и богатый витаминами репчатый лук, и ребята не забывают упрекнуть его в этом, поглощая перед ним в качестве назидания свежий лук. Луковый Али, в свою очередь, стонет от муки, как старая бабка, подкрепляя свои мучения

проклятиями в адрес своих мучителей.

Вдруг Джавад сзади закрывает Али глаза руками и начинает что-то шептать ему на ухо, из-за чего последний расстилается на полу. Выглядело это так, будто он потерял сознание. Джавад сел у его изголовья и начал быстро задавать ему разные вопросы, на которые Али почему-то отвечал прямо так, будучи без сознания. Все собрались вокруг них и с интересом наблюдали за происходящим. По недовольному взгляду Абдехандэ было видно, что такая самодеятельность ему явно не по душе, но он продолжал молча наблюдать.

– Что вы сделали с Али? – спросил я. – Вы же убили его!

Все сидевшие и наблюдавшие дружно подняли пальцы к губам и своим свистящим «Т-с-с-с-с!» заставили меня отступить. Я молчал. Прошло около минуты, после которой Абдехандэ не выдержал и вышел из комнаты. Джавад спрашивал про самые разные подробности его жизни, а Али без тени сомнения отвечал просто на всё.

– Только не думайте спрашивать его о семье и жене! – предупредил я их. – Ещё выпалит что-нибудь, и будет совсем не до смеха.

Опять меня все пытаются успокоить своими «Т-с-с-с-с!», но на этот раз у них это не сработало.

– Верни его в сознание! – вспылил я. – Не дай Бог он ещё умрёт!

Джавад начал опять что-то говорить ему на ухо, но что бы он ни делал, Али никак не хотел приходить в себя.

– Не дай Бог он умер! – кричал я. – Быстрее, возвращай его в сознание, ты, горе гипнотизёр!

В себя Али пришёл только через час. Я успел несколько раз умереть и ожить снова, пока это, наконец, не случилось. Ребята, смеясь, начали повторять то, в чём невольно признался Луковый Али, но последний отчаянно всё отрицал. Он не мог поверить в то, что они смогли всё это вытащить из него.

– Ребята, отныне нам стоит нашего друга называть Опасным Джавадом. Будьте осторожны, и не позволяйте ему подойти к вам слишком близко. Его шептание убийственно! – шутил я.

Я вышел из нашей комнаты на улицу, где увидел командира, который сидел в этот момент на земле и думал о чём-то. Я подошёл к нему и сел рядом с ним. Мне было прекрасно понятно, что игры моих друзей его сильно расстроили, но я, в отличие от него, не воспринимал всё это так тяжело. Ребята просто балуются. Что тут поделать? Всем нужна разрядка.

– Абдехандэ, – обратился я к нему, – ты учти, что ребята с самого утра и до ночи на ногах, работают с этим железом, все в масле и поте, в шумной обстановке. Ну, решили они часик позабавиться и поиграть. Ничего страшного ведь из-за этого не случится. Их забавы поддаются контролю. Не из автоматов ведь они друг по друге стреляют. Не думаю, что из-за этого стоит переживать и расстраиваться.

Абдехандэ вытер пот со лба.

– Знаешь, как называется то, что он сделал? – спросил он, и, не дав мне даже открыть рта, ответил сам: – Гипноз. Гипноз – это не есть хорошо.

– В том смысле, что в этом можно узреть вмешательство в божьи дела? – пытался я уточнить, что конкретно не есть хорошо в гипнозе.

Абдехандэ, молча, смотрел на меня.

– Ладно, командир, – не дождавшись от него никакого ответа, сказал я, – так и быть. Я скажу ребятам, чтобы они не смели больше вмешиваться в божественные дела. Хорошо?

Зайдя обратно в комнату, я собрал всех ребят перед собой.

– Друзья, мы с вами находимся на фронте, – начал я, – и здесь не каждая шутка или игра может быть уместной. Если вам пришло в голову подурячиться, то хотя бы сделайте так, чтобы командир об этом не узнал, не говоря о том, чтобы дурачиться прямо в его присутствии. Нельзя столь грубо нарушать устав. Вы же понимаете, что если бы каждый себя вёл в таком же духе, то здесь был бы настоящий бардак. Так и войну проиграть недолго, ей-богу! А теперь давайте пойдём работать.

Мы отправились в мастерскую, где без перерывов в ударном темпе проработали до двенадцати ночи.

В таком режим прошло какое-то время, пока не настал день, когда мы изъявили желание посетить местный парк. Вместе с несколькими нашими ребятами и самим командующим мы на микроавтобусе поехали в парк. Желание увидеть этот парк у меня было очень сильным.

– Вы только учтите, что у нас ещё много машин, нуждающихся в вашем ремонте, – сказал нам на дорогу Абдехандэ.

Мы заехали в город. Что мне рассказать о нём? На тот момент город был разрушен. Кругом были развалины домов, ну а сохранившиеся строения были полностью продырявлены большими и мелкими осколками. Даже землетрясение в восемь баллов по шкале Рихтера не смогло бы нанести столько вреда городу. Мы заехали на территорию центральной мечети города, чтобы совершить дневную молитву. Впереди всех встал человек в

белой чалме, представитель духовенства. Зенитный комплекс, что располагался прямо на крыше мечети, хотя и крутился из стороны в сторону, но, более-менее, молчал, и для нас это было хорошим знаком. В тот момент, когда мы дошли до второго раката, вражеские самолёты закурсировали прямо у нас над головами. Зенитки начали палить по ним, что было сил. Да, шум зенитного огня, который перекрывал собою небесный гул самолётов, вселял надежду и уверенность в сердце, но также он внушал и страх. Предстоятель нашей молитвы начал читать мольбу кунут. Я искренне не понимал, почему он так затягивает молитву, и хотел куда-нибудь убежать и спрятаться, но все остальные стояли спокойно и не двигались с места. Я стоял и просил Бога о том, чтобы Он внушил предстоятелю нашей молитвы мысль о том, чтобы немного ускориться и закончить молитву побыстрее. Из-за звука выстрелов зенитки я вообще перестал слышать голос имама, и поэтому было не совсем понятно, как мы вообще сможем закончить эту молитву. Как ни странно, но, то опережая, то отставая от имама, причем каждый по-своему, мы, всё-таки, завершили её. После окончания молитвы самолёты тоже улетели прочь. «Будто вся их задача заключалась в том, чтобы испортить нашу молитву!», – возмущался я про себя.

По общему решению моих спутников, мы устроили прогулку по разрушенному городу. В некоторых местах мы даже наткнулись на людей, которые угождали сладостями и напитками. Когда я с огромной благодарностью в сердце принимал угождение, то увидел стоящего с поднятыми к небу руками солдата. В порыве чувств он, с навернувшимися слезами на глазах, благодарил Бога:

– Господи! Благодарю Тебя за все те блага и милости, которыми Ты одарил нас! За воду, которую мы имеем в достаточной степени здесь, в городе, охваченном войной, и за этот напиток, которым нас угождают эти славные люди! Поистине, это настоящее чудо!

Недалеко была работающая пекарня, в которой как раз пекли хлеб. Его приятный запах разносился по всей округе. Для себя и своих спутников я решил купить двадцать вкуснейших хрустящих лепёшек. Когда я протянул деньги, пекарь, вручивший мне хлеб, отказался их принимать.

– Кушайте на здоровье, а для нас прочитайте один салават, – сказал он.

Как бы я ни настаивал, но деньги он так и не взял. Абдехандэ хлопнул меня по плечу.

– Давайте все вместе пойдём в местную ремонтную мастерскую, – предложил он.

Мы приняли его предложение и отправились вслед за ним. В мастерской мы задержались прилично, говоря и показывая здешним рабочим, что и как надо делать.

В конце концов, мы вернулись в Ахваз, и сразу же приступили к работе. Абдехандэ поставил для себя в тени дерева стул, чтобы, сидя, смотреть на то, как мы работаем. Это было единственное дневное время, когда он мог отдыхать. Всё остальное время не бывает такого, чтобы кому-то он не был нужен по какому угодно вопросу. Он постоянно с кем-то переговаривается по телефону и направляет в нужные точки автобусы и грузовики. Несмотря на то, что мне этот человек очень нравится, есть одна вещь, которая мне в нём не нравится – его шляпа. «Почему он её никогда не снимает? Быть может, он лысый? Или на голове какой-нибудь изъян, или ранение?», – задавался я вопросами. Так или иначе, я дал себе слово, что в один прекрасный день выясню это. «С другой стороны, почему бы этому дню не быть сегодня же?», – думал я, пока работал над пробитой осколком машине. Остальные ребята тоже выполняли свою работу. В нашей мастерской можно было услышать самые разные звуки. Везде ощущался острый запах клея и резины. Да, эти запахи не самые приятные, которые человеку приходится ощущать, но всё лучше, чем запах от наших потных тел. Хорошо ещё, что здесь есть душ с тёплой водой, а иначе мы бы уже плесенью покрылись и начали бы гнить. Здесь иногда поднимается такой сильный шум, что невозможно бывает даже различить звуки взрывающихся снаружи снарядов.

Я вышел на улицу, и тут же увидел сидящего впереди Абдехандэ. Опять он в своей шляпе, не смотря на сильную жару. Это была последняя капля. Во что бы то ни стало надо выяснить, что творится под ней. Такого не бывает, чтобы столь представительный молодой человек без конца, по поводу и без, носил шляпу. Я направился к нему. Ещё до того, как я успел подойти, он уже встал и, приветствуя меня, протянул руку. Ничего не отвечая, я тут же снял с него шляпу и спрятал её за спиной. Увиденное поразило меня – из-под неё вышла густая шевелюра! Или, может, даже каскад кучерявых локонов! Абдехандэ недовольно смотрел на меня. Я знал, что он не полезет со мной в драку. Уж слишком он меня любил, чтобы драться со мной. Одну руку он зачем-то приложил к голове, как будто она могла скрыть растительность на его голове.

– Командир, это просто поразительно! – не мог я поверить тому, что вижу.
– У тебя такие волосы, а ты прячешь их под этой шляпой!? Люди платят

бешеные деньги, чтобы сделать завивку, которая соответствовала бы заданному последней модой тону, а в это же время у тебя на голове цветёт такое чудо! Я-то думал, что ты лысый, и носишь шляпу, потому как стесняешься лоска на голове. Зачем лишать этот свет такой красоты? Не дай Бог тебе пришло в голову, что мы можем тебя сглазить завистливыми взгляда-ми!

Абдехандэ просил отдать его шляпу обратно, но я не торопился с этим. Густые и кучерявые волосы, большие глаза, чёрные брови – он был похож на героя из какого-нибудь индийского фильма. Насколько я знаю, ему было двадцать пять лет, но при такой свежей внешности ему нельзя было дать столько. На него приятно было просто смотреть. Свет будто так и струился из его лица, а вместе с тем, что это был человек с весьма благородным нравом, его лицо становилось ещё красивее.

– Отдай шляпу! Отдай шляпу, Багери! – будучи в крайнем негодовании, пытался он меня вразумить. – Ты всё неправильно понял. Волосы есть далеко не у всех, тем более такие. Не хорошо, если они будут видеть меня таким.

Когда он сказал это, я провёл рукою по своей голове, имевшей заметную проседь, и сказал:

– Слушай, о чём ты говоришь? Тут ведь все свои! Или, может, ты видишь, что я потерял дар речи от удивления?

Абдехандэ всё ещё негодовал. На самом деле, я был весьма близок к тому, чтобы потерять свой дар речи от увиденного, но, конечно же, теперь показать этого не мог.

– О чём ты, командир? – продолжал я. – Что в этом может быть предосудительного? Не говоря уже ни о чём другом, ты ведь не сам себя таким сотворил.

– Нет, это наследственное, – уже успокаиваясь, ответил он, – однако я не хочу становиться причиной снижения производительности труда. Когда меня видят люди, то они замирают на какой-то момент. Стоят и смотрят на меня. Вот прямо как ты. Смотри, сколько времени уже прошло, как ты отвлёкся. Конечно, это предосудительно. Отдай мою шляпу и продолжай своё дело.

Я отдал ему её, и обратил внимание на платок, лежащий у него на шее.

– Командир, а что это за платок, который солдаты одевают на шею? – спросил я его.

– Это куфия, – проводя по платку рукой, сказал он. – Весьма практичная и полезная вещь.

Он снял её с себя и протянул мне. Я взял и начал рассматривать её чёрные узоры. «Он так говорит, что это куфия, как будто я слепой и сам того не вижу», – думал я про себя. Она мне была не нужна, но что поделать, раз уж он подарил мне её? Надо брать. В крайнем случае ею ведь можно будет вытираять пот во время работы. Я пошёл и отнес её в мастерскую, где положил на одну из машин. По пути к джипу я повторял его слова в голове. Нет, я не мог их никак переварить. Можно ли обладать такой милостью от Бога и скрывать её от людей, чтобы исключить возможность опечалить их? О, Боже! Неужели он святой?

На забитом до предела микроавтобусе из гарнизона мы отправились в сторону Сусенгерда.⁸ В тот момент вражеские самолёты как раз атаковали. Будучи уже в городе, мы остановились и быстро вышли из машины. Бомбы падали вокруг нас.

– Они сейчас атакуют нефтяные насосы! – кричал я.

Я нутром почувствовал, что они увидели нашу машину, и теперь хотят ударить по ней.

– Все быстро в машину! – отдал я приказ. – Надо быстро уезжать отсюда! Мы – их следующая цель!

Мы запрыгнули в микроавтобус, и я выжал из этой машины всё, на что она была способна. Вдруг мы услышали, как сзади раздался взрыв. Взглянув назад, мы увидели лишь столб дыма и пыли на том месте, где стояла наша машина.

«Какой же ты молодец, Аббас! Просто золото!» – хвалил я сам себя.

Подождав, пока бомбардировка закончится, мы опять заехали в город. В этом городе парков уже не было совсем. Всё было разрушено. Я поправил куфию на шее, и двинулся вперёд. Я заметил одного старого человека, по которому было видно, что с начала войны он не покидал своего дома. Хотя, разве это можно было назвать домом? Стены отсутствовали, комнаты были разрушены. Длинные и когда-то белые одежды старика были полностью покрыты тёмными пятнами и дырками. Если подойти к нему поближе, то в нос врезался резкий запах кислого пота. Его руки были обгоревшими на солнце. Мне было его очень жалко.

– Отец, есть ли у тебя какая-нибудь история для меня? – положив руку ему на плечо, спросила.

Он встал и начал идти медленными и короткими шагами в сторону

⁸ Сусенгерд город на юго-западе Ирана в провинции Хузестан. Сусенгерд длительное время находился под контролем иракских войск и сильно пострадал во время ирано-иракской войны.

сожжённых деревьев, которые находились немного поодаль от нас. Он начал говорить, и словах его прослеживался арабский диалект.

– Да простит Всевышний отца и мать Халхали! – сказал он.

– Ты знаешь его, отец? – тут же спросил я.

– Да, конечно, – ответил он. – Взгляни на те деревья. Видишь их? Девять штук.

Пальцем он указал на деревья, расстояние между которыми в сравнении с другими было меньше. Его глаза тут же наполнились слезами.

– В городе было девять лицемеров. Они всё время собирали в городе информацию. Когда они обнаруживали какую-либо семью, в которой была молодая девушка, то тут же давали их координаты баасистам. Те, в свою очередь, приходили по данному им адресу и насиловали девушек прямо на глазах их отцов и матерей.

Моя спина тут же покрылась холодным потом. «Боже! О чём он? – думал я. Такого не может быть!».

– После того, – плача, продолжал старик говорить прерывающимся голосом, – как все поняли, в чём дело, девушек, и даже маленьких девочек, начали скрывать всеми возможными способами, чтобы они тоже не попали в руки этих проклятых нечестивцев. Несмотря на старание людей, прецеденты случались и в последующем. Я сам был свидетелем того, как баасисты связали наших соседей и прямо перед ними раздели их молодую дочь и...

Мои уши отказывались слышать. Помню лишь то, как он после этого сказал:

– Когда пришёл Халхали, то он тут же занялся выискиванием этих лицемеров. Вскоре он поймал всех их. Их привязали к этим деревьям и расстреляли. Помню, как в тот день люди праздновали их казнь.

Всё моё существо охватили гнев и ненависть. Желание быть в одном ряду со сражающимися против врага во мне стало намного сильнее.

– Командир, – обратился я к Абдехандэ, – ты слышишь, что он рассказываёт? Что туттворилось?

Он молча поправил свою шляпу, и, немного подумав, сказал:

– Взгляни и вслушайся во все эти разрушения. Здесь произошло ровно то, что ты можешь увидеть и услышать своими глазами и ушами. Эти руины хранят в себе память о бесчеловечности, подлости, убийствах, зверствах и насилиях.

Наступила пауза. Я пребывал в тяжёлых раздумьях. Чтобы как-то сменить настрой и отвлечь меня Абдехандэ сказал:

– Братья, идите и купите у них кексы и печенья. Поверьте, они сильно обрадуются.

Время было ближе к вечеру, когда нам объявили радостную новость – Хорремшехр был освобождён. О, как же все радовались!

– Давайте поедем и посмотрим на этот город, – предложил один солдат Абдехандэ.

Мне тоже хотелось увидеть этот вновь освобождённый город. Следующий день как нельзя лучше подходил для этого, потому как работы было немного. Я нагрузил в грузовик много льда и захватил две цистерны с водой. Ещё один большой сосуд, в котором мы приготовили напиток, я положил в кузов пикапа. Следуя за машиной Абдехандэ, в которой были также и мои друзья, я поехал в сторону Хорремшехра. В город мы приехали примерно в два часа дня. Завидев наших солдат, которые ходили туда-сюда, мы сразу же подъехали к ним. Я остановил грузовик и вышел из него. Следом подъехал пикап и остановился недалеко от грузовика. Я начал наполнять предварительно приготовленные мною пластиковые стаканы красного и зелёного цвета напитком, после чего один за другим давал их солдатам. Всюду были слышны читаемые в знак благодарности салаваты. Никто не проходил мимо грузовика, не отведав нашего напитка. Все они пили и следом читали молитву за нас.

– На здоровье, – отвечали мы.

Холодную воду со льдом я поставил также рядом, на подносе, чтобы любой смог взять её сам. Я так сильно увлёкся этим процессом, что совершенно забыл о том, что мы находимся в разрушенном городе, но обратив опять на это внимание, мне стало очень больно за его жителей. Везде были разрушенные дома, бывшие некогда заселёнными и обжитыми людьми. Вдоль улиц стояли сооружённые баррикады и защитные укрепления. Вглядевшись внимательнее в баррикады, я увидел, что для их сооружения были использованы холодильники и морозильники, которые приносили сами жители. В некоторых местах были сооружены узкие дорожки, по обе стороны которых были разные заграждения. «Зачем они сделали эти дорожки?» – я задал себе вопрос, и тут же сам не него ответил: «Чтобы можно было пройти или проехать на мотоцикле, не попадаясь на глаза иракцам».

Тут я вспомнил свою основную работу, ради которой уехал из дома. Мы с командиром Абдехандэ направились к машинам, которые к тому момен-

ту должны были быть подготовленными к дороге. В тот момент я дал себе слово, что буду трудиться ещё быстрее, чтобы результата от моей работы было больше. После этого сердце всегда повторяло мне: «Аббас, быстрее! Быстрее!», и я ни разу не проигнорировал этот голос совести.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Дело было в ночь на 21-е марта 1983-го года. До Новруза⁹ оставались считанные часы. Я принял решение отправиться вместе с семьёй в Ахваз. На этот раз я собирался остановиться с семьёй у моего уже близкого друга Абдехандэ. Я погрузил в машину всё то, что было собрано при содействии нашего доброго соседа Хадж Асади для нужд фронта. Чего там только не было – одеяла, мясо, сметана и многое другое. Сев в микроавтобус с двумя прицепами, мы тронулись в путь, в сторону юга. Кабина этого микроавтобуса тоже была установлена мною. Подаренную куфию я прихватил с собой. В тот самый момент, когда вот-вот должен был наступить Новruz, мы были около кладбища Бехешт-е Захра в Тегеране, где решили остановиться, чтобы помолиться за погибшего Бехешти и других мучеников. На этом кладбище в тот момент было столько людей, что, если кинуть иголку посреди него, она бы не упала на землю. Люди собирались вокруг могил своих родственников и устраивали траурные церемонии. После посещения кладбища погибших героев мы продолжили свой путь. Наргис, младшей дочери, которая родилась как раз накануне моей первой поездки на фронт, к тому времени уже исполнилось полтора года. О, какая же она была тогда лапочка, и как она сладко пыталась разговаривать! Жена учила её произносить салават. Хоть ошибок в её произношении было больше, чем правильных звуков, но она произносила его очень мило.

Пока Наргис неустанно повторяла салават и другие известные ей слова, мы всё ехали и ехали. Дорога была столь длинной, что глаза устали от бесконечных знаков и предупреждений, которые проносились один за другим. Мы уже отъехали от Хоррамабада на двадцать километров. Скорость я держал приличную. Машин на дороге было много, причём в обе стороны. В это же время добровольцы рабочих отрядов, которых я опять собрал и зарегистрировал в штабе, должны были тоже ехать на автобусе в сторону Ахваза. Я, конечно, не знал, насколько они были близки к пункту назначения, впрочем, как и то, выехали ли они вообще, или нет. Их автобус пригнали к нам несколько дней назад, и мне ещё пришлось кое-что подчинить у него. Осознание того факта, что он приехал пустым, а

⁹ Новруз (от перс. «новый день»), также Международный день Новруз (21 марта) — праздник начала года и прихода весны по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов.

уехать, по моим расчётам, должен забитым, искренне радовало меня. В ушах у меня стояли разные звуки – сигналов, свиста тормозящих об асфальт шин и салавата, на зависть неустанно повторяемого женой и Наргис, причём шум, создаваемый этим маленьким существом был громче всех остальных. Голова к тому моменту сильно разболелась, и я уже собирался сказать жене, что на сегодня, пожалуй, хватит учить её. Неожиданно при совершении одного манёвра я не справился с управлением, и пока я пытался восстановить контроль над машиной, мы врезались в бок другой машины. По инерции нас понесло дальше по дороге, пока мы с грохотом не скатились по гравию в кювет. Машина лежала на крыше, а всё мое тело было таким, будто меня хорошенко избили. В мгновение я забыл про свою боль и спохватился о родных.

– Жена! Реза! Наргис! Монир! Хусейн! Вы в порядке?

Шум от удара и трения железа о дорогу был настолько сильным, что я сомневаюсь в том, что они смогут меня услышать. Два колеса от машины безнадёжно оторвало. Я начал бить по двери, чтобы открыть её, но ничего не выходило. Двери заклинило. Тогда я попытался выйти через разбитое окно, после чего я собирался сразу же вытащить жену и детей. Вдруг я почувствовал запах дизельного топлива, разносящийся внутри машины. Он был настолько сильным, что я задыхался. Кто-то из детей кричал от испуга, кто-то плакал. Мы застряли в машине. Я посмотрел наружу – дизельное топливо струилось уже по земле.

– О, Имам Заман! – кричал я. – Горючее! Сейчас машина ведь загорится! Жена! Бери детей!

В это время на дороге остановилось приличное количество машин, и люди подбегали к нам, чтобы помочь. Вскоре они вытащили нас всех из машины. Все, слава Богу, были живы и здоровы. Испугавшаяся Наргис не могла произнести ни слова – что бы мы ей ни говорили, она только молчала в ответ, и это обстоятельство нас сильно встревожило. Хусейн смотрел на сметану, которая вытекла на дорогу.

– Вся сметана смешалась с землёй и пылью, – заметил он. – Теперь она как соус. Давайте наполним ею фляги и отправим Саддаму!

Вся наша одежда была перепачкана, даже та, которую мы купили для праздника. Всё было в грязи. Я благодарил Господа за то, что все были здоровы.

– Только взгляни на то, что с таким трудом собирал Хадж Асади, – с досадой в душе сказал я жене. – Половину из всего этого можно просто выкинуть.

– Если бы не наши салаваты, – заметила жена, – то не только половины этих товаров, но и нас бы сейчас не было.

Да, на мой взгляд, в этом есть доля истины. Я не переставал благодарить Господа за то, что Он подарил нам вторую жизнь, и тоже читал салават. С помощью этих добрых людей мы смогли поставить машину опять на ноги, и, как ни странно, она всё ещё была в рабочем состоянии. Погрузив в неё всё, что ещё можно было хоть как-нибудь использовать, мы продолжили свой путь. Все товары мы оставили в штабе города Дизфуль. Когда в штабе я встретился с одним из моих друзей по имени Мухаммад Тимачи, он оглядел меня с ног до головы и сказал:

– Брат, что случилось? Что ты делаешь здесь в таком состоянии и виде, да и с семьёй?

– У нас случилась маленькая авария по дороге, – ответил я. – Слава Богу, всё обошлось.

Я завёл семью в штаб, и мы вместе уселись на скамейке в коридоре, пока их люди не разгрузят всё, что мы привезли для них. Пока мы сидели, я вдруг почуял запах вкусной еды.

– Кто-то кашеварит? – спросил я своего друга.

– Да, здесь готовят еду, чтобы отправить на фронт, – ответил он.

В этот момент к нам подошла старая женщина, в руках которой была тарелка с луком.

– Вот, это всё, что я смогла достать для наших солдат, – сказала она. – Добавьте этот лук в то, что вы готовите.

Это была весьма трогательная сцена. Я взял у неё лук и отдал повару, чтобы он добавил его в общий котёл. Когда еда была готова, погрузив на пикап, её увезли на фронт. Мы остались там до обеда, после которого продолжили свой путь до Ахваза. По дороге я приметил одну мойку, на которую решил заехать. Отмыв извалающуюся в грязи машину, мы поехали дальше. Небо было затянуто чёрными облаками. Я был уже не в состоянии управлять машиной, потому как просто засыпал по дороге, и поэтому решил остановиться у одной кофейни. Нет, остановился я не для того, чтобы выпить кофе, а для того, чтобы поспать, припарковавшись на местной стоянке, что мы дружно с семьёй и сделали. Перед тем, как уснуть, я вспомнил об автобусе с группой добровольцев. Судя по всему, они доберутся до пункта назначения раньше нас.

Рано утром, ещё перед зарей, мы продолжили свой путь. Когда мы достигли Ахваза, было ещё темно. Добравшись до дома Абдехандэ, мы

увидели его мать, которая в тот момент как раз выходила из автобуса. Я ещё раньше слышал, что она ранним утром отправляется в Ахваз, чтобы стирать одежду солдат. Эта добрая женщина встретила нас очень тепло. Мы все зашли в дом Абдехандэ, и одежда на нас была всё та же – перепачканная в грязи. К нам навстречу вышел мой друг.

– С вами что-то случилось по дороге? – с удивлением спросил он.

Я рассказал ему всю историю, в том числе и то, как Наргис после этого у нас перестала вообще что-либо говорить. Прилично отдохнув и уже отужинав, я пошёл делать фары на своей машине, которые после аварии перестали работать. Пока я их чинил, Наргис стояла рядом. Как только фары засветили, она тут же произнесла салават.

– Жена! – кричал я от радости. – Иди сюда, посмотри! Она опять заговорила! Ну же, иди сюда и взгляни сама!

Я взял дочь на руки. Жена, а следом и все остальные, прибежали посмотреть на исцеление ребёнка.

На следующее утро вместе с Абдехандэ мы отправились в мастерскую имени шахида Кардуни. Вспомнив об автобусе, который должен был приехать, я упомянул об этом Абдехандэ.

– Да, ты молодец. Поработал на славу. Не переживай. Как мне сообщили, они уже прибыли, ещё раньше вас, – успокоил он меня.

Когда мы добрались до мастерской, то увидели там автобус, который вёз ребят. Слава Богу, все были живыми и здоровыми. Согласно нашим планам, они должны были пробыть там, работая, двадцать дней.

Когда наступила ночь, я опять привёл семью в дом Абдехандэ. Самолёты как раз совершали налёты. Взрывы бомб, следующие один за другим, сотрясали землю. Дети были напуганы. Хусейн, самый младший сын, просил их успокоиться и проявить терпение, и чтобы успокоить их, он шутили и смешил их.

– Ничего не будет, не бойтесь, – тоже успокаивал их Абдехандэ. – Это шумит наш сосед. Знаете, он любит по ночам подниматься на крышу и громко так работать, а иногда и бегать.

– Надо же, какие у вас странные соседи! – смеялся Хусейн. – Бегают и работают, да ещё и в такую темень!

– А парень неплохо соображает, – заметил Абдехандэ.

– Конечно, – подтвердил я, – и для такого эффекта ему хватило бы и малой доли крови своего отца.

Мы дружно смеялись. Мать Абдехандэ рассказывала о том, как ей приходится отстирывать кровь с одежды солдат в гарнизоне имени шахида

Алам аль-Худа.

– Если ты хочешь, то отправляйся вместе с ней и тоже помогай солдатам, – предложил я жене.

– Нет, не думаю, что это возможно, – ответила мать Абдехандэ с сильным, но приятным ахвазским акцентом. – Ваша жена ещё молодая, и я не думаю, что она сможет перенести вид всей этой крови.

Я спросил Абдехандэ о том, как я должен компенсировать испорченный товар, подаренный для нужд фронта их соседями.

– Можно отдать сумму, на которую всё это можно было приобрести, или же купить равнозначное и отдать фронтовикам, – ответил он.

Я решил пойти по второму пути, и, купив в равном размере всё то, что было испорчено, отдал это военным.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Прошло уже несколько месяцев, как я нахожусь в своём гараже в Тегеране. Я работал как всегда, усердно, но мысли о фронте не покидали меня. Время от времени меня навещали друзья, с которыми мы познакомились за то время, что я был на фронте, и гостили у меня. Когда я узнавал, что кто-то из них вместе со своими семьями собираются посетить город Мешхед, то я обязательно звал их к себе домой, чтобы они перекохнули по пути, и дорога не стала для них обременительной, и мы с женой с удовольствием их принимали. Прямо как сейчас, когда у меня остановились два автобуса из Ахваза. В своём дворике я растянул несколько верёвок, на которые они могли бы повесить свои вещи. В самом углу дворика я соорудил для них душевую кабину, чтобы они могли освежиться. Те, кто знают, что такое длинная дорога, прекрасно поймут, какое это наслаждение – возможность искупаться посреди своего пути. Хусейн иногда помогал им развшивать одежду. Он шутил с ними, игрался и слушал их разговоры и истории о войне. Когда его не было в доме, все сразу начинали искать его, а если он заходил, то вместе с ним как будто заходила сама радость и счастье. Он общался абсолютно со всеми, и все с радостью поддерживали его разговор, веселились и смеялись. Во дворе кипела настоящая жизнь. Вдруг раздался звонок в дверь. Мы открыли. Никто не зашёл, однако жена, поправив свою чадру, вышла на порог. Через какое-то время она зашла вместе со своей племянницей и её мужем.

– Бедные, они стояли и ждали за дверью около часа, – заходя, сказала жена.

Мы поздоровались, и всё прочее.

– Разве вы пришли в чужой для себя дом? – спросил я их. – Почему вы там стояли битый час?

– Когда мы пришли, – оправдывалась племянница жены, – то увидели, что дверь во дворе открыта. Заглянув внутрь, мы увидели, что там очень много людей, да ещё и одежда везде висит. Мы подумали, что просто ошиблись адресом. Мы уже собирались уходить, как вдруг остановились. Затем мы подумали, что нет, мы не могли ошибиться, и эти два старых окна, знакомых мне ещё с детства, тому подтверждение.

На следующий день все наши гости уехали, и вместе с ними та суeta, что у нас творилась. Сердце мне не давало более находиться в Тегеране, и особенно сильно желание вновь отправиться на фронт возникало тогда,

когда я видел своих тамошних друзей и товарищей. Я опять начал собирать отряд.

– Я тоже поеду с тобой, – сказал маленький Хусейн, когда я снова заговорил об этом дома.

До того, как она выразила свой протест, я взгляdom попросил её, чтобы она всё же отпустила этого сорванца со мной, ведь я ему когда-то дал обещание.

– Ладно, отправляйся с отцом, но будь осторожен и береги себя. Понял? – уже начала она его напутствовать.

Хусейн очень обрадовался такому повороту событий. Я же отправился к знакомым мастерам, чтобы позвать их с собой.

– Знаешь, не в этот раз, – отмахивались они. – Когда будешь в следующий раз ехать, то сообщи.

В этот раз я опять решил, что неплохо бы собрать пожертвования и помочь знакомых и соседей для нужд фронта. Был среди наших соседей и один мой хороший друг по имени Хадж Гулам Реза, который зашёл как-то раз ко мне перед моей очередной поездкой.

– Я очень переживаю за сына, – сказал он, – он ведь находится на передовой. Уже прошло много времени после того, как связь с ним прекратилась. Я хочу поехать и попробовать найти его, и если мне позволят, то я пойду до самой передовой.

Мне не хотелось, чтобы он ехал туда один, и поэтому я попросил его немного повременить с этим, чтобы я смог поехать вместе с ним.

Собирая пожертвования, я заехал к своему знакомому Аламоль-Худа.

– Я собираюсь на фронт, – вводил я его в курс дела. – Если ты хочешь чем-нибудь помочь нашим, то погрузи это в мою машину.

– Да, мы собрали некоторые медикаменты для жителей деревни Чубин и её солдат, – ответил он. – Я уже согласовал этот вопрос с Хадж Аделианом.

Да вознаградит тебя Всевышний за то, что ты делаешь!

Я не ожидал, что медикаментов будет столько – они просто заполнили ими мой пикап, и тут я понял, что одним пикапом я вопрос доставки пожертвований не решу. Тогда я познакомился с сейидом Реза Мирзи и Хадж Зульфигари. Первый был бакалейщиком, а второй торговал коврами. В ту пору ко мне также пришёл мой друг, который специализировался на ремонте амортизаторов. Когда мы с ним начали говорить о фронте, то он упомянул штаб имени Шахида Аламоль-Худа, где он работал какое-то время, и организацию «Еттефакийун».

– Постарайся навещать это место каждую неделю, – сказал он. – Их организация отличается от всех остальных.

– Я еду на фронт, – ответил я, – и собираю вещи для фронта. Там я занимаюсь тем, что ремонтирую их машины. У меня просто не будет времени ездить туда каждую неделю, но я постараюсь посетить это место. Так, чем же их организация отличается от остальных?

– Во-первых, – начал он, – предстоятелем молитвы там является сейид Джавад Аламоль-Худа, который также возглавляет пятничную молитву и читает проповедь в этот день. Во-вторых, эта организация действует давно – ей скоро исполнится сто двадцать лет. Ты только вдумайся! В-третьих...

Я понял, что если буду его слушать, то он ещё долго будет приводить аргументы в пользу того, что я должен туда приехать.

– Ладно, ладно, – остановил я его, – я приеду. Для начала мне нужно хотя бы отвезти то, что я собрал для фронта.

Со мной поехали Гулам Реза Хакбазан, Хайдар-Ага Зануби и двое моих сыновей – Реза и Хусейн. На другом пикапе поехали Махди Пунаки с Хусейном Аюбзадэ. Кроме того, поехали ещё две машины, на которых были Акбар Фахери, Али Мунфаред, Хусейн Хусейни и Хасан Ашкбар. Наш караван из четырёх машин тронулся в путь, на юг.

Хусейн всегда был резвым ребёнком – он не мог просто сидеть на одном месте. По дороге в грузовике он радовался так, как будто находился в самолёте Боинг-747.

Мы прибыли в Дизфуль. Там я представил своих сыновей местным рабочим и оставил их вместе с двумя своими друзьями в мастерской, чтобы они тоже работали и помогали местным. Не успели они даже толком обосноваться там, как уже засучили рукава и принялись заниматься ремонтом.

– Давай вместе поедем в деревню Чубин, – предложил я Гуламу Резе.

– Чубин? – переспросил он. – Это где?

– В окрестностях района Фекке, – ответил я.

Гулам Реза решил повезти туда ещё и своего сына Маджида, и мы втроём поехали дальше, в сторону деревни.

Куфия, которую мне дал Абдехандэ, была при мне. Я положил её рядом, на сиденье. Мы заехали через мост Кархе. Рядом с трассой шли два солдата.

– Как доехать до деревни Чубин? – посигналив, спросил я их.

Оба тут же вскочили на кузов грузовика.

– Езжайте, мы подскажем вам, как ехать, – сказал один из них. – Нам надо

ехать туда же.

Дальше мы поехали впятером. Я удивлялся тому, что, находясь в такой близости от передовой, я не вижу убитых и раненных. Неужели это и есть та передовая, которой меня всё время пугали? Это ведь отличное место. Хотя, скорее всего, мы просто ещё не доехали до неё. Я вдруг сильно захотел пить. Как нельзя кстати, по пути мы проезжали палатку, в которой солдаты пили чай. На магнитофоне играли патриотические мотивы.

– Вы слышите? – обратил я их внимание на музыку. – Это голос Ахангерана. Он всегда поёт патриотические песни. Давайте выпьем чаю. Жажда замучила меня, да и вы, наверное, не прочь попить.

Мы остановились рядом и вышли. Мы с Гуламом Резой сели прямо на землю, чтобы немного передохнуть. Маджид следом присел рядом. Два солдата тоже подоспели, потягивая прохладный шербет. Сидя там, я заметил одну дорогу, высыпанную гравием, которая отделялась от основного шоссе. Наконец, нам тоже принесли шербет и ещё угостили нас хлебом с сыром. Приятно перекусив, мы встали, чтобы ехать дальше. Я поблагодарил этих людей за столь радушный приём.

– Пожалуйста, – ответили они, – рады служить своему народу.

Мы тронулись.

– Как всё же хороши эти палатки, в которых дают бесплатное угощение! – заметил я. – Да вознаградит их Всевышний всяким благом. Усталость просто как рукой снимает. Всё же, это очень интересно – человек может покушать, и, вместо денег, лишь произнести салават за них.

Никто ничего не ответил. Я ещё раз спросил адрес деревни у этих двух солдат, которых мы подобрали на полпути.

– Нам ехать прямо около часа, – ответил один из них. – Не переживайте, поворот не пропустите. Ещё далеко ехать.

По пути я решил обвязать куфию вокруг шеи, как это обычно делают солдаты. Я посмотрел в зеркало. «Надо же, немного стал похож на человека», – подумал я.

Добравшись до развилки, я остановился. Два солдата вышли, и тут же, быстро распрошавшись с нами, сели в другую машину и уехали, даже не указав, куда нам ехать дальше! Меня это сильно задело. У одного молодого человека, который находился там же, я спросил дорогу до деревни.

– Откуда вы приехали? – спросил он.

– Из Дельхорана, – ответил я.

По нему было видно, что он был удивлён услышанным.

– Всю эту дорогу, которую вы проделали досюда, вы ехали в противоположном направлении, – сказал он. – Вам надо вернуться обратно. Это высыпанная гравием дорога, и находится она рядом с палаткой, где бесплатно раздают угощения. Езжайте прямо по этой дороге, пока не доедете до поворота. Сверните туда, и деревня Чубин будет прямо перед вами.

Только сейчас я понял, что эта молодёжь заставила меня проделать весь этот путь только для того, чтобы я довёз их туда, куда им было нужно! Битый час мы добирались обратно. Проехав, как нам сказал тот парень у развилки, мы поехали по дороге до деревни. По пути нас остановил один солдат.

– Я бы не советовал вам заезжать в деревню на такой машине, – сказал он нам. – Она красная, и этот цвет всегда притягивает к себе внимание, и лётчики, подвергающие деревню бомбардировку, не исключение.

– Кроме того, что предписано нам Господом, с нами ничего не случится, но спасибо за совет, – сказал я, и поехал дальше.

– Нет, ты только представь себе, – обратившись к Гуламу Резе, возмущался я, – Эти жулики отвели нас на край света только для того, чтобы мы прокатили их с ветерком туда, куда им нужно было! Это насколько надо быть эгоистами и безответственными людьми!

Когда мы прибыли в деревню, как раз было время дневной молитвы. На бомбардировку никакого намёка даже не было. Совершив омовение вместе с остальными солдатами, мы встали на молитву. После молитвы перед нами встал один шейх и начал говорить о достоинстве джихада и мученической гибели во время его совершения.

– Если вы сражаетесь во имя Бога, – говорил он, – и находитесь на Его пути, то не допускайте упущений в своей работе и не пытайтесь увильнуть от своей ответственности. Не обманывайте самих себя, ведь Тот, ради Кого вы совершаете джихад, прекрасно видит как вас, так и ваши сердца.

Его слова мне показались весьма интересными. Я тут же вспомнил тех двух солдат, которые своим обманом сделали наш путь на несколько часов дольше. Времени у нас было немного. Надо было ехать и разгружать всё, что мы привезли, после чего меня ожидали долгие дни за ремонтом разбитых машин. Очень хотелось кушать, а обедом даже не пахло. Кто-то принёс сухой хлеб.

– Осколки пришли! – сказал кто-то.

Я уже на автомате поджал голову, чтобы не словить осколков, но, посмотрев на окружающих, которые вообще никак на это не реагировали, понял,

что «осколками» здесь называют сухой хлеб. Я спросил у первого попавшегося мне человека о том, почему они его так называют.

– Дело в том, – с улыбкой объяснял он, – что он настолько твёрдый и сухой, что если кинуть его в кого-нибудь, то человек получит ранение.

Посередине также поставили несколько кувшинов с водой. Солдаты макали этот хлеб в воду и кушали его. Я тоже попробовал их паёк. Если говорить начистоту, то это было очень вкусно! Или, быть может, всё дело в атмосфере, и именно здесь и сейчас он мне кажется таким изысканным? Ведь если бы я был у себя дома, то даже не притронулся бы к сухому хлебу. Вдруг я вспоминаю свою жену, и то, какая она у меня замечательная кухарка. Иногда, когда я начинал привередничать, она говорила мне: «Если человек по-настоящему голоден, то он будет есть и камни». Да, она была как нельзя права. Прямо как в воду глядела. Из-за того, что нашего сухого хлеба не было столько, чтобы все могли наесться, даже можно сказать, что его было очень мало, он казался ещё вкуснее. Несколько солдат вообще ничего не получили. Другой молодой парень, на лице у которого ещё не появилась растительность, принёс коробку с кексами. Он ещё не успел обойти всех, как взял и споткнулся, выронив коробку, из которой покатились кексы, перемешиваясь с изрядным количеством песка и пыли. Вы думаете, что это досадное обстоятельство остановило солдат? Они поднимали их с земли и, сдунув всё лишнее, с упоением поглощали их. Мне тоже достался один из этих пыльных кексов.

Когда наше пиршество закончилось, солдаты выгрузили наш грузовик. Мне ещё предстояло вернуться в гарнизон Вахдати, чтобы забрать другой груз и доставить его в другое место. Ребята посоветовали мне не ехать куда попало, потому как я могу попасть под обстрел или бомбёжку. Им я сказал, что так тому и быть, а про себя подумал – раз уж я здесь и приехал для этого, то сделаю то, зачем приехал. Я двинулся в сторону гарнизона Вахдати. Как только я приехал, для меня тут же организовали обед. На обед был варёный рис с чечевицей. Некоторые ребята, которые также, как и я, только пришли для обеда, были явно недовольны сегодняшним меню.

– Опять эта дробовая еда! – возмущались они.

Странные люди. Мне кажется, или они просят у Бога о том, чтобы он сохранил их зубы целыми во время еды? На этот раз я не стал спрашивать о причине столь экзотического названия пищи, а решил подождать, пока вопрос прояснится сам по себе. Через минуту уже несколько человек

вытащили из своих порций чёрные камешки.

– Не зря ведь её называют дробовой едой, – заметил кто-то. – Если не найдёшь осколок, то камешек ты точно найдёшь.

Приняв груз, я поехал обратно в Ахваз. Вместе с сыновьями мы отправились в дом Абдехандэ, где и остались на ночь. Хусейну было очень весело. С Абдехандэ он вконец разыгрался, а после игр с интересом начал слушать его истории о войне. Такое чувство, что они уже давно знают друг друга. Абдехандэ попросил меня остаться в своём гарнизоне и заняться починкой машин, а развоз груза перепоручить кому-нибудь другому. Я так и сделал, и уже на следующий день отправился в ремонтную мастерскую.

Ранее мною было принято решение о том, что я буду находиться там, где я нужен, и делать то, что от меня требуется, даже если надо будет идти на передовую, о чём и сообщил своему другу Абдехандэ. Не прошло и двух минут, как он подозвал меня к себе.

– Хадж Багери, не хочешь ли ты поехать вместе с нами в Джазират аль-Маджнун?¹⁰ – спросил он. – Там есть несколько вышедших из строя машин. Было бы неплохо, если бы ты взглянул на них.

Я сразу же согласился. Сначала мы ехали на машине, после этого пересели на вертолёт. Все сели, кроме Муджтабы. Он почему-то стоял снаружи и не заходил в вертолёт.

– Муджтаба, а ну беги сюда! – крикнул я ему. – Что ты там стоишь?

– Я боюсь, – сделав несколько шагов назад, выдал он. – Нет, я не хочу туда лететь. Джазират аль-Маджнун – это ведь рассадник врагов!

– Если уж говорить о страхе, – сказал я ему, – то я боюсь намного больше тебя! Давай уже, иди сюда! Страх твой сразу же пройдёт.

Но он не шёл к нам, а лишь пятился. В конце концов мы полетели без него. Земля на Джазират аль-Маджнун была как будто вся жжёная, по крайней мере, цвет у неё был такой же. Прямо на земле лежало множество трупов.

– В такой обстановке и с ума не долго сойти, – заметил Басаири. – Боже, сколько же здесь трупов!

Я, Абдехандэ, Басаири и ещё несколько человек проходим мимо грузовика, полного трупами иракцев. Они лежали пластами друг на друге, с открытыми ртами, висящими или вообще отсутствующими глазами, разорванными или оторванными руками и ногами, обезображенными пулевыми и осколочными ранениями. Кровь стекала на землю, и смрад-

¹⁰ «Джазират аль-Маджнун» – это территория, находящаяся в окрестностях иракского города Басра. Во время ирано-иракской войны данная территория подвергалась химическим атакам с иракской стороны.

ный запах, что исходил от неё, заставил бы любого человека убежать куда подальше. Мы тоже не стали задерживаться у него.

Среди того, что надо было починить, был один подъёмный кран. Вместе с Басаири мы пытались разобраться, что с ним не так. Как бы мы ни старались, но мы не смогли сделать так, чтобы он включился. Прилично проворовившись с ним, я со злостью ударил по нему ногой.

– Разберите его по частям и отправьте к нам в тыл, в Ахваз, – сказал я.

– На другом конце есть ещё несколько машин, – сказал один из местных, – в том числе и один десятитонный грузовик, и их тоже надо доставить в тыл и починить. Проблема только в том, что просто так туда попасть не получится. Если попытаться их привезти на лодках, то с вероятностью в 99% из ста можно попасть в плен.

– Об этом даже не говори, – сказал я. – Последнее, чего мне хотелось бы, это попасть в плен. Так, что нам делать? Как доставить его в тыл? Наземная дорога здесь ведь не проходит.

– Единственным способом является доставка вертолётом, – сказал кто-то из них.

Я посмотрел на своих спутников – Хусейна Хамраза, Билали и Абдехандэ.

– Думаю, что с этим справимся мы с Асгаром и Хусейном Хамразом. В конце концов, надо же его доставить в тыл.

Мы опять сели в вертолёт и полетели в другой конец острова. Пока мы летели, враг открыл огонь из катюши.

– Вот мы и на передовой, – заметил Хусейн Хамраз.

Только заслышиав это слово, я почему-то обрадовался. Наконец-то, я своими глазами увидел эту пресловутую передовую линию. Радость моя была не без тревоги. В конце концов, ведь если нас убьют или пленят, то что будет с теми машинами, которые мы должны починить? По-моему, мы даже проехали немного дальше передовой. Звуки тут были совершенно разные – взрывы, стрельба, стоны, крики, рычания, завывания.

– Мы ведь не договаривались, что мы прибудем на передовую линию, а потом пересечём её и будем находиться в самом сердце вражеских войск!

– сказал я Абдехандэ. – Как в таких условиях можно что-то чинить? Нет, не думаю, что это хорошо закончится. Давайте вернёмся назад.

– Неужели мы проделали весь этот путь лишь за тем, чтобы опять вернуться? – резонно спросил он.

С ним нельзя было не согласиться. Это было бы как-то глупо. Согласие своё я выразил молчанием, и мы продолжили свой путь. С собой мы взяли

запасной ремень, диск сцепления и колесо, и тронулись в путь, туда, по другую сторону островка, где, перевернувшись, лежал десятитонный грузовик. Уже давно стемнело, и, посмотрев в небо, глаз ничего не видел, за исключением кромешной тьмы. Не было видно даже одной единственной звезды. Земля была жжёная, или же ещё горела. Через какое-то время наступила полная тишина, как будто вдруг неожиданно было достигнуто соглашение о прекращении огня, которое стороны тут же решили реализовать. В этой темноте было сложно даже просто находиться. Как бы широко я не раскрывал глаза, всё равно не мог ничего толком увидеть и различить. Душа, тем временем, терзалась сомнениями. «Аббас Али, – говорил я сам с собой. – что ты тут вообще забыл? Как было бы хорошо, если бы ты и вовсе не соглашался на эту поездку. Но ещё не поздно схватиться за ум и унести отсюда ноги. Вперёд!». За или против, польза или вред – как же я устал от всех этих раздумий.

Вертолёт летел всё дальше. Наконец, благодаря правильным и чётким указаниям Абдехандэ мы прибыли к этому грузовику, который, перевернувшись набок, лежал в воде. Асгар и Хусейн Хамраз начали привязывать трос со стороны пассажирского сидения.

– Привязывайте со стороны водительского! – крикнул я им.

Пусть и с неимоверным трудом, но нам всё же удалось вытащить его из воды и доставить назад. Когда я вновь вступил на твёрдую землю, то не мог поверить в то, что остался в живых.

– Действительно, какие же смелые у нас солдаты, – обращаясь к Абдехандэ, заметил я. – Простольвы, ей-богу!

Абдехандэ ничего не ответил, лишь своим видом продемонстрировал своё согласие. Пусть я и пережил одно из самых опасных предприятий в своей жизни, всё же отдохать было ещё нельзя. Солнце ещё толком ничего не успело осветить, как мы уже принялись за ремонт и сварку машин.

Этот кошмарный день так и прошёл в поте лица, и наступил следующий. Вместе со своими друзьями мы работали от рассвета до двенадцати ночи.

Вместе с Асгаром Басаири мы только прибыли в Ахваз. Чтобы доставить некоторые вещи на передовую, мы с ним пошли в пункт транспортной доставки. Там стояло много машин, но я ведь знаю, что сейчас очень сложно найти кого-либо, кто занялся бы доставкой. То есть, это как получается? Неужели никто не выдаёт эти машины в аренду? Иначе откуда такой дефицит транспорта?

– Во всех ремонтных мастерских я искал того, кто доставит наш груз, – обратившись к Асгару, недовольно сказал я, – и все они говорили, что машин нет. Здесь ведь не меньше сотни машин стоят без дела!

К тому моменту как раз подоспел и сам Абдехандэ. Он всегда умел сказать что-то утешительное, или просто успокоить, и поэтому я выразил своё недовольство и ему.

– Командир, что тут происходит? – возмущённо спросил я. – Мне надо доставить груз, а здесь вообще ни души!

– Деятельность пятой колонны, как видишь, очень сильна, – сказал он. – Из-за их пропаганды все просто перепуганы и боятся высунуться. Они передавали, что атакуют любой грузовой транспорт, который только увидят, а до этого выстрелят водителю такового прямо в лоб. Водители – это ведь обычные люди, которые тоже боятся за свои жизни. Что с них взять?

– Но так ведь нельзя! – продолжал я возмущаться. – Солдаты ведь ждут доставки провизии и припасов! Мы ведь не можем тащить всё это на своём горбу! Все водители умерли что ли? Куда они подевались? Нет, я сам возьму одну из этих машин и поеду на передовую.

Окидывая злобным взглядом все эти машины, я понимаю, что они должны быть закрыты на ключ.

– Вскрой одну из них выстрелом по замку, – предложил Абдехандэ, и езжай на ней.

– Нет, так не пойдёт. Нам потом надо будет два дня потратить на то, чтобы исправить этот дефект, – сказал я.

Вдруг я заметил один грузовик, стекло которого было приоткрыто. «Ну, Аббас Али, настало время стать тебе Али-Бабой!» – подумал я. Ловко просунув руку в отверстие, я достал до ручки двери и открыл её. Быстро оголив нужные провода в зажигании, я сцепил их. Двигатель заработал! Радуясь своей победе, я начал сигнализировать. Через несколько секунд сзади послышались чьи-то крики, которые, судя по всему, принадлежали водителю этой машины.

– Брат, не трогай машину! – кричал он. – Ты совсем испортишь её!

– Где ты был всё это время?! – кричал я в ответ. – По поводу машины не переживай – я сам её отремонтирую.

Наконец, он добежал до грузовика и, запыхавшийся, предстал передо мной. О, как я был зол на него! Но волю чувствам я не давал и держал себя под контролем. Вслед за ним пришёл и Абдехандэ.

– Как у тебя получилось открыть машину? – с удивлением спросил он.

– Скажу лишь то, что за свою жизнь я потратил немало времени, чтобы научиться этому, – ответил я.

Тут мне вспомнились слова отца, переданные мне мамой, которые она не раз повторяла: «Этот мальчик должен работать с самого детства. В будущем он обязательно должен совершить великие дела!».

В конце концов всё закончилось тем, что мы заставили этого водителя поехать на фронт, как бы ему страшно ни было.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я пишу в своей записной книжке: «Это уже четвёртый раз, когда я собираю и отправляю добровольческий отряд на фронт», после чего закрываю её. Ко мне в гараж зашёл Хусейн Хоррами.

– На фронте нет тех инструментов, которые нам понадобятся, – уже разобщавшись с ним, сказал я ему. – Каждый раз, когда что-то нужно, просить это, а потом ждать их ответа, и в конечном счёте выяснить, что либо у них этого инструмента нет в наличии, либо надо ждать непонятно сколько времени, пока кто-то там даст на то своё согласие... Нет, так дело не пойдёт. Надо воспользоваться помощью людей и купить на неё необходимый инструмент, который мы и повезём вместе с собой.

Хусейн сложил свои чётки, которые он всё это время перебирал, и положил их в карман.

– Что конкретно тебе там нужно? – спросил он.

– В первую очередь, нам нужен компрессор, пусть и не новый, – начал я перечислять. Затем – баллон для газосварки, мелкий инструмент, разводной гаечный ключ, отвёртки, ну и всё прочее. Иногда ведь бывает и такое, что не достаёт одной единственной гайки, и она в этот момент решает всё. Люди вообще не поверили, если бы знали, в какой нужде находится наша армия.

Я попросил его сходить со мной в офис, чтобы вместе поговорить с ними, но он не согласился. Когда наступил вечер, я отправился в мечеть. Я выступил перед прихожанами и рассказал им о том, в каком тяжёлом положении находится наша армия. Тогда удалось собрать хоть какую-то финансовую помощь.

Через два дня Хадж Хусейн всё же вернулся. С собой он принёс компрессор и другие инструменты, и положил всё это перед дверью моего гаража. О, как он меня обрадовал и какую даровал надежду! Со всеми этими вещами можно было решить на фронте множество проблем. Я погрузил всё это в машину, а на компрессоре написал: «Народная помощь». Из своего гаража я также забрал и другой необходимый инструмент. Собранный мною добровольческий отряд тоже был готов и только ждал команды, чтобы выдвинуться. Я пошёл в штаб тылового обеспечения и заявил им об этом.

– Отправляйтесь в Сарпол-е Захаб, – сказал мне Хадж Гулам Али Джалализадэ.

– Зачем нам ехать в Сарпол-е Захаб? – с удивлением спросил я. – У нас ведь отряд автомехаников. Я там был, и прекрасно знаю, что в нас там как таковой нужды нет, равно как и условий для ремонтирования машин.

– Господин Багери, работа есть работа, – философски заметил мой собеседник. – Нет ведь никакой разницы, где конкретно она проделывается.

– В принципе, для нас место не имеет никакого значения, – примирительно сказал я. – Для меня лично разницы никакой нет, ехать в Ахваз, или в Сарпол-е Захаб. Если Вы говорите, что там мы можем быть полезными, то так тому и быть – мы поедем туда.

После этого я сразу вытащил все инструменты из своего грузовика. Всё-таки Сарпол-е Захаб – это не то место, куда стоило бы ехать на нём.

На следующее утро мы всей группой сели на автобус и отправились ближе к местам боевых действий. Ребята начали переживать за то, что толку от этой поездки на запад будет мало, а тратить напрасно своё время и формально делать вид, что они полезны, никому не хотелось. Все всё время говорили о юге, что основные действия происходят именно там, и поэтому сложилось мнение о том, что если и ехать куда-то, то только туда. Вот мы и добрались до Сарпол-е Захаба и зашли в офис штаба. Я представил себя и своих спутников.

– Нам не нужны рабочие отряды, – сказал их чиновник, – ни сварщики, ни мотористы, ни кто-то другой. Обратитесь в другую организацию. Быть может там ваши услуги будут востребованы.

Делать было нечего, и мы, опустив головы, отправились по адресу, который он нам дал. Как ни странно, там нам сказали то же самое, что и в штабном офисе. Я решил позвонить Хадж Джалализадэ. На другом конце трубки лишь сказали, что он отлучился на молитву. О, как же я был зол на него! В голове у меня возникали тысячи вариантов того, как я буду на нём отрываться. Я ведь предупреждал его! Немного подождав, я опять набрал ему.

– Куда бы мы ни пошли, нам говорят, что им не нужны никакие добровольческие силы! – возмущался я ему. – Как такое может быть? Разве у Вас не было запросов о том, что помочь нужна? Если нет, то как можно было нас сюда посыпать? А если да, то почему сейчас они говорят совершенно иное? И раз уж мы приехали, и все профессионалы своего дела, как они могут просто отказываться от нас и говорить, что мы здесь не нужны?

– А ну-ка, дай трубку одному из уполномоченных! – со злостью выпалил он.

Я так и сделал – отдал трубку со злым Джалализадэ. Его гневный крик из трубки был слышен даже мне. Через несколько минут человек вернул мне телефонную трубку.

– Так тому и быть – отправляйтесь в Ахваз, – сказал он мне.

– Ребята, мы едем в Ахваз, – повернувшись к своему отряду, сказал я.

В конце концов мы добрались и до Ахваза. Встретив там своего друга Абдехандэ, я рассказал ему о том, что с нами приключилось.

– На пожертвованные людьми деньги мы приобрели компрессор и другие необходимые в ремонте машин инструменты, – рассказывал я ему, – но нас направили в Сарпол-е Захаб, и по причине того, что у меня на грузовике не было номеров, мне пришлось оставить его. Может подскажешь, как было бы лучше его привезти сюда? Или просто выпиши мне приказ о том, чтобы я мог вернуться и сам привезти его.

Абдехандэ сразу же выписал мне таковой, и первым поездом отправился обратно в Тегеран. Вернувшись в свой гараж, я забрал компрессор. В обратный путь в Ахваз со мною поехали Реза Фахери, который работал фрезеровщиком, Мухаммад Фахери, мой племянник Хусейн и младший сын, тоже Хусейн. Сын тоже работал, а иногда, к месту оно было, или нет, о чём-то разговаривал с солдатами. Там мы находились и работали в течение двадцати дней. Надо сказать, что компрессор сильно помог нам, и благодаря ему результат наш был куда как больше, чем мог быть без него.

Время уже близилось к осени, но южное небо по-прежнему пекло. Я как раз занимался тем, что менял кабину одного микроавтобуса, и этот процесс согнал с меня много пота. Хусейн тоже всё это время находился рядом и помогал мне. Он уже научился многому и мог работать самостоятельно. Рядом с ним были два стекольщика, которых я привёз из Тегерана. Они о чём-то шутили и вместе сменялись. Хусейн смотрел на них недовольным взглядом. Ему только исполнилось тринадцать лет, но вёл он себя как зрелый мужчина. Надо сказать, шутили ребята весьма хорошо, и я не мог не смеяться вместе с ними. Вдруг Хусейн оставил свою работу и покинул нас. Судя по всему, таким образом он решил выразить протест против наших забав. Его поведение понемногу начало беспокоить меня. Он ведь всегда был очень игривым – сам любил посмеяться, и других посмешить, но теперь он в корне изменился. С тех самых пор, как он впервые прибыл на фронт, с ним начали происходить эти изменения, и иногда он выдавал такое, что мы с женой просто оставались с открытыми

ртами. Когда в Тегеране наши родственники и близкие устраивали какой-нибудь праздник в честь свадьбы или ещё чего, то он не приходил на него, и причины я просто не мог понять. С родственниками он тоже общался мало, читал много. Когда он читал Коран, то плакал. Однажды, когда я увидел, как он в очередной раз читает Коран и плачет, то спросил: разве чтение Корана предполагает плач? Он ничего не сказал в ответ. Будто в один момент я перестал быть ему родственником. Когда мы с ребятами, будучи на фронте, садимся в круг и начинаем общаться и шутить, Хусейн садится где-нибудь в стороне и смотрит на солдат, которые ходят туда-сюда, читая тем временем какую-то молитву. Из этих раздумий я вышел тогда, когда эти двое, ещё совсем недавно шутившие вместе, подняли шум. Вслушавшись, я понял, что они, из-за чего-то повздорив, уже перешли на оскорблений. Хуже уже и представить было нельзя, и я должен был вмешаться. Дошло до того, что один из них обиделся, и начал собирать свои вещи, чтобы уехать. Я попросил обоих немного помолчать и послушать меня, и тем временем аккуратно забрал сумку того, кто начал собираться к отъезду.

– Только этого не хватало мне, – возмущался я, – чтобы тут начали говорить, что люди Аббаса-Али драчуны, которые, оставив работу на полпути, уезжают обратно! Куда ты собрался?

Что бы я ни говорил, он был неумолим, и когда я это понял, то решил действовать более кардинальным образом.

– Пока эти пятьдесят повреждённых машин не будут отремонтированы, – во весь свой могучий голос объявил я, – никто не имеет права возвращаться в Тегеран! Я был на передовой линии и прекрасно знаю, что там творится. Также я бывал в только что освобождённых городах, и знаю, чем промышляют враги на захваченных территориях, и что они делают с обычными людьми. Чьи-то дети умирают там, на передовой линии, и результатами их смерти пользуемся мы все. Для того ли они жертвуют собою, чтобы вы стояли тут и шутки свои шутили, а потом ещё и устроили выяснение отношений, после чего бросили недоделанной свою работу? У вас вообще есть чувство стыда?

Как я и ожидал, после этой эмоциональной тирады оба успокоились, помирились и продолжили свою работу. Хусейн тоже вернулся и включился в работу. Про себя же я думал о том, какой всё-таки этот парень молодец, что почувствовал, чем закончатся эти глупые шутки, и держался от них в стороне. Хусейн подошёл ко мне.

– Я хочу пойти на передовую, – заявил он мне.

Первое, что я заметил, когда взглянул на него – а ведь даже усы у тебя ещё толком не растут. Но взглянув в его глаза, я увидел глубокий огонь сильно-го духа, в котором сам я особо не разбираюсь.

– То есть, ты серьёзно? Прямо так, сразу на передовую линию?

– Да, отец, – ответил он. Я вправду очень хочу поехать туда.

– Сынок, родной мой, то, чем ты сейчас занимаешься, если и не имеет большего значения, чем сражение, то точно не меньше него.

Он посмотрел на меня взглядом, в котором было полно стыда, робости и угнетённости. Я даже не знал, что уже говорить, как отказать.

– Хорошо, – в конце концов, сказал я, – закончи свою работу здесь, и когда мы возвратимся в Тегеран, возьми у своей матери разрешение. Скоро уже начнётся новый учебный год. Что собираешься делать со школой?

Он был настолько счастлив, что можно было подумать, что я подарил ему весь мир. Улыбка, которая образовалась на его лице, ещё долго не покидала его. Он так ничего и не сказал, а просто пошёл продолжить делать то, что делал до этого разговора. Мне и самому надо было поехать в Тегеран, чтобы купить кое-что для работы.

Прошло две недели, а вместе с ними и срок нашего пребывания в Ахвазе. Вместе со своей командой мы вернулись в Тегеран. Первое, что Хусейн сказал своей матери после приветствия, было то, что он хочет записаться в добровольцы и поехать на фронт.

– Ты ведь только вернулся оттуда, – с удивлением заметила она. – Подожди уж хотя бы, пока пот не высохнет, а там будет видно.

– Нет, мама, ты не поняла, – сказал он. – Я хочу поехать на передовую линию.

– Нет, – тут же отрезала жена, – на это я ни за что не соглашусь, я против. Через несколько дней откроются школы, и ты должен учиться. Если война продлится ещё до следующего лета, то можешь отправиться на фронт со своим отцом.

Хусейн с надеждой взглянул на меня.

– Ты же знаешь, – сказал я ему, – что в таких вопросах я ничего не решаю, так что на меня не смотри.

Я только что вернулся с фронта. Одежда была вся грязная, а за три недели, что мы проработали там, мне лишь один раз удалось искупаться. По взгляду жены было видно, что она только сейчас увидела, насколько

одежда на мне была грязной.

– Искупайся и поменяй одежду, ее давно пора постирать, – сказала она.

Следом она налила мне чай.

– Работы было очень много, – оправдывался я за столь безобразно грязную одежду. – Наши силы проводили боевые операции, и во время их исполнения помимо прочего пострадало много машин. Все эти двадцать дней мы спали по два или три часа в сутки, не более того. Надо было сделать всю работу. И ты представь – работа ведь всё время на ногах. Нет, без божественного вмешательства здесь точно не обошлось.

Она, глядя на меня, лишь улыбалась, а я принялся пить чай, даже не садясь.

– На чём вы остановились с Хусейном? – спросил я её. – Вам удалось найти компромисс?

– У него ведь школа, – ответила она, – да и мал он ещё совсем. Я не смогу отпустить его на войну. Он ведь совсем дитя.

– О чём ты говоришь, дорогая? – встал я на защиту сына. – Ты не смотри на его возраст. В свои юные годы душой он уже стал зрелым мужчиной. Два года он всё пытается так или иначе убедить тебя в том, чтобы ты его отпустила туда. Прошу тебя, позволь этому ребёнку с большим сердцем отправиться на фронт. Кстати, где дети?

– Дети со вчерашней ночи находятся в гостях у дедушки. Хусейн уже около месяца помогает мне во всём – подметает дом, сам выносит мусор, покупает всё необходимое, да и в школе у него всё хорошо. Я-то знаю, что всё это для того, чтобы я дала разрешение, но я правда не могу, не могу позволить ему поехать туда! В том случае, если я дам согласие, что я буду делать в том случае, если его пленят или ранят? Я ведь не выдержу этого.

– Да не переживай ты, – прислонив голову к стене, сказал я. – Даже если он и поедет, то вернётся, целым и невредимым. А пока дай мне какой-нибудь кусок ткани, чтобы подстелить под себя. Я немного посижу, а потом пойду в душ.

Она принесла старую занавеску и расстелила её рядом со стеной.

– Да, думаю, ты прав, – согласилась она. – Даже если я и дам своё разрешение, то на фронте с ним ведь ничего не случится, правда? Наши дети, слава Богу, похожи на отца. Помнишь, когда он был совсем маленьким? Ему было всего пять месяцев, когда заболел столбняком. Помнишь, как он стал весь как камень из-за судорог? Мы с тобой, испугавшись, повели его в больницу, а доктор возмущался: «Что же, вы привели его ко мне на

осмотр, когда он уже умер? Как вы вообще додумались сделать ему обрезание дома?».

Вспоминая этот случай, когда мы уже думали, что потеряли его, мы оба смеялись. Так ведь бывает всегда – если угроза миновала человека, то вспоминает он об этом с улыбкой.

– Время уже почти час. Их школа закончилась, и он, должно быть, на пути домой.

Через несколько минут в дом зашёл Хусейн. Я тут же обнял его и поцеловал в лоб. Лицо его так и сияло светом веры.

– Твоя мать сильно хвалила тебя, – сказал я ему. – Говорит, что ты уже стал великим человеком.

Он положил свой портфель и пошёл мыть руки. Вернувшись, он взял грязный стакан, который лежал передо мной, и отнёс его на кухню, чтобы помыть.

– Я лишь делаю то, что должен, – наконец, отреагировал он.

– То есть, если кто угодно будет помогать своей матери, то его лицо станет таким же лучезарным, как у тебя? – спросил я.

Наш с ним разговор слышала жена, и, судя по всему, он её рассмешил.

– С тех пор, как Хусейн начал мне помогать, дел у меня стало намного меньше, – с улыбкой смотря на сына, сказала она. – Я даже успеваю стабильно посещать уроки Корана.

– Мама, – сказал Хусейн, – я очень люблю тебя, и тот факт, что это облегчает тебе жизнь, был бы для меня вполне достаточен. Но ты ведь знаешь, что я также хочу твоего согласия. Так, дашь ли ты его?

Жена подняла крышку от сковородки, и особый аромат иранского риса распространился по всей комнате.

– Дай я ещё немного подумаю, сынок, – ответила она. – Если я тебя отпущу, то кто же будет мне помогать?

Хусейн тем временем расставлял посуду на столе.

– Я даю тебе слово, что, когда вернусь с фронта, буду работать. Даю слово мужчины. До того, как отправиться на фронт, мне надо будет ещё пройти месячное обучение в Кередже.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Два-три месяца прошли вообще незаметно. Вот, я уже сижу на стуле в штабе и составляю список того, что может пригодиться на фронте. Думаю взять хотя бы самое необходимое, пусть и на собственные деньги, ну а если получится, то и всё, что попадёт в этот список. Услышав шум капель дождя, стучащих по окну, я отложил лист и подошёл к нему. Прямо из него можно было увидеть мой гараж. Перед ним стояло множество машин, которые люди привезли, чтобы я их починил. В одном углу я поставил несколько грузовиков и микроавтобусов, которые собирался отвезти на фронт. Окно начало потеть от моего дыхания, и я протёр его ладонью. Вот, на улице показался и Хусейн. Он был одет в бежевую куртку с капюшоном, которую носили солдаты. Когда он зашёл, с его куртки ещё капала вода.

– Носи на здоровье, Хусейн, – сказал я ему. – Куртку тебе выдали, как я понимаю. То есть, ты уже едешь воевать. Так получается?

– Да, отец, – ответил он, – с вашего с мамой разрешения.

– Молодец, сын, ты смелый человек. Иди же сюда, ближе к обогревателю, а то ещё простудишься. Так, когда тебя призывают?

– Сегодня же, – ища места, куда можно было бы сесть поближе к обогревателю, ответил он. – С мамой я уже попрощался. Вот, пришёл, чтобы проститься и с тобой. Вчера ведь тебя не было дома.

– Да, уже несколько дней вся моя головная боль – это подготовка к предстоящей поездке, – объяснился я. – Я опять собираю новую команду. Когда ты вернёшься, сын?

– Я не могу точно сказать, – пожал он плечами. – Богу оно известно лучше. Однако же я постараюсь приехать при первой возможности.

Мы с ним рас прощались, и мой Хусейн отправился на передовую.

Через какое-то время я тоже вышел, чтобы подготовить кое-что из того, что я записал в своём списке. Погода хорошо отражала то, что у меня было на душе – небо было полностью затянуто серыми тучами и орошало землю обильным дождём. Дождь лил так сильно, что, если бы дворники остановились бы хоть на секунду, то я не смог бы разглядеть то, что было передо мной. Я начал смотреть по сторонам – улицы были пусты. Услышав раздавшийся взрыв бомбы, я понимаю, что саддамовцы опять принялись за бомбардировки. Взрыв произошёл не так далеко, но теперь меня это ничуть не пугает и не бросает в дрожь. Сразу в голове возникли виденные на фронте образы, которые столь сильно запечатлелись. Ракеты, взрывы,

убийства. Я прибыл до места своего назначения. Неожиданно для себя я вижу Хусейна вместе с двумя другими молодыми добровольцами. Они стояли с протянутой рукой и пытались поймать такси. Подъехав к ним, я остановился прямо перед ними. Все трое сели в машину.

– Хусейн, сынок, не надо туда ехать, – повернувшись к нему, сказал я.

– Не переживай, отец, – примирительно сказал он, – ничего страшного не случится.

Взглянув на его спутников, я увидел, что они ничуть не старше моего сына, если только не младше него. Я пытался сказать что-нибудь остроумное и рассмешить их, но они явно не были настроены на то, чтобы смеяться.

Как будто они были уверены в том, что смерть их близка и неминуема, и они должны подготовиться к ней должным образом. Кто знает, может, они уже мертвые для этого мира, а я об этом просто не знаю? Я привёз их, куда им было надо. Когда мы с Хусейном опять прощались, в его глазах была некая тайна, разгадать которую тогда мне не было суждено. Теперь я в полной мере испытал сожаление о том, что не выделил времени, чтобы посидеть и пообщаться с сыном наедине. В то время у меня было только три состояния – либо я призывал на фронт и собирал команду добровольцев для работы, либо сам находился там, либо занимался обеспечением того, что там необходимо.

Хусейн ушёл, и сердце моё он унёс с собой.

Через несколько дней Абдехандэ, который на тот момент находился в Тегеране, связался со мной и попросил о том, чтобы я опять приехал к ним и взглянул на несколько машин, нуждающихся в ремонте.

– Командир, твоё слово для меня закон, – ответил я. – Я приеду вместе с Муджтабой Хакбазом.

Муджтаба, как только узнал об этом, начал на скорую руку готовиться к поездке.

Пока я занимался ремонтом тех машин, что привезли мне с фронта для ремонта, мне позвонил Азарафшар.

– Есть две машины скорой помощи, которые надо будет отправить в Дизфуль, – сообщил он. – Сулеймиан и Абдехандэ как раз должны ехать туда. Вы тоже езжайте с ними. Заодно будет и подстраховка от того, чтобы кто-нибудь из них не уснул за рулём.

Я сообщил об этом Хакбазу, но мы решили поехать раздельно – я и Муджтаба в одной машине скорой помощи, а Сулеймиан и Абдехандэ в другой.

- Если с вами что-нибудь случится, то так и знай, что это ты виноват, – заявил мне Азарафшар, – и значит отвечать за это должен будешь ты.
- Если саддамовцы нападут на нас и убьют, тоже я буду виноват? – возмутился я.

Наконец, мы выехали в сторону Дизфуля.

Мы заехали в город во время утренней молитвы, совершив которую мы сразу же сдали эти две машины скорой помощи. После этого мы сразу поехали в мастерскую, где нам предстояло работать. После этого Абдехандэ уехал. Почти сразу же после этого ко мне подошёл какой-то молодой человек.

- Меня зовут Джукар, – представился он. – Мы родственники с Абдехандэ – его сестра замужем за меня. Отдыхать вы можете здесь, – указал он на помещение внутри мастерской, – и машины, с которыми придётся работать, будут тут же под рукой. Работу можете начинать, когда станет достаточно светло.

Было холодно, из-за чего спать не хотелось совершенно. В положенное время мы вышли из своего контейнера, чтобы начать работать. Когда солнце немного согрело землю, мы вышли из мастерской на улицу. Тут же подоспел Джукар.

- Приходите вечером ко мне, – пригласил он меня. – Угостим чем богаты.
- Мне придётся отказаться, – ответил я. – Думаю, будет лучше, если я останусь со своими людьми.
- Ну, вы зайдите хотя бы для того, чтобы взглянуть на мастерство Хусейна, – начал он настаивать.

– Хусейн у вас? – только заслышив имя своего сына, спросил я.

– Был какое-то время, – ответил он с тем же хладнокровием, свойственным южанам. – Он привёл в порядок наш маленький сад перед домом, после чего ушёл. Они сейчас ожидают начала боевых действий.

Эта новость меня обрадовала, и в тот же вечер, после работы, я отправился в его дом, который находился в Дизфуле. Почти сразу же мы с Джукаром пошли смотреть на сад. Он выглядел очень аккуратно. Сразу видно – работа Хусейна.

- Ты видишь, насколько он хорош? – спросил Джукар.
- Посреди сада очень удачно расположилась одна пальма. Вокруг неё были короткие деревца, цветущие ароматными соцветиями в начале весны.
- У тебя есть какие-нибудь новости о моём сыне? – спросил я его.
 - Да, – ответил он, – завтра мы поедем к ним. Они расположились позади

гарнизона Вахдати.

«О, Боже! Время до завтрашнего дня будет тянуться для меня так, как никогда ещё не тянулось!» – подумал я.

После тяжёлого ожидания это время всё же наступило. Мы поехали в гарнизон Вахдати вместе. Там мы попросили местных позвать Хусейна, что они быстренько сделали. Я завидел его издалека. Он шёл степенной и уверенной походкой. Дул приятный ветерок, который легонько разевал возвышающийся посреди площади гарнизона флаг. Во дворе так же был большой стенд, на котором висела фотография имама Хомейни. Хусейн на несколько секунд скрылся за этим стендом, после чего вновь показался. О, как же я был рад его видеть! Не будучи в состоянии терпеть дольше, я пошёл ему навстречу. Мы с ним крепко обнялись.

– Сын, как ты сюда попал? – спросил я его.

– Нас дислоцировали здесь для подготовки к боевой операции, – ответил он.

Я попросил его отпроситься сегодня на несколько часов, чтобы мы смогли вместе погулять по городу, но он сказал, что это невозможно, потому как они здесь на карантине.

– Ты же знаешь, что я в этих делах ничего не понимаю, – отмахнулся я. – Карантин – что это за слово такое?

– Это значит, – начал он объяснять, – что находимся в составе скрытых от врага сил. Недавно мы участвовали в операции "Кербела-4", но атака захлебнулась. Сейчас мы готовимся к следующей операции. Нам приказали находиться здесь, пока не дадут дальнейших распоряжений.

Я не дал ему договорить, и, погладив по голове, спросил:

– Тебе ничего не нужно? Смотри, если вдруг захочешь чего, то можешь попросить об этом у Джукара. Я скажу ему, чтобы он присматривал за тобой, а мы с ним потом как-нибудь рассчитаемся. Не хочешь вернуться? Уже ведь три месяца прошло, как ты уехал. Может этого достаточно? Мать очень сильно скучает по тебе и переживает.

– Нет, отец, мне ничего не нужно, – ответил он. – Здесь, на фронте, есть всё необходимое. К тому же, вот-вот должна начаться операция. Я никак не могу уехать на её кануне.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В дверь кто-то позвонил. На тот момент у нас в гостях был Хадж Хайдари. Мы только отужинали и убрали со стола. Не успел я встать, чтобы открыть дверь, как жена опередила меня. Она всё ждала новостей о Хусейне. Конечно, ещё больше она хотела бы увидеть его лично, но и вести о нём успокаивали её и согревали ей сердце. Что-то меня заставило в тот момент сразу же последовать за женой, чтобы разузнать, с какими новостями к нам пожаловали. У лестницы стоял какой-то молодой парень.

– Извините, у вас есть кто-нибудь по имени Хусейн? – спросил он.
– Да, – ответил я, – Хусейн – это наш сын. Он сейчас на фронте. А Вы кто?
– Я брат его друга, – ответил парень.
– От Хусейна есть какие-нибудь новости? – спросила жена.

Парень начал говорить что-то невнятное, из чего можно было понять только то, что он хочет поговорить с глазу на глаз с отцом.

Я спустился вниз, а жену отправил обратно в дом. Передо мной стоял молодой человек в военной форме бежевого цвета. Волосы на голове были коротко пострижены, а усы и борода – длинными.

– Я Вас слушаю, – сказал я.
– Вы Хадж Багери? – спросил он.

Я кивнул, давая понять, что именно так оно и есть. Вдруг обернувшись, я увидел, что жена до сих пор стоит у двери. Она просто не могла дотерпеть, пока я не зайду в дом и не расскажу ей, что к чему. Парень легонько потянул меня за руку, давая понять, что лучше выйти из дворика на улицу.

– Иди в дом, дорогая, – сказал я ей. – Я приду следом.

Пока мы шли, она ещё какое-то время провожала нас глазами полными тревоги.

Молодой человек отвёл меня к белой машине, которая была припаркована прямо под фонарным столбом, и предложил сесть в неё. Мы сели, но он не торопился начать говорить. Я ждал. Было сильное чувство тревоги, но я боялся сказать ему, чтобы он сказал, наконец, то, что собирался. Если честно, я хотел, чтобы он вообще ничего не говорил и не подтверждал моих догадок. В сердце почему-то был гнев. Я всё просил Бога о том, чтобы парень так и сидел, просто глядя на меня. Но это было невозможно – он ведь пришёл, чтобы сообщить о чём-то. Прошло уже несколько минут. По его взгляду было видно, что новость должна быть тяжёлой и неприятной. Вопрос был только в том, насколько тяжёлой она была.

Вот, он уже собрался говорить. Сердце моё начало бешено колотиться. Взгляд был прикован к его губам в ожидании того, когда они начнут двигаться, но как только он начал говорить, я закрыл его рот своею рукою.

– Погоди, – лишь сказал я ему.

Опять наступила тишина. Он просто смотрел на меня, но по нему и так всё было видно. Эти несколько минут молчания, на мой взгляд, тянулись как несколько лет.

– Я прибыл из мечети, – начал он.

– Так, – сквозь зубы процидил я.

– И пришёл к Вам... сказать о том, что... Ваш сын... пал... мучеником.

Он не успел договорить начатое, как мои глаза уже наполнились слезами.

Поняв, что мой Хусейн умер, я почти ничего не слышал и не видел.

– Его тело сейчас находится в здании судебно-медицинской экспертизы,

– продолжал он. – Приезжайте завтра, чтобы забрать его. Примите мои искренние соболезнования.

– Что я скажу его матери? – уже рыдая в голос, спросил я его.

Он начал маня успокаивать.

– Скажи хотя бы, как он погиб. Где это произошло? Когда? – начал я его допрашивать.

– Его близкие сказали мне, – начал он, – что случилось это во время исполнения операции "Кербела-5", в городе Шаламче. Наши запросили пулемётчика, и командир их отряда сказал Хусейну, чтобы он пошёл туда, откуда сделали запрос. Он тут же вышел из окопа, сказав своим друзьям лишь то, что он должен идти. Он переходил через канал, тогда как враг вёл огонь по этой позиции. Он успел убить несколько врагов, как прямо в голову ему попал осколок, и он тут же упал замертво, прямо в канал.

Он показал мне свидетельство о смерти Хусейна – в графе «возраст» было вписано число «16».

– Осталось ещё два месяца, чтобы моему сыну исполнилось полных пятнадцать лет, – плача, сказал я. – Почему здесь написали, что ему уже шестнадцать? Зачем надо было искажать эти данные?

Молодой человек стоял, молча, будто язык прикусил. Через какое-то время он, наконец, сказал:

– Вам будет легче, если вы сегодня скажете, что он отравился вследствие химической атаки, а завтра, когда приедете за его телом, уже раскроете всё, как есть.

Мы вышли из машины. Молодой человек проводил меня обратно до

дома. Когда я зашёл, то жена, вся взволнованная и перепуганная, сразу же подошла ко мне.

– Я выходила к двери, тебя там уже не было. Что случилось?

– Да, я просто сидел в машине одного знакомого, – пытался я отвести её внимание.

– И что же ты там делал? – спросила она.

Я не имел ни малейшего представления о том, что мне сказать ей. Все мысли и слова будто удалились из моей головы. Вдруг я вспоминаю, что работаю автомехаником.

– Ну, меня отвезли на машине, чтобы я посмотрел, как она ведёт себя на ходу, и определил, в чём неполадка, – наконец, нашёл я что сказать. – Иди и займись, лучше, своими родителями. Они ведь гости в нашем доме.

Видно было, как она хочет узнать, что сказал тот парень, но в этот момент она больше ничего не спросила. Я отправил её в комнату девочек, где так же находилась её мать. Тещь был в зале.

– Хайдари хочет позвонить загород, – сказал я жене, – а из дома сделать это у нас не получится. Мы пойдём в пункт связи.

Мы с ним вышли и сели на скамейке недалеко от нашего дома. Я рассказал ему о том, что мне сообщили относительно Хусейна. Тут я увидел жену, которая вышла из дома, и, увидев нас, пристально смотрела. Я и в этой темноте мог разглядеть, что она обижена моим поведением, ведь она понимала, что я от неё что-то скрываю. Самым разумным было сказать, что Хусейн ранен, чтобы хоть как-то подготовить её к тому, что она должна узнать в последующем. Я встал и направился к дому. Когда я зашёл в дом, то жена тут же поднялась на крышу, и я пошёл вслед за ней.

– Боже, дай мне терпения! – плакала, молилась она. – Дай мне выдержку! Сделай так, чтобы Хусейн не был ранен и не оказался в плену! Верни мне Хусейна живым и здоровым!

Я сел рядом с ней, и она тут же спросила меня о Хусейне.

– Жена, чем ты тут занимаешься? О чём причитаешь? С Хусейном всё в порядке. Этот парень, который пришёл к нам, это один из его боевых товарищ. Он пришёл, чтобы сказать, что Хусейн немного отравился из-за химической атаки саддамовцев, вот и вся история. Не надо накручивать себя понапрасну. Он сейчас находится в здании судебно-медицинской экспертизы. Я сейчас поеду на вокзал, чтобы посмотреть, есть ли места на автобус до Шаламче на завтра. Если да, то завтра же и поеду, чтобы навестить его.

По ней нельзя было сказать, что она поверила в то, что я сказал ей.

– Два дня назад я видела во сне, как твоя сестра сказала мне, что она в трауре из-за Хусейна. Я пошла к ней домой. Люди несли гробы погибших над своими головами. Один из гробов они положили прямо перед домом твоей сестры. Я открыла его, но не увидела в нём Хусейна. Во сне я начала переживать за то, что твой племянник Хусейн погиб. Когда я проснулась, то начала молиться за нашего Хусейна и своего племянника Хусейна, потому как не знала, кто из них должен стать мучеником на самом деле.

На глаза опять начали наворачиваться слёзы, которые просто душили меня.

– Да что ты такое говоришь? – пересилив себя, сказал я. – Никто не умер – ни сын, ни племянник. Ладно, я поеду с Хайдари в терминал, чтобы посмотреть билет до Шелемче. Ты только не переживай ни о чём.

Она, плача, начала просить о том, чтобы я купил ещё один билет для неё. Деваться было некуда, и я согласился, моля Бога о том, чтобы Он дал мне силы и стойкости в завтрашнем дне, когда скрывать смерть сына более будет нельзя.

Вместе с Хайдари мы ночью выехали в сторону Шаламче. Перед зданием была такая густая толпа, что невозможно было зайти внутрь. Женщины и мужчины, молодые и старые – все ждали, когда они смогут забрать тела своих погибших родственников. На одном конце один на другом лежали гробы с телами. Мы хотели подойти поближе к ним, но и это оказалось невозможно. Людей было слишком много. Я подтолкнул толпу, чтобы пробраться ближе к ним, и она, будто морская волна, колебнулась и подалась вперёд. Наконец, когда я пробрался ближе к гробам, я услышал, как люди пытаются найти свои.

"То есть, в каком из них может быть мой Хусейн? Как мне найти его?" – подумал я, и вопрос этот будто эхом несколько раз повторился у меня в голове. Хайдари потащил меня назад и, отойдя от толпы, усадил на землю.

– Посиди пока здесь, – сказал он, – а я пойду и постараюсь разузнать что-нибудь о Хусейне. Один мой знакомый работает в морге. Может, Хусейна уже отвезли туда.

Пока я был там, ко мне подсели один старик.

– Ты пришёл за сыном? – спросил он.

– Да, отец, – ответил я. – Сказали, что он погиб.

– Мой первый сын тоже погиб, – сказал он.

Выразив соболезнования, я спросил его:

- Он среди этих тел?
- Нет, – ответил он, – его мы похоронили ещё три месяца назад. Ныне я пришёл за вторым сыном. Он тоже погиб. Третий сын лежит раненый в больнице.
- Увидев, как слёзы текут по его щекам, я забыл о своём горе и попытался утешить его.
- Не печалься, отец, – сказал я. – Все они наши общие сыновья, и горе по поводу каждого из них также коснулось каждого из нас в отдельности.
- Про себя мне осталось только удивляться терпению и выдержке этого человека. Теперь я уже не думал о себе, а только об этом старике, и пока я пребывал в своих раздумьях, Хайдари уже вернулся.
- Пойдём в морг, – сказал он. – Хусейна отнесли туда.
- Мне полегчало. Мы с ним зашли в морг – воздух в нём был сухим, а обстановка, на мой взгляд, нагнетающей. От самого пола и почти до потолка по краям были контейнеры, и на каждые три штуки стоял один охладитель. Местный рабочий открыл один, располагавшийся на втором ярусе. Боже, вот же он, мой Хусейн! Наконец-то, я нашёл его. Он как будто спал, и вид у него был очень спокойным. Он выглядел точно так же в детстве, когда спал. В какой-то момент у меня даже возникла мысль, что надо бы быть поосторожнее, чтобы не разбудит ребёнка, а то мать расстроится. О, Боже! Он ведь выглядит совсем здоровым! Вот, сейчас совсем как будто улыбается во сне!
- Они говорят, что не смогут отдать тело сегодня, – сказал он. – Говорят, чтобы мы приезжали завтра с утра. Помимо прочего, надо будет решить несколько формальных вопросов, связанных с этим.
- Если честно, меня это обстоятельство немного расстроило. Мне хотелось забрать сына домой прямо сейчас. Здесь же так холодно. Вдруг, он ещё простудится. А дома тепло, уютно, да и мать присмотрит за ним, как надо... Да, все эти мысли приходили как-то сами собой, хотя я понимал, что теперь уже всё не будет так, как было.
- Делать было нечего, и мы вернулись обратно домой. Я решил, что стоит позвонить в Ахваз, чтобы сообщить Абдехандэ о том, что Хусейн погиб. Когда я сказал ему об этом, то он немного помолчал, после чего сказал:
- Да, я знал об этом. Я прошу Бога о том, чтобы Он даровал вам терпения и стойкости.
- То, что он узнал об этом раньше меня, было для меня неожиданностью, но я не стал отвлекаться на это. – Завтра утром мы должны похоронить его, – сказал я. – Оповести об этом наших родных. Реза и муж моей сестры

сейчас находятся на фронте. Если есть такая возможность, то, будь добр, командирай их в Тегеран.

– Я уже командировал их, – опять удивил он меня. – Они уже на пути в Тегеран.

Реза и зять прибыли в Тегеран ближе к полуночи 10-го января 1987-го года мы отвезли тело Хусейна на кладбище шахидов. Нам сказали, что, так как Хусейн был убит на передовой во время битвы, то его не надо омывать, а надлежит похоронить в одежде и без омывания. Присутствующие сильно скорбели по Хусейну. Прошло совсем немного времени, как его уже положили в могилу.

– Неужели ты так быстро пресытился этим миром, сын? – кричал я от горя.

– Почему ты ушёл так скоро? Почему ты не проявил милосердия к своим родителям?

Я сел рядом с его могилой, и предался скорби и воспоминаниям о нём. Я вспоминаю дни, когда мы в жарком Хузестане работали с ним. Он тогда ещё только учился работать, и очень старался. Работая до седьмого пота, он ни разу не пожаловался на усталость и не просился передохнуть. В эту палящую жару, когда люди не хотели даже притрагиваться к какому-либо железу, мой мальчик становился за фрезерный станок и работал на нём. Он никогда не откладывал работу на потом, и даже если я сам предлагал ему отдохнуть, то он отказывался, говоря, что потом просто может не успеть. Но, несмотря на свою торопливость, он всегда был предельно чуток и аккуратен в том, что делал.

Я сидел перед его могилой, но мне почему-то не хотелось плакать. Душа отказывалась принимать то, что Хусейн ушёл от нас. Кто-то положил мне руку на плечо и присел рядом со мной.

– Меня зовут Асади, – сказал незнакомец, – и я тоже отец одного из павших. Будь терпелив. Если ты посмотришь вокруг, то увидишь такие же могилы. Все они – наши дети. Мы не будем плакать и страдать, чтобы не порадовать этим врагов, которые повинны в их смертях.

Стоило ему только упомянуть о врагах, как в сердце у меня тут же вспыхнул гнев. Там же я дал себе слово, что буду больше работать для фронта и собирать ещё больше людей. В пределах своих возможностей я буду помогать нашим ребятам, а также находиться там, где есть нужда в моих навыках.

Воодушевив себя этой мыслью, я встал и пошёл туда, где стояла жена. Глаза её были красными от долгого плача. Одно то, что ни один волос её не

не поседел, пока она стояла здесь, и то, что она не кричала от горя, уже радовало меня. Я бы никогда не подумал, что у неё столько терпения. С сегодняшнего дня и мне предстоит укреплять своё терпение и запастись выдержкой.

– Знаешь, Аббас, – сказала она, когда мы стояли там, – в тот день, когда Хусейн должен был отправиться на фронт, я была сильно расстроена. Глаза мои были полны слёз, но я не хотела, чтобы Хусейн их увидел. Он сказал мне, чтобы я подготовила его вещи, а я ответила, что, если уж он собирается ехать на фронт, то ему самому следует собрать свои вещи. Я не смогла сдержаться, и заплакала. Когда он увидел мои слёзы, то положил свою сумку и сказал, что если я против, то он никуда не пойдёт. Я лишь напутствовала его и пожелала ему наилучшего.

И я, и жена – мы оба стояли и плакали. Родственники и близкие начали собираться вокруг нас. Среди них были и наши соседи. Одна из наших соседок начала рассказывать о случае, связанном с Хусейном.

– Однажды, – начала она свой рассказ, – когда я подметала перед нашим домом, ко мне подошёл один молодой человек и, попросив у меня метлу, сказал, что он сам подметёт. Когда вечером муж зашёл домой, то я рассказала ему об этом молодом человеке, который взял у меня метлу и начал подметать вместо меня, и описала его ему – среднего возраста и на вид лет тринадцать. Муж сразу понял, о ком речь. «Это же сын Аббаса, ясное дело. Он ещё каждый день помогает мне с покупками», – сказал он. Надеюсь, вы не будете недовольными мною из-за того, что я пользовалась помощью вашего сына.

Мы с женой удивились. Хусейн даже словом не обмолвился о том, что он делал для наших соседей. Я вспомнил время, когда впервые, пять лет назад, отвёз его на фронт, и он начал общаться с солдатами и их командирами. Именно тогда он проникся глубокой любовью к ним и к тому, что они делают, и любовь эта так и осталась с ним до конца.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Это было тогда, когда я работал в двух мастерских – имени Шахида Али Кардуни и Шахида Маджида Джә'фари. Они находились на развилке в центре Хорремшехра, друг напротив друга. Уже прошло семь часов сряду, как я занимаюсь ремонтом машин, привозимых с фронта. Муджтаба, ничуть не отставая, работал вместе со мной. Мой старший сын, Реза, тоже был со мной и работал в поте лица. Если бы я был у себя в гараже в Тегеране, то за эти шесть часов я уже выпил бы чашек десять чая, но, работая на фронт, отдыхать мне просто не позволяла совесть. Я был убеждён, что здесь я должен только работать, и столько, сколько мне позволят силы.

– Аббас, смотри, как бы ноги и спина не заболели, – сказал мне как-то Муджтаба. – Иди к нам – отдохнёшь немного.

– Златорукому Аббасу не стоит говорить об усталости, – улыбаясь и не отвлекаясь от работы, сказал я, – ну а если сам устал, то, конечно же, иди, отдохтай.

Несколько солдат приехали на машине скорой помощи, у которой напрочь отсутствовала крыша.

– Эта машина должна быть доставлена на передовую, – сказал тот, кто был за рулём, – а значит на ней будут возить раненых и погибших. Если вдруг...

– Я сделаю так, – прервал я его, – что она будет выглядеть, как новая. Будь уверен – Аббас не подведёт.

Я снял куфию с шеи, вытер пот с неё и лица тряпкой, лежавшей на одной машине, после чего опять завязал её. Эта куфия стала для меня очень ценной, и я так привык к ней, что без неё уже не мог работать.

Человек, который был за рулём машины скорой помощи, поблагодарил меня и, помолившись за моё здоровье, куда-то ушёл.

Я несколько раз осмотрел привезённый мне экземпляр, а Муджтаба, тем временем, всё не мог уняться.

– Может, хватит? – вопрошал он. – Сколько ещё раз ты собираешься её осматривать? Любому механику достаточно встать перед машиной и один раз в общих чертах взглянуть на неё, после чего они ремонтируют её. Остальное их не волнует. А ты что? Ты смотришь сверху, потом снизу, затем слева и справа, как с близкого расстояния, так и чуть отойдя, и так повторяешь несколько раз! Что с тобой не так?

Тут я понял, что он просто устал.

– Понимаешь ли, – с улыбкой сказал я ему, – кузов машины скорой помощи должен быть прочным и надёжным, и при сильной тряске он не должен издавать лишних звуков. В противном случае, когда водитель будет ехать на передовую, а этот кузов скрежетать, то он может подумать, что по нему открыли огонь и пустили его под обстрел, из-за чего он может испугаться и повернуть назад. Тогда кто-то останется без надлежащей помощи и погибнет.

В конце концов поняв, что явно утрирую, они засмеялись.

– Всё, что говорит Златорукий Аббас, то правда, – примирительно сказал Муджтаба.

На следующий день, как обычно, мы начали работу с раннего утра. Поломанные и повреждённые машины привозили одну за другой, пока в конце концов не заполнили весь дворик нашей мастерской различными машинами самых разных видов и марок. К наступлению ночи общими усилиями нам удалось полностью починить пять машин. Абдехандэ с удивлением смотрел то на машины, то на нас. Как обычно в случаях, когда он удивлялся результатам нашей работы, он поднял руки к небу и поблагодарил Бога.

– Клянусь, – сказал он, – что ваша работа отличается от работы всех остальных, кого я знаю. Да вознаградит вас Всевышний за ваш труд!

– А ну-ка, – обратился я к Хадж Акбару, – покажи ему венец своего искусства в сегодняшней работе.

– Что ещё за венец искусства? – удивился Абдехандэ.

– Он сделал так, – ответил я, – что ваша машина теперь будет потреблять меньше бензина.

– Так, если она будет потреблять меньше бензина, разве это не повлияет на её скорость? – спросил он.

Не желая вдаваться в долгие объяснения и тонкости проделанной им работы, Хадж Акбар сел в одну из машин и завёл её. Быстро тронувшись с места, он прилично разогнался, и, развернувшись, с такой же скоростью вернулся обратно, тем самым доказав, что его новшество никак не повлияло на скорость. Этому обстоятельству мы все были очень рады.

С момента нашего прибытия проходит неделя. Все ребята работали с самого утра и до ночи изо всех сил в течение этого времени. В час дня, после того, как мы пообедали, с целью мотивировать своих ребят и показать им, что враги делают на завоёванных ими территориях, я решил повести свой отряд на только что освобожденные территории, для чего согласовал этот вопрос с Абдехандэ. Он дал согласие, и мы отправились в

путь. Проехав по мосту, который был сооружен нашими ребятами на скорую руку, мы заехали в город. Я начал показывать им город и, словно бывалый оратор, сердце которого полно боли и скорби из-за развязанной Саддамом войны, начал рассказывать им о преступлениях и зверствах баасистов. Вид этих руин уже не мог не вызвать в них гнева. Мы въехали в пустыню, и здесь на земле везде валялись гильзы от снарядов и патронов. Ребята начали поднимать их с земли, судя по всему, чтобы сохранить их, как память.

– Не уносите гильзы с собой, – предупредил их Абдехандэ. – Они могут иметь неразорвавшийся заряд.

Да, в этой пустыне осталось много следов от прошедшей по ней войны – подбитые танки, продырявленные каски, сломанное оружие, униформа, гильзы и прочее.

Закончив свой экскурс, мы вернулись в мастерскую и продолжили работать.

Уже прошло несколько дней, как мы не принимали душ. Стоило мне пройти или стоять на своё несчастье тысячу раз на дню рядом с ними, как в нос бил острый запах пота вперемешку с запахом моторного масла и пыли. Такое безобразие не могло продолжаться, и поэтому я решил всех их отвести в баню. Ближе к вечеру мы заехали в Ахваз. Спустя два-три часа после этого мы уже вышли из бани чистыми и благоухающими. После водных процедур я купил на всех прохладительных напитков и закуски, и после нашего скромного пайка мы все вернулись обратно в свою мастерскую на микроавтобусе. После этой поездки посещение бани стало более привычным делом.

Через неделю мы в составе всей группы отправились в Абадан для совершения пятничной молитвы, которую возглавлял шейх Джами. Совершив молитву, мы вновь вернулись в мастерскую. Там я сразу приметил несколько сахарниц и игрушечных самолётов, которые были сделаны как раз из тех гильз, забирать с собой которые запретил Абдехандэ.

– Весьма неплохо, – заметил я, – я бы сказал, даже очень красиво. Молодцы. Если это увидит полиция, то проблем не будет?

– Если они найдут гильзы в твоей сумке, то проблемы очень даже могут быть, – ответил один из них, – но если ты изготовил из гильз какую-нибудь поделку, то ничего они не скажут.

Когда мы только собирались обедать, к нам приехали два фотографа и журналиста по совместительству, чтобы расспросить нас о нашей работе

и сделать несколько снимков для отчёта. Ребята сразу же представили им меня, и они пришли по мою душу и начали брать у меня интервью.

– На сколько нам известно, Вас называют Златоруким Аббасом, – начал один из них. – Не могли бы Вы рассказать о причине такого прозвища? Чем вы занимаетесь здесь?

– Думаю, это свидетельство того, что друзья по доброте своей души оценили меня много лучше того, что я действительно заслуживаю, – ответил я. – Мы с ребятами здесь занимаемся тем, что чиним сломанные и повреждённые машины, которые привозят с фронта. Мы завариваем все дыры, выравниваем неровности, красим, исправляем все проблемы технической составляющей и отправляем обратно на фронт, где этими машинами опять пользуются наши ребята. С утра до ночи мы занимаемся только этим.

– Судя по вашим словам, – с удивлением заметил он, – ваша работа не такая уж и сложная, хотя, если посмотреть на вас, то так не скажешь.

– Да, если так послушать, то тут всё проще некуда, – с улыбкой сказал я. – Давайте выйдем на улицу, и я покажу вам проделанную нами в течение десяти дней работу. Там стоят машины, которые уже должны отправить.

Мы вышли на улицу, где в три ряда стояли сорок машин, которые мы уже сделали и ждали только своих водителей.

– Всё это, – указывая на машины, сказал я им, – результат нашей работы в течение десяти дней, в которые мы работали с раннего утра до ночи.

– Если бы вы чинили эти сорок машин, будучи в Тегеране, то сколько времени у вас занял бы этот объём работы? – спросил один из них.

– Шесть месяцев без малого, – ответил я. – Работу здесь и в Тегеране нельзя даже сравнить. Здесь мы работаем, как самые усердные и преданные рабы.

Интервьюер взглянул на стоящие машины, достал свою камеру и, снимая, спросил:

– Да, не зря Вас называют Златоруким, – заметил он.

– Это будет больше похоже на самохвальство, если я продолжу описывать проделанную работу, – заметил я, – однако стоит отметить, что работа эта – коллективная, и без команды ничего сделать не получилось бы.

Завершив свою работу они, наконец, уехали. К тому моменту мы все дико проголодались. Ребята шустро организовали трапезу, основным блюдом которой был мясной соус с картошкой и горохом. Не успели мы проглотить первый кусочек, как вдруг прямо во дворике нашей мастерской раздался взрыв, вслед за которым начали раздаваться крики. Я первым

выскочил на улицу, чтобы понять, откуда раздался взрыв. Если это взорвалась одна из машин, то мог начаться пожар, и все машины дружно сгорят, а допустить этого было нельзя. Если же это вражеская атака, то шансов спасти их почти не было. Рука одного из наших истекала кровью, а два пальца на этой же руке висели на коже. Я сразу же сел в машину, посадил его и быстро поехал в ближайшую от нашей мастерской больницу. Мы показали его пальцы доктору.

– Эти пальцы нам сильно нужны, – сказал я ему. – Можно ли с ними что-нибудь сделать?

– Учитывая то, что они всё ещё висят на коже, то можно, – ответил он.

Тот факт, что врач оказался в достаточной степени толковым, внушил мне надежду на то, что всё обернётся благополучно. Я был уверен, что он всё сделает, как надо.

Через два-три часа мы вернулись обратно к мастерской. Взглянув на его перевязанную руку, я вспомнил о том взрыве, который напрочь вылетел из головы из-за инцидента с ним. Отвесив ему существенный подзатыльник, я спросил его:

– Как ты умудрился превратить свою руку в фарш?

Он посмотрел на меня глазами, полными страха.

– Я хотел сделать самолётик из гильзы от снаряда, которую мы подобрали в пустыне, – сказал он.

– Тебе ведь уже двадцать лет! – взорвался я, – Ты давно уже не ребёнок! Неужели ты не можешь отличить полноценный снаряд от его гильзы?

– Клянусь тебе, – оправдывался он, – это была пустая гильза!

– Глупец! – ещё больше злился я. – Если это было пустая гильза, то как, по-твоему, случился взрыв? Никогда в жизни не повторяй такой чудовищной глупости! Ты понял меня?

Он мне был точно, как сын, и я, естественным образом, чувствовал за него в определённой степени ответственность. Слава Богу, что пальцы ему зашили и со временем они должны прижиться.

Мы вернулись в свою мастерскую и продолжили работать.

Прошло двадцать дней с того момента, как мы сюда приехали. Было видно, что ребята уже заметно подустали.

– Всё, мы возвращаемся в Тегеран, – сказал я им. – Я сейчас поеду, чтобы закончить оставшиеся с бумагами дела и рассчитаться. Вернусь где-то через час. Можете пока собрать свои вещи.

– Мы приехали сюда ради того, – вдруг возразил один из них, – чтобы

снискать довольство Бога, а не ради денег. Скажи им, чтобы они пустили выделенные для нас деньги на нужды солдат.

Как только он начал говорить, я сразу же понял, что он ничего не понял, и направился в сторону выхода, не дожидаясь, пока он закончит свою филантропскую тираду.

– Неужели ты и вправду подумал, что кто-то собрался нам платить? – смеясь, спросил я. – Под расчётом я подразумевал то, что мне надо вернуть им инструмент и оставшийся расходный материал, который они предоставили нам в пользование. Если что-то сломалась или испортилось, то они должны это зарегистрировать. После этого они дают нам соответствующую бумагу, и это называется официальный расчёт.

Я зашёл в кабинет к Абдехандэ. Только увидев меня, он тут же встал и протянул руку в приветствии.

– Я хочу сделать тебя главным в этой ремонтной мастерской, – тут же следом за приветствием сказал он.

– Да ладно тебе, дружище! Я пришёл к тебе, чтобы отчитаться и уехать с ребятами обратно в Тегеран, – сказал я.

– У тебя нет выбора – ты обязан согласиться, – сказал он, как отрезал. – Я не знаю никого, кто был бы более достоин занять это место, чем ты, потому как ты – лучший из всех моих рабочих добровольцев. Вообще, если на то пошло, мне твоё согласие и не нужно. Уже несколько лет ты ездишь со своими отрядами, и за это время я узнал тебя более, чем достаточно для моего решения. Твоё личное дело просто золотое! Я уеду, а ты останешься здесь за главного. Будешь поступать так, как считаешь лучше. Прощай!

– Я не могу здесь больше оставаться, а если уеду, то вернусь не раньше, чем через двадцать дней, – пытался я вразумить его. – Мои люди уже устали, и я должен отвести их обратно в Тегеран, а там уже собрать новый и свежий отряд.

Но Абдехандэ вовсе не хотел меня слушать.

– Двадцать дней – это много, – заметил он. – Тебе придётся назначить кого-нибудь вместо себя на срок своего отсутствия.

Он так и уехал в город Шуш, оставив меня одного. В принципе, управление этой мастерской не казалось мне чем-то сложным. Мой собственный гараж куда как больше местной мастерской, и управление всеми его делами меня никогда не тяготило. Даже если будет что-то новое и сложное для меня, думаю, я справлюсь, и раз уж мне поручили управление всеми местными делами, то я считал себя обязанным беречь её, как

зеницу ока.

– Если у тебя будет какой-либо вопрос, то просто позвони мне, – сказал он, как только вышел из двери.

– Ты только смотри, – предупредил я его, – если я буду звонить, то обязательно возьми трубку! Не дай Бог ты оставил меня одного на произвол судьбы!

Он вернулся в кабинет и, внимательно посмотрев на меня, сказал:

– Конечно же, ты будешь не один – с тобой всегда будет Бог. В Шуше у нас есть одна база, в которой мне надо утрясти кое-какие дела. Я думал поехать на микроавтобусе, но вот не знаю, доедем ли мы на нём до места назначения, или нет. Слушай, ты можешь поехать с нами? Ну, чтобы починить его, если вдруг сломается.

– Что за вопрос? Конечно, я поеду с вами, – тут же ответил я.

Управление ремонтной мастерской я поручил одному человеку из своего отряда, а сам начал готовиться к поездке. Абдехандэ и ещё несколько солдат сели в микроавтобус. Я решил быть их водителем в этой поездке, чтобы, в случае неполадки, можно было быстрее определить её источник. Уже на полпути наш транспорт вдруг начал таращеться, а через несколько секунд совсем заглох. Как оказалось, у него перегорел мотор. Перед поездкой я подумал обо всём, кроме как о том, что мотор может сгореть. Абдехандэ не мог ждать, пока микроавтобус будет приведён в чувство, поэтому он со своими людьми сел в другую машину и уехал, предварительно договорившись о том, что машину отбуксируют назад. Когда я пытался завести машину, она издавала просто устрашающие звуки. Я бы починил её, но нужных для этого инструментов не было под рукой. Без них ничего нельзя было сделать. Оставалось только ждать. Было уже десять утра. Я сидел в машине, выходил и начинал ходить туда-сюда, смотрел на проезжающие машины, махал в ответ рукой проезжавшим солдатам, которые начинали махать мне и просто мучился от жары. В конце концов я решил немного отдохнуть, чего со мной в это время суток давно не случалось. Не успел я толком расположиться, как вдруг услышал звук надвигающегося истребителя. Я выскочил из машины и сразу распластался на земле. Наши ребята предпринимали атаку на восточную часть Шуша и Хорремшехр. Спустя два года после оккупации они, наконец, собирались освободить его. Шумы взрывов, шин, рассекающих машин с солдатами и скорой помощи не останавливались ни на секунду. Один за другим прилетали и улетали вертолёты, забирая с собой раненых,

которых доводили до трассы машины скорой помощи. Я двинулся в сторону, откуда забирали раненых, ведь, возможно, моя помощь будет не лишней. Как только подъехала очередная машина, я кинулся помогать им. Пока другой держал раненого за руку, я взял его за ногу, и общими усилиями нам удалось положить его на землю. На живот ему положили кусок материи, и он уже полностью был пропитан кровью. Кусок этот вдруг скатился, и я увидел, как кровь струёй бьёт из его живота – осколок попал ему прямо туда и разорвал всё на кусочки. Когда я увидел его бьющееся сердце, то чуть не потерял сознание. Из-за острого запаха свежей крови нос начал чесаться изнутри.

– Ж-живот! – со страхом и дрожью в голосе лишь смог я произнести.

Санитары тут же обмотали вокруг его талии другой кусок материи. Раненный был совсем молодым парнем. Он был в сознании, и степень той боли, которую он испытывал, можно было прочитать на его исказившемся лице. В какой-то момент его голова повисла, и он отключился. Тем временем из машины скорой помощи вытащили ещё с десяток раненных.

– Иди сюда, помоги! – крикнул один из санитаров. – Что ты стоишь, как вкопанный?

Я взял за подмышки другого раненого солдата. Глаза одного из них были закрыты, а лицо его было полностью в крови, как будто он окунул всю голову целиком в сосуд с кровью. Некоторые из них испытывали жажду и просили воды. Ни для кого из них я не мог ничего сделать. Я открыл заднюю дверь кареты скорой помощи, чтобы вытащить очередного солдата. Я было хотел схватиться за руку одного из них, как вдруг увидел, что ни одной руки у него не было. Санитар схватил его за ноги, ну а мне пришлось взяться за плечи. В этот момент я думал о том, куда они могли положить его руки, если привезли их, конечно же.

Находясь там я вспомнил своего Хусейна, и к горлу подкатил ком. На самом деле, мне было мучительно видеть эту картину с ранеными и искалеченными солдатами. Наконец, прилетел один вертолёт, и мы начали поднимать в него раненых. Когда мы закончили с этим, я сел на землю и погрузился в думы о наших солдатах, что истекали кровью за всех нас, об этих чистых детях нашего народа. О нашем микроавтобусе в тот момент я забыл напрочь, и вспомнил о нём лишь тогда, когда приехала машина, чтобы отбуксировать его, и было это где-то к трём часам дня. В мастерскую я вернулся очень усталым и голодным. Ребята успели прилично распереживаться за меня.

– Что с тобой стряслось? – вопрошал один из них. – Мы уже подумали, что

ты сполна испил чашу мученической гибели.

Передо мной сразу положили кусок высохшего хлеба и стакан воды. С сильнейшим аппетитом я начал поглощать устроенный ими для меня паёк. Только сейчас я заметил, что в мастерской почти никого нет – из двадцати человек моего отряда были только двое.

– Где остальные? – спросил я.

– Нам сказали о том, – ответил один из них, – что в окрестностях Ахваза есть несколько вышедших из строя машин, и ребята отправилисьчинить их.

Зазвонил телефон. Я поднял трубку – на другом конце был Абдехандэ.

– Завтра ближе к обеду приезжай с оставшимися из своей группы в Шуш, – сказал он. – Наши ребята из Тегерана как раз едут сюда с грузом.

Я согласился, и всё, что меня заботило на тот момент, это безопасность для моих ребят.

На следующий день мы приехали в Шуш. Я сразу же пошёл искать ребят. Зайдя в комнату, я обнаружил, что они все сидят вокруг трапезы, которая состояла из бульона с мясом. Я благодарил Бога за то, что все были целыми и невредимыми. После обеда мы решили посмотреть на те участки, которые были освобождены нашими солдатами. Врагом была оставлена различная техника, в том числе несколько машин с прицепами, около тридцати танков, самосвал и тяжёлое оружие. На земле было взорвано столько снарядов, что она везде была чёрной.

– Почему это место называют стартовым комплексом 3 и 4? – спросил я Абдехандэ. – Здесь же ничего нет, кроме жжёной земли.

– Когда-то здесь располагалась ракетная база Саддама, которая использовалась против городов Хузестана, и также здесь были комплексы противовоздушной обороны – ответил он.

Мои ребята, которые почти целый месяц работали чуть ли не круглосуточно, уже заметно устали, да и морально были истощены.

– Я должен отвезти ребят в Тегеран, – обратившись к Абдехандэ, сказал я.

– Они очень устали.

Абдехандэ дал своё согласие, и мы все вернулись в Тегеран.

Прошло какое-то время, и мы опять собрались ехать на юг, к фронтовой зоне. В один прекрасный день к нам в гараж приехал друг Абдехандэ. Я тут же спросил о нашем командире. Он сказал, что Абдехандэ теперь главный по доставке тяжёлых грузов, и что теперь большая часть вопросов по тыловому обеспечению лежит на нём.

– Интересно, почему за эти несколько лет, которые я знаю его, он ни разу не сказал, какую должность он занимает? – возмутился я.

– А зачем тебе надо было это знать? – спросил он.

– Ну, хотя бы для того, – ответил я, – чтобы проявлять к нему большее уважение, а то я был слишком связанным с ним.

– Я уверяю тебя, – сказал мой собеседник, – что, если бы я не сказал об этом, сам он никогда словом об этом не обмолвился бы. Кстати, сможете ли вы починить машины, которые я привёз?

– Что за вопрос? Конечно сможем! – ответил я.

Через некоторое время он вышел из гаража, но потом вернулся.

– Я как-то раз отвозил на ремонтную станцию имени Шахида Аламоль-Худа то, что они запрашивали. Когда я упомянул о том, что знаю Вас, и говорил о том, что вы наш лучший ремонтник на фронте, один из присутствовавших сказал, что знает Вас и является Вашим другом. Я хотел лишь сообщить об этом.

– Этот человек, который сказал, что он знает меня, где он работает? – спросил я.

Он достал из переднего кармана куртки ручку и листок бумаги и начал что-то писать на нём.

– Если вы поедете туда, то обязательно найдёте его либо за мытьём одеял, или же рядом с горой из солдатских сапог.

Я взял у него бумагу, после чего он ушёл, и на этот раз окончательно. Мне вдруг стало не по себе от всех тех шуток, которые я себе позволял в адрес Абдехандэ. Если бы это был кто угодно другой, то он обязательно возмутился бы и не позволил с собою так шутить.

Я пробыл в гараже, ремонтируя машины, где-то до полудня. Я позвонил Абдехандэ и сообщил ему, что хочу наведаться на ремонтную базу Аламоль-Худа. Он попросил меня привезти с собой на грузовике какие-нибудь необходимые там вещи. Уже через час перед моим гаражом стоял грузовик. Его водитель ушёл, а я сел за руль и поехал в сторону гарнизона. Когда я заезжал в гарнизон, то увидел несколько человек рядом с рекой Карун, которые мыли грязные и окровавленные одеяла солдат – на них, судя по всему, носили, раненых. Я заехал в гарнизон и передал груз местному заведующему складом, которого звали Аделийан. Выйдя на улицу, я начал искать своего друга, имя которого я пока ещё не знал. Вообще, когда человек находится на фронте, то все вокруг для него являются близкими друзьями и братьями по духу, и человек никоим образом не может почувствовать себя одиноким. Несколько человек

развешивали постиранные одеяла по железным трубам. Я начал смотреть, нет ли среди них знакомого лица. Ни одного из них я ранее не видел. Я пошёл в другую часть гарнизона, туда, где солдатские сапоги были сложены в гору. Несколько человек мыли сапоги один за другим и ставили их под лучами солнца, чтобы они высохли. Ещё несколько человек натирали высохшие сапоги гуталином и складывали их в другой части гарнизона. Если честно, то мне их работа показалось намного более сложной того, чем занимались мы, хотя и нельзя было сказать, что мы наслаждались жизнью. Я смотрел на их почерневшие от солнечных лучей лица. Вдруг среди них я находжу знакомое лицо, обладатель которого был поглощён выполнением своей работы. Это был Хадж Хасан Ашкбар, продавец леса на нашем рынке. Просто увидев меня, он весь засиял от радости, и мы с ним крепко обнялись.

– Хадж Хасан! – воскликнул я. – Где наш рынок в Тегеране, а где ты? Как ты сюда попал? Что забыл в этой пустыне? Каков молодец – оставил все свои дела и приехал в эту пустыню! Ну, как судьба занесла тебя к этой куче сапог?

– Я в отряде добровольцев, – посмеявшись, ответил он. – Ну, ясное дело, что приехал для того, чтобы помогать нашим. Я собираю сапоги по парам, чищу их и натираю гуталином. Смотри, это всё сапоги солдат, которые находятся на местах проведения боевых операций. Их привозят сюда. Если они порваны или ещё чего, то я и ещё несколько человек собираем их ичиним.

На самом деле, работа их была просто сверх объёмной. До сегодняшнего дня я думал, что вряд ли кто-то на фронте работает больше, чем мы, ремонтники машин, но теперь мнение моё поменялось.

– Если посмотреть с этого угла, – отойдя немного в сторону, сказал я, – то кажется, что это не сапоги, а солдаты, стоящие в один ряд и ожидающие приказа малого командира к атаке.

– Ну, а как ты сюда попал? – вернулся он мне вопрос.

– Я приехал с грузом из гарнизона Вахдати, – ответил я. – Слушай, а как ты находишь пары этих сапог? Их ведь не сотня и не две, а тысячи!

– А что тут сложного? – взглянув на эту гору, спросил он. – Просто на глаз подбираешь два примерно одинаковых сапога разных сторон, и ставишь вместе.

Поняв, насколько этот процесс незамысловат, я решил немного помочь ему в этом деле.

– Хадж Али Мунфарид Адель, – сказал он, – тоже был здесь и работал некоторое время. Он специализировался на починке амортизаторов.

– Надо же, – удивился я, – это ведь один из моих хороших друзей.

Приблизительно через час я попрощался с Хадж Хасаном и отправился к Абдехандэ. Как только он увидел меня, то сразу отвёл в одно место, где стояло несколько нуждающихся в ремонте машин, чтобы я посмотрел их.

– Это машины, которые люди предоставили нам, чтобы мы ими пользовались, – сказал он. – Как видишь, некоторые вышли из строя, а в другие просто попали осколки. Будь добр, определи ущерб в деньгах, чтобы мы могли рассчитаться с ними, ну и, конечно же, озвучь свою ставку.

– Командир, о чём ты? – возмутился я. – Тот паёк, который вы нам даёте три раза в день, вполне компенсирует нашу работу. Мы ведь добровольческий отряд и не берём денег. Забыл?

В ответ Абдехандэ лишь промолчал.

– Кузов этого автомобиля, – показывая на первую машину, сказал я, – изначально был старым и изношенным, но сколько понадобится для его восстановления по средней стоимости на сегодняшний день для таких экземпляров я сейчас не смогу сказать. Это надо будет посчитать отдельно.

Хозяин автомобиля, который в этот момент находился рядом, услышав мои слова, пришёл в негодование, но для меня это не имело никакого значения. Мне достаточно увидеть машину, чтобы сразу определить, какого она года выпуска и сколько прокаталась. Да, к сожалению, бывают и такие люди, которые пытаются извлечь выгоду в совершенно неуместных для этого местах и случаях, раз уж подвернулся такой шанс.

– Для ремонта этого кузова, – указал я на другую машину, – потребуется больше денег... У этой, – идя дальше, сказал я, – повреждено около шести-десяти процентов кузова... У этой – около сорока.

Абдехандэ слушал меня и подписывался под каждую мою оценку. Тем временем привозили ещё другие машины. Дело закончилось тем, что Абдехандэ поручил мне ремонт всех их, а сам ушёл.

– Всё же хорошо, – заметил один из моих спутников, – что он ловит всё на лету, так, что ему достаточно сказать всего один раз.

– Он же важная личность, – с улыбкой на лице, сказал я, – да и помимо того, он сам человек трудящийся, и по молодости успел многое познать.

На территорию ремонтного комплекса завезли грузовик. Хадж Акбар Фахери начал мне его показывать. Хозяин грузовика был здесь же.

– Я должен ехать на место выполнения боевой операции, – сказал владе-

лец грузовика. – Как видите, он просел. С этим можно что-нибудь сделать? В тот момент я как раз занимался починкой крыши одного джипа. Я сказал одному из своих, чтобы он посмотрел всё поближе и вынес свой вердикт. Через некоторое время он вернулся.

– У него проблемы с приводным валом, – сказал он. – Кузов тоже ни к чёрту.

Тут пришёл представитель Абдехандэ и сказал, что он просит меня со всей командой отправиться в мастерскую, которая находится на трассе Махшахра. Быстроенько разобравшись с теми машинами, которые стояли там, мы отправились в путь. Когда мы прибыли туда, то я увидел большую территорию, на которой стояло множество машин. Абдехандэ стоял на другом конце комплекса и, судя по всему, решал какие-то административные и прочие вопросы.

– Абдехандэ! – крикнул я ему. – Надо было нам в прошлые разы приезжать сюда. Как я понял, работы здесь более, чем достаточно.

Он подошёл молча с улыбкой на лице, и сразу же отвёл меня показывать повреждённые машины. Вдруг я увидел одного своего хорошего знакомого по имени Таги, который работал механиком.

– Приветствую, Таги! – поздоровался я с ним. – Уверен, что ты не даёшь этим автобусам передохнуть даже на секунду.

– Да что там автобусы? – жалобно сказал он, – Вот их водители – они превратили мою жизнь в ад!

– Просто покажи мне своего обидчика, Таги, – в шутку засучил я рукава, – я с ним разберусь! Так, что же случилось?

– Тут дело вот в чём – чтобы не ехать на фронт и оставить здесь на несколько дней машины, на которых они должны ехать, некоторые водители, приходят к своему начальству и заявляют, что у транспорта с мотором какие-то проблемы, и поэтому надо отправить автобус на ремонтную станцию. Но ведь никаких проблем, на самом деле, нет, и они сами прекрасно об этом знают. Просто хотят увильнуть от работы и не соваться лишний раз на фронт. А большинство этих водителей я знаю лично, и они мои клиенты, и из-за этого я не могу отказать им. Знаешь, сколько времени уходит впустую из-за этого? Когда терпение моё доходит до предела, и я сразу, без проверок, говорю им, что всё в порядке, потому как могу определить это по звуку, то они ведь ещё начинают настаивать на своём и заявляют, что не поедут, пока машина не пройдёт проверку, а пока до неё дойдёт очередь несколько дней уж точно пройдёт.

Это обстоятельство меня сильно разозлило. Полная бессмыслица, которая не могла обернуться для наших солдат ничем хорошим. Гнев охватил меня, и казалось, что вздувшиеся на шее вены вот-вот лопнули.

– Скажи мне, как можно отличить машину, у которой имеется проблема? Или лучше просто покажи мне их, чтобы я поговорил как следует с остальными водителями. Я знаю, как с ними надо поступить.

Он подвёл меня к одному автобусу.

– К примеру, у этого явно есть какая-то проблема, – указывая на него, сказал он. – Стоит открыть головку блока цилиндра, и всё становится ясно. Я сказал ему, чтобы он устроил собрание всех водителей, и через определённое время они все были в сборе.

– С этого дня, – громко заявил я, – любая машина, которая сюда приезжает, на факт наличия проблемы будет определяться мною! Встаньте все у своих машин, чтобы я подошёл к каждому и вынес свой вердикт. Мы должны сегодня же освободить эту базу от лишних единиц техники.

После этого я начал подходить к каждому из них и спрашивать о том, в чём они видели проблему своего транспорта. Таги шёл рядом со мной. Выслушав их претензии на их машины, я тут же давал распоряжения Таги:

– А ну-ка, вытащи фильтр! Открой головку коробки цилиндра!

Таги понял, какая роль ему отведена в этом спектакле, и потому беспрекословно выполнял каждый мой приказ, к месту он был, или нет. Когда он открывал головку коробки цилиндра и видел, что ничего с транспортом не случилось, то подавал мне знак об этом. Я лишь удивлялся тому, каким это надо быть человеком, чтобы вот такое придумать лишь из-за лени и страха.

– Тут всё в порядке, – громче прежнего кричал я, – и нет никакой необходимости в каком-либо дополнительном осмотре. Водитель! Можешь ехать. Всего хорошего.

– Но ведь когда я еду, – возразил он, – то шатун начинает стучать. Так ведь не должно быть!

– Ничего страшного, – парировал я. – Если с ним что-то случится, то я тебе предоставлю новый мотор на место старого. Пойдёт? Есть только одно условие – стартуй мягко и не разгоняйся сильно. Дорогой, знаешь ли ты, что наши ребята проливают там свою кровь за всех нас? Им отрывает руки и ноги, они получают ранения, как лёгкие, так и тяжёлые, а также умирают. Им всегда бывает что-то необходимо, и поставки не должны прекращаться, в том числе и личного состава. Ради чего, скажи ты мне, все эти машины должны здесь стоять и не выполнять своего предназначения? Тем уж

более в такое сложное время. Давай, быстрее заводи машину и езжай! Люди стоят очередями и ждут, пока вы приедете и отвезёте их на передовую. Я ведь не могу нести их всех на своём горбу, правильно? Давай, поторопливайся!

Я осмотрел другой автобус.

– Ты тоже езжай, – сказал я. – Своей машиной всё в порядке.

– Нет же, с ней явно что-то не так! – не сдавался очередной водитель. – Она в неисправном состоянии, говорю Вам. Если продолжить ездить на нём, то двигатель может заклинить. Цилиндр тоже ни к чёрту. Если шатун сломается, то цилиндр полетит, и после этого можно будет продавать его по цене ленивого осла!

– Сколько времени ты работаешь на фронте? – спросил я его.

– Две недели, – ответил он.

Я отвёл Таги в сторону.

– Таги, что скажешь по поводу того, что он говорит? – спросил я его.

– Нет, проблема вовсе не новая, и возникла она не из-за этих двух недель, что он на ней работает. Эта машина была такой изначально, – сказал он. – Поломка старая.

Это обстоятельство разозлило меня ещё сильнее.

– Нет, – начал я озвучивать подсказанный моим компаньоном вердикт, – неисправность не новая. Эта машина изначально была такой, ещё до того, как ты приехал сюда и начал на ней работать, и дело тут вовсе не в том, что она побывала на фронте. Езжай в Тегеран и отдай машину на сервис, чтобы ей посмотрели двигатель, и после того, как сделаешь его, можешь возвращаться на фронт. На фронте отслужившие свой век машины не нужны.

Водители, уклоняющиеся от своей работы, один за другим покидали ремонтный комплекс, и их осталось совсем немного. Таги, наконец, смог вздохнуть с облегчением.

– Клянусь тебе, – в сердцах сказал он, – такие люди не только позорят себя, но также бросают тень и на добропорядочных и правильных людей, честно исполняющих свой долг.

Когда мы закончили свою инспекцию, на территории комплекса осталось всего несколько машин, которые Таги должен был починить. Подоспел и сам Абдехандэ.

– Аббас, ты как всегда пришёл на помощь и оказал её нам, – с улыбкой на лице, заметил он. – Близится время начала боевой операции, а транспор-

та у нас очень мало. Владельцы транспортных средств ныне не хотят отправляться на фронт, потому как высока вероятность того, что они могут понести убытки, а может и вовсе быть убитыми. Из-за этого множество солдат не могут попасть на передовую и маются в тылу. Меня это обстоятельство сильно гложет, но ничего поделать с этим я не в состоянии. Не в моих это полномочиях.

Абдехандэ пошёл в свой кабинет и связался с Аббаси, который был главным в южном и западном терминале Тегерана, чтобы тот прислал автобус в Ахваз. Я пришёл в его кабинет вслед за ним.

– Эта задача в вашей компетенции, – говорил он человеку на другом конце провода. – Если у вас дефицит транспорта, то ведь можно использовать автобусы, которые занимаются развозкой пассажиров. Освободите транспорт для наших нужд и срочно отправьте его сюда.

Судя по дальнейшей реакции Абдехандэ, Аббаси согласился. Побыв там ещё немного, я вышел, чтобы отправиться с грузом на свой предыдущий ремонтный комплекс. Двадцать автобусов были готовы к тому, чтобы отправиться в сторону фронта со свежей силой, но и этого количества было мало. Мне предстояло проехать дорожную полицию Ахваза, чтобы доехать до ремонтной мастерской в непосредственном тылу. Полиция останавливалась все пассажирские автобусы и заставляла всех выйти из автобусов. Люди сильно возмущались и не хотели подчиняться. Недовольство выражали все – молодые и взрослые, женщины и мужчины.

– Что это за безобразие? – кричала одна пассажирка с ребёнком на руках.

– Если вы всё отправляете на фронт, то что должны делать мы, обычные люди? Как мы, по-вашему, должны вернуться в свои дома?

Возмущённые выкрики мужчин звучали чаще и громче, чем женские.

– Как так можно? – кричал кто-то. – Мы ведь отдали деньги! Кто будет компенсировать нам наши убытки? Мы ведь не можем преодолеть этот путь пешком!

Один из представителей полиции взял громкоговоритель.

– Мы обеспечим всем вам места на поезде, – сказал он. – Дело очень срочное, поэтому мы вынуждены идти на крайние меры. Нам необходим транспорт для доставки солдат на плацдармы. Мы просим проявить понимание и терпение. Через несколько часов мы всех разместим в поезде, и вы спокойно отправитесь туда, куда хотели.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я связался по телефону с Абдехандэ.

– Да, сатана прекрасно справляется со своей задачей и не даёт людям встать на прямую стезю, – сказал я.

– Что там случилось на этот раз? – спросил он.

– Помнишь ту машину, которую ты отправил ко мне в Тегеран, чтобы я посмотрел её? – вернулся к нему вопрос.

– О какой машине ты говоришь? – уточнил он.

– Та самая машина, водитель которой имел при себе с десяток различных рекомендательных писем, в том числе и от имама пятничной молитвы о том, чтобы ему предоставили в пользование новую машину.

– Да, вспомнил. Так, что случилось?

– Мы отремонтировали её и отправили в Ахваз, – начал я. – После этого я, вспомнив детали и начав обращать внимание на специфику полученных машиной повреждений, начал в них кое-что понимать. Судя по всему, этот водитель сам сделал всё это.

По телефону было слышно, что Абдехандэ в размышлении, которое он сопровождал поглаживанием бороды.

– Делай так, как считаешь нужным, – наконец, ответил он. – Как ты это конкретно понял?

– Хадж Али Абдехандэ говорит, – сказал я человеку, который стоял рядом со мной и ждал его решения, – что тому высокому человеку, который вчера получил новый грузовик и за которого все ручаются, не стоит давать десятитонник. Похоже на то, что он взял машину в рассрочку, и, чтобы не платить за неё, отправил её прямо в воды Каруна, чтобы мы предоставили ему новую.

– Багери, – немного помолчав, сказал Абдехандэ, – если ты не сможешь подтвердить свои догадки, то ведь это серьёзное обвинение. Ты ведь понимаешь это?

– Не волнуйся, друг, – применительно сказал я ему, – всё я докажу. Владелец десятитонника погряз в долгах. Один наш знакомый ознакомился с этим. В конечном счёте он не сделал ни один взнос по выплате кредита. Скоро мы собираемся обследовать берег и попытаться найти затопленный транспорт.

– Смотрите сами, – сказал он.

На следующее утро мы с Хадж Юсефи прибыли на машине с прицепом к

месту предполагаемого затопления. Как ни странно, мы быстро нашли её и вытащили из воды. Она нуждалась в небольшом ремонте. Мы вызвали людей, чтобы они доставили затопленный грузовик в мой гараж в Тегеране, чтобы быстренько сделать его, для чего я и сам вернулся в Тегеран. В общей сложности на его починку ушло две недели, но вид у него был просто отличный. Я отправил грузовик обратно в Ахваз. Сравнивая полностью отремонтированный грузовик с тем, который получил тот мошенник, я пришёл к выводу, что его утопленник был дешевле и ниже по качеству, а соответственно и стоил меньше.

– Модель новой машины, которую ему предоставили, – сказал я Абдехандэ, когда увиделся с ним, – лучше той, которая была утоплена. Если он хочет оставить у себя тот транспорт, который мы ему предоставили, то он должен хотя бы заплатить разницу.

– Ты же знаешь, Аббас, что я ничего не понимаю в этих делах, – сказал он. – Всё посчитать и просчитать ты сможешь куда как лучше меня.

Абдехандэ ушёл. На территорию ремонтного комплекса заехал шикарный красный автобус. Из него вышел высокорослый мужчина с платком на шее. Походка была у него очень горделивой, а вёл он со всеми себя так, как будто был заемодавцем, и все были ему должны, а не как водитель транспорта для солдат. Машина, как и её водитель, были доведены чуть ли не до блеска. Вид у них был совершенно не фронтовой, и, если так посмотреть, никто бы не захотел их туда отправлять. Как только Таги увидел этого водителя, то тут же спрятался за машинами. Меня это разозлило.

– Что это ты делаешь? – возмутился я. – Почему прячешься?

– Это же он, – показывая на водителя, смутно сказал он.

– Ну, что с того? – уже хладнокровно сказал я. – Да, это высокий и крепкий человек с огромными пиратскими усами на лице. В конце-то концов, это ведь даже не Саддам и тролль, а просто человек.

– Я знаю его, – ответил Таги. – Это очень сквернословный человек. Он кроет благим матом всех без разбора, и сестру затронет без проблем, и мать. Я не притронусь к его автобусу, даже не проси. Делай сам, всё, что сможешь.

Мама умерла относительно недавно, и я принял твёрдое решение, что если он позволит себе что-нибудь подобное, то я его забью до полусмерти. Он подошёл и встал прямо передо мной. Он оглядел меня всего своим хмурым и недовольным взглядом. В этом деле я ему ничуть не уступил и смотрел на него не более милым взглядом, чем он на меня, каждое мгновение ожидая того, что он начнёт сквернословить.

- Да, что что-нибудь нужно? – громким голосом, спросил я.
- Ну, привет, – грубо кинул он.
- Слушай, мне некогда в любезности с тобой играть. Я говорю – чего тебе?
- не уступал я ему.
- В глазах его блеснула искра гнева.
- Кто здесь главный? – спросил он.
- Я смотрел на него пристальным взглядом. По нему было понятно, что, если дать хоть малейшую слабину, то он съест человека с потрохами.
- Я здесь главный, – ответил я.
- Слушай, шёл бы ты отсюда, – махнув рукой, бросил он. – Какой ты главный? У тебя даже лицо не подходит на эту роль.
- Повторяю для особо одарённых, – с гневом сказал я, – что главный тут я, какими бы ты ни видел критерии для того, чтобы быть главным, это ничего не меняет, к твоему сожалению. Все, кто тут работает, ребята из Тегерана.
- Если они из Тегерана, то где мой автомеханик? – спросил он.
- Как его зовут?
- Таги, – оглядывая всю территорию помещения, сказал он. – Если ты говоришь правду, то сделай так, чтобы Таги пришёл сюда.
- Я позвал Таги, но, чтобы он пришёл, одного раза не хватило, и пришлось повторить. Наконец, он откуда-то вышел и подошёл к нам.
- Я посмотрю твою машину, – сказал он этому здоровяку, – но чтобы ни сказал Аббас, ты должен согласиться. Идёт? Ну, что случилось?
- Здоровяк опять оценивающе взглянул на меня.
- Ладно, идёт, – согласился он. – Да не бойся ты, иди уже, осмотри мою куколку. Мы ехали из Тегерана с пассажирами, но их всех высадили и сказали, чтобы мы ехали на фронт, так как у них там нехватка транспорта. Ни родственники не знают о том, что я поеду на фронт, ни долгов своих я ещё не раздал, не говоря уже о том, что деньги нужны также и на ежедневные расходы. Не палец же должна моя семья сосать, в конце-то концов. Разве можно так наобум посыпать людей туда, где велика вероятность того, что их убьют?
- Дай мне адрес своего дома, – сказал я ему, – чтобы я позвонил твоим родным и сказал своим людям отослать им деньги. Они доставят их прямо к порогу твоего дома.
- Лично я не доверяю даже собственным глазам, – повернулся он ко мне.
- И вообще, что это значит, что вы доставите деньги прямо к порогу моего дома?

Терпеть его было для меня всё сложнее и сложнее.

– Это значит, что мой зять приедет к твоему дому и вручит твоей семьи деньги на ежедневные расходы, пока ты не вернёшься к ним, – сказал я. – Теперь понятно?

– В каком это, чёрт подери, смысле? – взорвался он. – Что ты собрался отправить в мой дом? Какие деньги? Оставь этот пустой разговор! Я не поеду на фронт, и на этом точка!

Закончив свою тираду, он обратился к Таги.

– Таги! Давай уже, осмотри мотор автобуса, – скорее приказал он, чем попросил. – Я собираюсь вернуться в Тегеран. Не хочу, чтобы по дороге случились сюрпризы.

Нет, это так продолжаться не могло. Я пошёл в свой кабинет и позвонил, чтобы к нам прислали двух человек для надёжности. По крайней мере, увидев их, он точно будет вести себя осторожнее. Вооружённые солдаты прибыл почти сразу же и встали рядом с этим наглым водителем.

– Какие проблемы у твоей машины? – спросил я его.

– Судя по всему, подшипники полетели, – уже заметно усмирившись, сказал он. – Будь другом, сделай так, чтобы меня отправили обратно в Тегеран!

– Если ты смог доехать с такими подшипниками от Тегерана до сюда, то до Ахваза доедешь с лёгкостью, – заметил я.

– Да что ты за человек такой, а? – опять взорвался он. – Ты что, обладаешь знанием сокровенного? Или, быть может, ты прорицатель?

– Нет, просто с машиной всё в порядке, – спокойно ответил я, – а когда с ней всё в порядке, она, как правило, едет нормально, и ничего экстраординарного с ней не случается. Посмотри, она же просто кричит о том, что с ней всё в порядке! Но так как ты настаиваешь, то я взгляну ещё раз, есть ли у неё проблема.

Как меня научил сам Таги, для того, чтобы определить есть ли проблемы с подшипником, надо заглянуть в фильтр. Я вытащил его и вылил масло в сосуд. Чтобы как-то смягчить его и склонить на свою сторону, я решил немного похвалить его.

– Надо же, – удивлённо заметил я, – как ты прекрасно смотришь за своей машиной и ухаживаешь за ней! Сразу видно, насколько ты любишь её. Я сам работаю механиком в Тегеране. Я осмотрел твою машину – в масле нет даже мельчайшей частицы от подшипника. Состояние настолько хорошее, что я обещаю тебе – если с мотором что-то случится, то я лично дам тебе новый, с которым ты вернёшься в Тегеран.

Водитель вдруг поднял панику и начал оскорблять Таги.

– Я здесь ни при чём, – недовольно, пробормотал он. – Главный здесь – Багери. Если чем-то недоволен, то обращайся к нему.

Тут я понял, что тактика по задобрению была неправильной, и чем лучше с ним себя ведёшь, тем более наглым и дерзким он становится. Да, тактику точно надо было менять, и я решил поставить на место.

– Слушай, если будешь много болтать, – бросил я, – то я распоряжусь, чтобы тебя арестовали и увезли за решётку, а твоя куколка отправится в свадебное путешествие прямиком на фронт. Вообще, скажу я тебе, она туда поедет по-любому, но вопрос в том, кто будет у неё за рулём. Это уже выбирать тебе. Отработай пятнадцать дней, и будешь волен ехать, куда захочешь. Нет – кто-то другой поедет вместо тебя, а ты посидишь пока, подумаешь, поразмышляешь, и неизвестно ещё, какие испытания перепадут на её железную голову. Я пока гляну её, ну а ты не торопись, подумай.

Как и ожидалось, после этого громила не произнёс ни слова, а только лишь пробормотал себе что-то под нос. Он ушёл и начал расхаживать по территории комплекса, а я, тем временем, менял масло. Лил сильный дождь, да такой, что двух или максимум трёх минут под ним хватило бы, чтобы промокнуть до последней нитки. В конце концов он вернулся, незаметно сел в свой автобус и быстро дал по газам. Я знал, что преодолеть один пост, мимо которого он никак не сможет проехать другой дорогой, ему не суждено, ведь он не получил соответствующей бумаги от нас, которая позволила бы ему это сделать. Переживать о нём я долго не стал, а точнее тут же забыл его. Тем временем дождь и не думал становиться слабее, и уже заполнил своими водами каждую яму и впадину. Дождь лил два дня подряд и без остановки. Как только дождь прекратился, я опять увидел тот самый красный да распекрасный автобус на обочине трассы. Водитель занимался тем, что ведром черпал грязную воду из луж и обильно поливал ею свою, как он выразился, куколку. Я прекрасно понимал, почему он так поступает. Иногда так бывает, что машина становится для её обладателя ребёнком, святыней и самым главным объектом почитания на свете, и тем уж более, когда вокруг царит разруха и война, в условиях жёстких санкций и нужды людей.

Он просто охвачен страстной любовью к своей красивой машине. Через час уже нельзя было даже предположить, что машина была красного цвета.

– Эй, ты, главный! – повернувшись ко мне, крикнул он. – Вот моя прекрасная машина, которая теперь покрыта вонючей и мерзкой грязью! Теперь ты доволен? Я отправляюсь на фронт.

Пожелать ему приятного пути я так и не решился – он мог бы понять это совершенно в другом свете. Наконец, он покинул нас и уехал на фронт...

Прошло пятнадцать дней, и он вернулся. Мы начали обследовать машину на наличие дефектов и неисправностей. Наступило время расчёта.

– Ну, шеф, сколько вы готовы нам дать, чтобы утешить наши безутешные сердца? – спросил он. – Обязательно учти износ резины и мотора, а потом уже прикидывай, сколько стоит всё это вместе.

– За рабочий день по 25,000 риля, – ответил я.

– Да уж, знаете вы, как эксплуатировать честной народ! – сразу начал он возмущаться. – Используемые на фронте машины должны быть военными, а не такими, на которых обычные люди пытаются заработать себе на хлеб.

Несмотря на его внешнее возмущение, было понятно, что оспаривать сумму он не собирается, потому как, на самом деле, это было не мало. Что ж, и то ведь хорошо.

– По-твоему, сколько единиц транспорта в распоряжении у военных? – возразил я. – Если бы даже армия задействовала все свои ресурсы в этом направлении, всё равно суммарного транспорта не хватило бы, чтобы перебросить военных. Что делать в таких случаях? Ясное дело – воспользоваться помощью народа. Лично мне принадлежит один грузовик, который вот уже восемь лет служит нашим солдатам на фронте и занимается транспортировкой различного груза. Это война, ничего не поделашь. Все мы должны оказать посильную помощь и поддержку.

Я взглянул на работу, проделанную нами чуть ли не в кругосуточном режиме, – три машины, полностью готовые к эксплуатации, стояли передо мной. Абдехандэ настоял на том, чтобы приоритет был за ними, так как в них была срочная необходимость. Я зашёл к Абдехандэ, чтобы доложить ему о том, что всё готово. Абдехандэ без конца разговаривал по телефону то с одним, то с другим. В кабинет вошёл Санихани. Увидев меня, он подошёл и протянул руку.

– Какая встреча! – воскликнул он. – Сам Аббас Багери, именуемый Златоруким, парень из Тегерана! Салам алейкум! Как ты? Как твой сын Реза? Всё ещё работает с тобой на фронте? Почему не навещаешь нас в Тегеране? Неужели мы, должны видеться здесь, в Ахвазе?

– Когда мы навещаем вас здесь, – все ещё держа его руку, с улыбкой

сказал я, – то не имеем другой цели, кроме как довольство Всевышнего, ну а в Тегеране – это только деньги. Не хорошо ведь, чтобы человек навещал друзей только ради денег. Разве не так?

На столе у Абдехандэ стояло два телефонных аппарата. Они звонили то по очереди, то вместе, так, что он практически не останавливался – не успевал он положить трубку, как тут же начинал звонить другой. Через какое-то время, когда я понял, что поговорить с ним нет возможности, я вышел из его кабинета. Выйдя оттуда и увидев машину Санихани, я решил посмотреть её – не нужен ли какой-нибудь ремонт. Наступило время полудня, когда все восточные люди уже отдыхают, но мы всё ещё работали. Юсефи тоже занимался ремонтом и работал над исправлением одной машины. Помимо прочего, он был мастером ещё и в строительном деле. Кто-то позвал его, после чего он пошёл в кабинет Абдехандэ, который был не так далеко от места нашей работы. Когда он возвращался оттуда, то был уже за рулём большого подъёмника.

– Я поеду в пустыню с ребятами, – сказал он, проезжая. – Там надо снести одну башню.

Взяв с собой несколько человек, он отправился выполнить своё нехитрое дело. Ближе к полуночи он вернулся в наше общежитие. Войдя внутрь, он стукнул дверью, так, что я проснулся из-за него. Без задних мыслей, он включил свет и пошёл искать себе уголок для сна. Шаги его в тот момент я бы скорее сравнил с ударами ласт о гладкий пол. Несколько человек начали что-то недовольно ворчать, хотя суть их претензии и так была ясна. Ятихо встал, погасил свет и подошёл к нему.

– Что случилось? – спросил я его. – Ты что, не видишь, что все спят?

– Меня там чуть не убили! – раздражённо сказал он.

Я спросил его о том, как прошёл процесс со сносом башни.

– По факту получается, – с таким же раздражением в голосе сказал он, – что я поехал на тридцатitonном подъёмнике прямиком на передовую линию, хотя я думал, что дорога наша самая что ни на есть безопасная. Нет, ты можешь в это поверить? Не нашлось ни одной здравомыслящей души, которая мне сказала бы о том, что я еду в самое жерло! Там ведь в любой момент меня могли стереть в порошок!

– То есть, с тобой не было путеводителя? – сонным голосом спросил я.

– В том-то и дело, – выплыснул он, – что были! Причём не один, а несколько. Когда мы проехали большую часть, один из них говорит, что, мол, ты будь осторожнее и не езжай так быстро. Когда я спросил, с чего это мы

должны ехать медленнее, ведь вокруг одна пустыня, а значит нам нечего бояться... Какты думаешь, что он мне ответил?

– Слушай, меня там не было, – поняв уже всю суть его претензии и её неуместность, сказал я. – Говори уже.

– Они говорят, что до передовой линии от нас не больше пятисот метров!

– накрываясь одеялом, сказал он. – Как тебе? Нет, ну ты скажи – если бы знал, что тебя загоняют прямо в пасть ко льву, то ты бы не разозлился?

«Как бы ему объяснить, что это война, и без риска уж как-то не обойтись?»,

– подумал я, видя всё его негодование и как бы праведный гнев.

– Ну, в конечно счёте ведь ничего не случилось, так? – пытался я его успокоить. – Тогда зачем злиться по поводу того, что могло быть иначе? Живи дальше, а об этом забудь уж.

– Забыть? – даже не думал он успокаиваться. – Завтра я устрою этому Абдехандэ, к которому в последнее время невозможно попасть на приём. Поняв, что ничего тут уже не исправишь, я пошёл на своё место, чтобы спасать. Да, его поведение и намерение серьёзно поговорить с Абдехандэ говорил только о его наивности. Абдехандэ мог без какого-либо труда так настроить человека, что он даже не понимал, кто и как его настроил, не говоря о том, чтобы посадить человека на место.

На следующий день случилось ровно так, как я и предполагал. Войдя в кабинет Абдехандэ, он вышел уже через несколько минут с опущенной головой. Из него нельзя было ничего вытянуть – что бы я ни спрашивал о том, как прошёл их разговор, он только отмахивался. Самое интересное, что после этого он начал работать больше и усерднее всех остальных, и если возникала какая-нибудь сложная работа, то он первым выдвигался в качестве добровольца, чтобы сделать её.

На территорию комплекса завезли пятьдесят машин, полностью прочёсанных осколками, которые превратили их в решето. По словам тех, кто привёз их к нам, эти машины были доставлены из Исламабада. Я позвал двадцать человек к себе.

– Ребята, – обратился я к ним, – пусть каждый из вас, кто хоть как-то разбирается в ремонте машин, возьмёт по одной, желательно такой, в которой он понимает больше, чем в остальных, и доводит её до ума. Можете выбрать ту, которая, на ваш взгляд, потребует меньше сил и сноровки. Если кто-то из вас сможет, то пусть берёт две машины. Самое главное, чтобы вы взяли на себя работу. Вперёд!

Чёрный Хусейн, который хорошо разбирался в джипах, взял себе один джип. Хусейн Ник Айин принял за грузовик. Я взял несколько микроав-

тобусов. Во время работы я вдруг увидел, что Хусейн разрезает кузов джипа.

– Ты вообще понимаешь, что делаешь? – спросил я его. – Зачем ты режешь кузов?

– Он был сильно повреждён, – остановив процесс по уничтожению кузова, сказал он. – Я хочу отрезать его, выровнять, а потом опять посадить на место.

– Хусейн, это индийский джип, – начал я объяснять ему его ошибку. У индийских джипов кузов толстый и тяжёлый. Лучше иди и займись какой-нибудь другой работой.

Отправив его, я принялся налаживать испорченный им кузов. Через час он вернулся, и я понял, что он не нашёл никакой работы, в которой преуспел бы. По этой причине я решил оставить его рядом с собой, чтобы он смотрел и помогал мне. В конце концов, общими усилиями мы закончили с ней. В общей сложности на ремонт всех привезённых машин у нас ушла одна неделя, после которой мы сдали работу. На территории ремонтного комплекса осталось десять водителей, которые ждали свои машины. Пришёл Абдехандэ.

– На части Джазират аль-Маджнун есть автострада, которая подверглась бомбардировке. Тем не менее, транспорт может передвигаться до определённого её участка. Нужны водители, которые доставили бы ребят на передовую. Ехать нужно, как ты уже понял, в Джазират аль-Маджнун.

Я пришёл к ребятам и поведал им о том, что нужен доброволец, который поехал бы по полуразрушенной дороге до совершенно разрушенного её участка. Они попросили лишь о том, чтобы им позволили отправиться до начала операции, чтобы они успели заехать на эту автостраду, так как в случае, если им придётся возвращаться ночью, когда они не смогут толком разглядеть дорогу, они не улетели бы с трассы. Я решил озвучить это предложение Абдехандэ.

– Лучше вообще не давай им ехать, – немного подумав, сказал он. – Если они поедут сейчас, то потом, когда боевая операция начнётся, они больше не захотят туда ехать, а ведь именно тогда в них будет большая необходимость, чем сейчас.

– Но ведь они настаивают на том, чтобы поехать, – возразил я. – Я не думаю, что они способны на такое. Ребята очень отчаянные, и если надо будет, то поедут и во время боевых действий, и глазом не моргнут. В данном случае они просто перестраховываются, покуда есть такая

возможность. В экстренной ситуации они вообще не будут задумываться, и сразу сделают то, что им скажут. Ребята проверенные.

Абдехандэ, немного подумав, лишь кивнул головой. Как я понял, он имел в виду то, чтобы я действовал так, как считаю нужным. Уйдя от него, я вдруг сам удивился тому, как я ручался за них. Да, одной из моих ошибок было то, что я заведомо всегда был лучшего мнения о людях. Нет, я никак не хотел принижать достоинства этих ребят, но ведь они обычные люди. Это были водители из Тегерана, которых я привёл с собой. Я вернулся к ним.

– Абдехандэ говорит, что ещё рано, – сказал я им. – Сейчас лучше не ехать. Они опять начали настаивать на том, что поехать всё же стоит.

– Уже несколько водителей поехали туда, и из-за того, что не знали толком дороги, перевернулись, – объяснил общий мотив один из них. – Мы не хотим, чтобы наши машины превратились в хлам. Обязательно надо поехать.

Делать было нечего, и пришлось поступить так, как они того хотели. Я сообщил об это Абдехандэ.

– Теперь тебе стоит поискать других водителей, – сказал он. – Они не поедут на передовую, когда наши начнут действовать. Точно говорю тебе. Наступила ночь. Ребята уехали ещё днём, а о них до сих пор не было никаких вестей. Наступило утро, за ним день, и опять ночь. Переживание за них и за их судьбу сильно усилилось. Через день они, наконец, явились. Припарковав свои машины, они подошли ко мне. Вид у них был довольно-таки недовольный.

– Где вы были? – набросился я на них. – Что случилось? Почему вас так долго не было? Да и почему у вас на лице такие кислые мины?

– Аббас, там очень опасно! – сказал один из них. – Сделай одолжение – иди к Абдехандэ и скажи ему, чтобы больше не отправлял настуда.

Они направились внутрь, чтобы отдохнуть.

– Что мне сказать Абдехандэ? – надеясь, что мне это послышалось, переспросил я.

– Скажи ему, – вернувшись, повторил один из них, – что ребята завтра не поедут на передовую, что они боятся за свои жизни. Там везде взрывы снарядов и перекрёстный огонь, да к тому же самолёты прилетают невесть откуда и тоже начинают бомбить, в том числе и химическими бомбами. Сами солдаты бывают вынуждены лежать тише воды и ниже травы. Мы видели несколько машин, сорвавшихся в воду. Они были совсем новыми. Нам говорили, что их водители потерялись, только лишь

завидев надвигающиеся самолёты.

Они были просто опустошены настолько, что казалось, будто их воображение обильно дорисовывало сложившуюся в их сознании печальную и безнадёжную картину. Да, все в таких случаях говорят, что бояться нечего, пытаются апеллировать к воле Всевышнего, без которой с человеком не может случиться как ничего плохого, так и ничего хорошего. Я зашёл к Абдехандэ и присел.

– Что случилось? – спросил он. – Водители пожалели о том, что поехали, как я и говорил?

– Да, причём очень сильно, – признался я. – Они напуганы, и поэтому говорят, что больше не поедут на передовую.

– Ничего страшного, – сказал он. – Где машины? Я найду других водителей, которые поедут.

Я указал ему через окно на машины, что стояли на улице.

– Они здесь, все здесь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я находился у себя в гараже, когда ко мне пришли семь моих друзей, которые ещё ни разу не были на фронте.

– Эта жара ведь убивает ни чуть не хуже, чем оружие, – сказал один из них.

– Боже, упаси от неё! Жара – вот наш главный враг!

За всё время мне ни разу не удалось уговорить этих семерых поехать на фронт, и всегда они находили какой-нибудь более или менее нелепый повод, чтобы отказаться. Но на этот раз я твёрдо решил, что обязательно, во что бы то ни стало, повезу их с собой.

– Вы ещё не представляете, как жарко в самом Ахвазе, – подначивал я их.

– Опять Аббас пришёл по наши души! – с серьёзным видом возмутился один из них. – Ты ведь сам был раньше против того, чтобы ехать туда. Что изменилось? Почему ты теперь так рвёшься туда, да и нас постоянно зовёшь с собой.

– Не путай, – поправил я его, – я не был против того, чтобы ехать, а просто боялся это сделать. Вот уже семь лет езжу туда, собирая перед этим отряды. Там мы вкалываем с утра до ночи. Можешь ли ты себе это представить, если предположить, что я против? Нет, то был просто страх. Когда я побывал на фронте несколько раз, то страх уже исчез. Если говорит на чистоту, мой младший сын Хусейн преуспел в этом деле больше своего отца. Он ушёл воевать и примкнул к мученикам, а я так и остался в добровольном рабочем отряде. Если честно, я завидую ему белой завистью... Да, в этом вопросе вы тоже не исключение – даже если поначалу и будет какой-то страх, то это лишь временно. Пару раз сходите, и всё. Даю вам слово. Я как раз набираю ещё один отряд. Через десять дней отправляемся в путь.

Слёткой улыбкой на лице, я прошёлся взглядом по каждому из них.

– Если вы соглашаетесь, то отлично, если нет – то я завязываю вам всем руки и ноги и насилино увожу на фронт, – пошутил я.

– Но ведь это очень опасно, – сказал глашатай этой группы.

– Скажи честно – слышал ли ты, чтобы за этим семь лет, что я езжу туда с людьми, кто-то уехал бы в вертикальном положении, а вернулся в горизонтальном? – поставил я вопрос ребром.

Они начали смеяться, ещё не до конца осознавая, к чему ведёт эта мысль, но как только до них дошло, они начали сконфуженно оглядываться друг на друга.

– Главный девиз моей организации – здоровье прежде всего, – ковал я железо, пока горячо. – Какими бы ни были условия, даже если придётся ехать на передовую, главное, чтобы мои люди возвращались в целости и сохранности. Ну, так вы едете со мной, или нет?

Они опять начали переглядываться. Никто не хотел быть заслуживающим того, чтобы всем пришлось ехать, но говорить "нет" большого желания тоже не было. В этот момент к нам зашёл Хадж Асади.

– Дружище, рад видеть тебя, – встал я со своего места в знак уважения. – Хадж Асади только что вернулся из Гейба.

Хадж Асади пожал руку каждому в отдельности и поздоровался со всеми.

– Да вознаградит тебя Всевышний, Аббас! – сказал он после того, как закончил с приветствием. – Это ведь новый отряд, который отправится с тобой на фронт для добровольной работы, так?

– Да, конечно, – быстро сказал я, прежде, чем кто-либо из них успеет открыть рот. – Как говорится, вашими молитвами.

Никто не стал перечить и говорить, что это не так. Большая часть дела уже была сделана.

– Слушай, мне нужно несколько водителей, – сказал он. – Есть у тебя таковые на примете?

– Для чего тебе они? – спросил я.

– На собранные пожертвования было куплено двести пятьдесят машин, и теперь их надо доставить в Ахваз и вручить военным, – последовал ответ.

– Среди них – семь тяжёлых грузовиков и семь лёгких. По нашему плану, в пятницу они должны отправиться колонной после пятничной молитвы в Джамаран, и оттуда уже в Ахваз.

Эта новость меня сильно обрадовала. Я посмотрел на семерых друзей – «ребята, ваша работа сама пришла к вам!», – могли они прочитать в моих глазах.

– Судьба вам явно улыбнулась! – сказал я им. – Сам фронт пришёл к вам на встречу. Разве можно представить более удобный и лёгкий способ попасть туда? Это же судьба, никак иначе!

Я повернулся к Хадж Асади.

– Наши друзья, по счастливому стечению обстоятельств, водители грузовиков, – сказал я. – Проблема доставки семи грузовиков, таким образом, уже решена. Скажите, чтобы доставили оставшиеся к моему гаражу. Я скажу своим ребятам, чтобы они проверили сход/развал. Сам я проверю, на сколько крепко затянуты гайки на колёсах. По собственному

опыту знаю, что эти мелочи иногда имеют важное значение на фронте. Скажи, чтобы доставили сегодня же после полудня, а завтра с утра уже пусть возвращаются, чтобы забрать их.

Хадж Асади, уже очень счастливый, встал со своего места и опять начал пожимать всем руки.

– Спасибо, Аббас! – поблагодарил он меня. – Ты просто сделал этот день для меня! Да вознаградит тебя Всевышний за всё, что ты делаешь! Если можешь, то посмотри, можешь ли ты найти ещё людей. Нужно ещё около пятидесяти водителей.

– Каковы остальные машины? – спросил я. – Легковушки?

– Машины скорой помощи, автобусы, микроавтобусы, джипы и всё в этом духе, – ответил он.

Я обещал ему, что мы обязательно предоставим им свою помощь. Моя новая команда из водителей и автомехаников даже не знала, что и сказать. Они просто не смели дать отказ перед лицом необходимости – просто совесть не позволяла. Я начал мотивировать их к тому, чтобы они готовились к поездке.

– Привезти машину на фронт – это-то вам точно под силу, – сказал я. – Разве может быть что-либо безопаснее, чем это? Я обещаю вам, что, когда вы прибудете на фронт, я не только не стану сдавать вас Саддаму, но обещаю и то, что не прольётся капля вашей крови.

Как только они вышли от меня, я тут же начал звонить своим фронтовым товарищам с запросом пятидесяти водителей для Хадж Асади.

Часть машин привезли к гаражу. Все были на ходу и в хорошем состоянии. Утром в четверг колонна из машин народной помощи, на каждой из которых был утверждён флаг с надписью на них: «Подарок благотворительного фонда Каусар, базар Долаб».

Первым пунктом назначения колонны был Джамаран, расположенный на севере Тегерана. Там в нашу честь подготовили угощение для людей и разожгли благоуханные курения. Мы крутились по улицам Тегерана примерно до трёх часов дня, после чего вручили машины гарнизону. В пятницу колонна продолжила своё шествие. От штаба Корпуса стражей Исламской революции мы поехали по улицам района Таджириш и Шамиран. Колонна, действительно, была впечатляющей. Двести пятьдесят водителей и их помощников сидели в них. Мы поехали в центральную мечеть для совершения пятничной молитвы. Люди скандировали лозунги. Сундуки для благотворительности в помощь фронту были заполнены деньгами. Люди гладили руками машины, так как были

убеждены в том, что машины, используемые в священной обороне, тоже имеют святость, а их водителей они просили помолиться за себя. После этого мы отправились на кладбище погибших воинов. По ходу движения колонна разделилась на несколько частей – часть поехала на запад, другая – на юг. Машины скорой помощи поехали в священный город Кум, располагающийся в ста километрах южнее Тегерана. Я вместе с пятьюдесятью водителями следующим утром тоже поехал на юг. Доехав до места назначения, мы представились местным военным. Жители того района подготовили прохладительный щербет и принесли в жертву за нас барашку, из которой было приготовлено общее угощение. Там я встретился с несколькими фронтовыми друзьями, которые пригласили нас на обед к себе домой. После беды мы продолжили свой путь, на всей протяжённости которого люди встречали нас с радостью и улыбками на лицах, и, видя их, мы сами заряжались энергией. Хадж Асади был с нами.

– Кто придумал устроить этот автопробег по городам с флагами на машинах? – спросил я его.

– Коллектив фонда Каусар и ваш покорный слуга, – с улыбкой ответил он. Когда мы прибыли в Андимашк было уже темно. В тот момент как раз послышались звуки приближающихся самолётов – это было начало бомбардировки вражеской авиации. Сразу же в небе показались и истребители.

– Как вы думаете, что нам лучше сделать? – спросил я. – Может стоит поехать к гарнизону Докухе?

Все согласились, и мы поехали. По прибытию мы показали местным дежурным охранникам документы этих подаренных машин, после чего нас пустили внутрь. Там нас встретили очень тепло. Две машины из тех, которые мы привезли туда, отправились дальше на запад, а осталось, соответственно, сорок восемь штук. На утро, когда все уже проснулись и были готовы двигаться дальше, вдруг выяснилось, что одна из машин вышла из строя. Я хотел отправить остальные сорок восемь машин дальше, сказав им, что я нагоню их примерно через час, но друзья не хотели отделяться от меня. Итого дальше поехала сорок одна машина. Закончив с ремонтом, мы выехали из гарнизона Докухе. Доехав до площади Андимешк, мы остановились. Время было около одиннадцати дня. Все мы были очень голодны.

– Мы бы не отказались от люля-кебаба. Может закажем несколько порций? – предложили друзья.

Тем временем к нам подошла одна старая женщина, которая привела с собой домашнюю козу. Когда она узнала о том, что стоящие здесь машины приобретены на народные пожертвования и подарены военным, то решила тоже подарить от своего лица что-нибудь. По ней было видно, что ей около восьмидесяти лет. Своими дрожащими руками она отдала козу и очень обрывисто начала говорить:

– Один... У меня был... один сын... Он... ушёл на фронт... и... погиб. Из всего имущества... у меня осталась одна... эта коза. Я... хотела бы... пожертвовать её... для вас.

Ребята были просто поражены искренностью и самоотверженностью этой старой женщины, и им стало очень стыдно за самих себя. Было очевидно, что она произвела на них очень сильный эффект. Я решил не упускать такой удобный случай для закрепления этой мысли у них.

– Все эти восемь лет, в течение которых я езжу на фронт, чтобы работать, сколько мне позволяют силы, я езжу по причине именно таких самоотверженных и непоколебимых людей, которых я видел не раз, пока был на фронте. Ради таких людей можно не только жить и сражаться, но даже умереть. Клянусь Богом, что они стоят того. Положа руку на сердце, скажите вы мне, кто из нас не пожертвовал бы свою жизнью ради них?

Друзья лишь, молча, смотрели на меня, а в глазах их можно было увидеть всю глубину той мысли, которая увлекла их сознание и собиралась навсегда поселиться прямо в сердце. Тем временем соседский мальчик этой старой женщины пришёл, неся с собой нож для заклания. Эта бедная женщина была счастлива лишь тем, что смогла пожертвовать хоть что-то, ну а все мы до глубины души были тронуты этой картиной. Никто ничего не говорил. Мы сели в свои машины и вновь тронулись в путь. О люля-кебаб уже никто не заикался, но я знал, что ребята голодны, как, впрочем, и я сам, и поэтому надо бы где-нибудь подкрепиться.

– Если никто не против, – сказал я, – то можно покушать просто хлеб со сметаной. Недалеко отсюда располагается магазин дяди Абдехандэ.

Никто не ответил – все только смотрели на меня. Было видно, что всё то, что они увидели за эти дни, сильно повлияло на них, и теперь каждый из них погружен в свои думы, и особенно сильным было последнее впечатление от той старой и бедной женщины. В полном составе в восемь человек мы вошли в магазин дяди Абдехандэ. Мы взяли хлеб, сметану и сыр, и когда я хотел расплатиться, то дядя Абдехандэ ни за что не захотел принимать деньги. По плану, колонна, проехав по некоторым улицам города, должна была остановиться здесь же, рядом с площадью, но их

почему-то до сих пор не было на месте. После обеда они, наконец, явились.

– Где вы были? – спросил я. – Почему встак долго не было?

– На одном повороте перед одним из наших грузовиков резко пронеслась машина, и водитель, пытаясь избежать столкновения, резко повернулся в сторону, вследствие чего он перевернулся, – ответил один из водителей. – К сожалению, и тебя там не было, чтобы провести оценку ущерба. Мы с трудом смогли поднять его на колёса. Насколько я знаю, его хотели отправить в Шираз, чтобы там его отремонтировали.

Мы въехали в Дизфуль. Жители города знали заранее, что колонна машин движется в сторону города, и скоро должна его достичь. Люди по-прежнему толпами встречали нас радушно, организовывали угождения для нас и скандировали лозунги.

– Что здесь делают все эти люди? – удивлялся один из моих друзей. – Неужели все они пришли только для того, чтобы посмотреть на нас?

– Увидеть нас, встретить достойным образом и посмотреть на ту помощь, которую оказали жители Тегерана и остальной части нашей страны, – ответил я.

В этом городе в нашу честь зарезали больше баранов, чем в остальных городах. В конце концов мы покинули и его, направившись в Ахваз. Приехав туда, мы остановились напротив городской мэрии. Друзей уже было не узнать – изменения в их душах продолжались. После того, как мы вручили машины местному самоуправлению, я и семья моих друзей отправились к Абдехандэ. Там я начал рассказывать ему о том, как горячо нас встречали люди по дороге.

– Это они делают для того, – улыбаясь, пошутил он, – чтобы поощрить вас к повтору чего-нибудь подобного, а то, кто его знает, быть может, вы уедете и никогда больше не вспомните о том, чтобы повторить нечто подобное.

Наступил долгожданный день для всех нас, когда война была закончена. На фронте оставалось ещё много машин, предоставленных армии народом, которые нуждались в ремонте. Я вновь собрал команду для добровольных работ. Да, наша война ещё не совсем закончилась – война с автомобильным железом. Одну за другой мы отдавали отремонтированные машины. В приоритете были те, которые были предоставлены

армии в пользование народом, ведь каждая из них могла обеспечить содержание для целой семьи. Мне пришлось полностью закрыть на время собственный гараж, чтобы как можно быстрее справиться с поставленной задачей.

С Хадж Аббасом Годарзи у меня состоялся разговор об открытии отдела по перевозкам недалеко от отдела полиции в Ахвазе. Он согласился оказать свою помощь в этом деле. Также мы планировали собрать пожертвования у народа с этой целью.

Через какое-то время Абдехандэ перевели в Тегеран. Ему был поручен комплекс по ремонту и реконструкции автомобилей, который располагался на шоссе до Караджа. Оттуда он связался со мной.

– Не хочешь приехать к нам? – спросил он меня.

Я взял у него адрес и название комплекса – он был назван в честь Шахида Мухаммада Боруджерди. Недалеко от него также располагался гарнизон имени Абу Зарра. Ребята устроили просто грандиозный комплекс по ремонту, где работа просто кипела. Абдехандэ предложил мне встать во главе. Я попросил дать мне время на размышления. Всё же это была немалая ответственность. В конце концов, я принял решение.

– Нет, друг, – сказал я ему. – Нести такой груз мне не под силу. Максимум, что я могу сделать для вас, так это порекомендовать вам хороших работников, но не более того. Уже несколько лет прошло, как я сам толком не могу заняться своей ремонтной мастерской. Я отложил все дела в основном занимался только фронтовыми вопросами. Думаю, пришло время наверстывать упущенное.

Предлагаемые мною работники были Муджтаба Басаири и сейид Махди Саджадийан. Вместе с ними я вернулся в гарнизон Боруджерди. Не успели они приехать, как сразу же засутили рукава и принялись за работу. Через какое-то время они попросили взглянуть на то, что они успели сделать. Когда я пришёл, то увидел несколько готовых машин и ребят, полностью погруженных в то, что они делали. Эта картина напомнила мне всё то время, которое я провёл на фронте, и все ремонтные мастерские на западе и юге Ирана, в которых мы с ребятами так отчаянно работали.

В течение целого года после этого дня работа этих искренних ребят сводилась к тому, чтобы довести все автомобили, которые были даны народом в пользование армии на время войны, до достойного состояния, в котором их можно было бы вернуть их владельцам. Надо сказать, что справились они с этой задачей на пять – от повреждений не осталось практически и следа.

Через год нас настигла беда ещё больше, чем война – скончался имам Хомейни.

Сегодня мы вместе с семьёй приехали к его могиле, чтобы прочитать за него суру "Фатиха" и помолиться. Там, недалеко от усыпальницы, я увидел Хадж Мухаммада Акбара. Помню, этот человек тоже был среди рабочих отрядов добровольцев. Хусейн Баздар шёл вместе с Хадж Мухаммадом. Я начал звать его. Как бы я ни кричал, он не смог меня услышать. Да и возможно ли было услышать что-нибудь среди такой толпы? На них была рабочая одежда. Когда я подошёл поближе к ним, то увидел, что они занимаются сваркой подола гробницы внутри неё. Я попросил своего старшего сына отвезти жену и остальных детей домой, чтобы я смог немного побыть со своими друзьями. Мне с трудом удалось пробраться к ним. Не обошлось и без работы локтями с целью растолкать толпу.

– Хусейн! Хадж Мухаммад! – начал я их звать, как только приблизился к гробнице. – Это я – Златорукий Аббас!

Толпа была не из лёгких, и через несколько секунд после победоносного броска ближе к гробнице меня опять откинули назад. Я опять начал пробираться вперёд, и, приблизившись вновь, крепко зацепился за внешнюю решётку гробницы.

– Хусейн! – что было сил, кричал я.

Стоя там, я начал бить кулаками по решётке, чтобы они обратили на меня внимание. Наконец, Хадж Мухаммад поднимает свою голову и смотрит на меня, и, как только он узнал меня, сразу хлопнул по плечу Хусейна и указал ему на меня.

Когда они вышли, мы с ними отошли в сторону.

– Ах вы подлецы! – возмущался я. – Вы решили в одиночку заниматься здесь благотворительностью? Чтобы никому не досталось вознаграждение от Всевышнего, кроме как вам? А как же мы? В конце-то концов, я ведь тоже отец одного из мучеников. Неужели это не даёт мне никаких привилегий на то, чтобы принимать участие в подобном? Давайте, я помогу вам. Мы вместе отправились к заведующему, чтобы получить разрешение на работу внутри гробницы. Попытка увенчалась успехом, и мы все вместе пошли работать.

– Мы обрабатываем прожектора, чтобы они давали нужный свет и в нужном направлении, – пояснил Хусейн суть того, что они делали.

Я засучил рукава и принялся за работу. Больших объяснений мне не было нужно. Работа наша продлилась до вечерней иочной молитв, которые

мы совершили там же. К тому моменту мы немного подустали, но после ужина с новыми силами принялись за работу, и продолжали работать всю ночь до рассвета. Совершив утреннюю молитву и позавтракав, мы опять продолжили работать. Всё это время гробницу окружали всё новые люди, пришедшие посетить покойного имама Хомейни, и не наступило такого момента, чтобы там никого не было. В голове у меня вдруг возник образ имама, когда он, будучи на балконе у своего дома в Джамаране, откуда выступал с речами в последнее время своей жизни, смотрел на меня и улыбался. На мой взгляд, это был самый улыбчивый старик на свете, сердце которого до конца оставалось молодым и полным жизненных сил. Уже наступило два часа после обеда. Совершив молитву, мы принялись за обед. На самом деле, я хотел продолжить работу и не отвлекаться на еду, чтобы в одном порыве довести эту работу до конца. Пришло время уходить оттуда. Я дал свой номер телефона этим друзьям, чтобы они обязательно связались со мной в том случае, если вдруг здесь опять появится какая-нибудь работа. Я сказал им, чтобы они в первую очередь сообщили об этом мне.

Через два дня один из них позвонил. Нужно было установить крышу над гробницей. Со всей работой мы справились за полные сутки...

После тех событий прошло уже немало лет, но мои мысли всё ещё с моим народом и его будущим, народом, который отдавал всё, что у него было, и жертвовал всем ради достижения общей цели.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

МАХБУБЭ МЕРАДЖИПУР

ЗЛАТОРУКИЙ АББАС

Воспоминания
Аббас-Али Багери

Перевод с персидского М.С. Израилев

Редактор перевода Н.Г.-А. Мамед-заде

Помни Хусейна

Pomnihuseyna

Отпечатано ООО «Медиаграф».
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9.75. Тираж 500 экз.
Заказ №43 от 13.07.2020 г.

www.media-polis.ru

г. Ростов-на-Дону
2020 г.